

ВЕК:
Лица
Лицины

Анатолий
Терещенко

«Оборотни» из военной разведки:

Девять
предательств
сотрудников ГРУ

Amey

Анатолий Терещенко

**«Оборотни»
из военной
разведки**

Д е в я т ь   п р е д а т е л ь с т в

с о т р у д н и к о в   Г Р У

Москва
Издательский дом «Звонница-МГ»
2004

УДК 327.8
ББК 67.401.212
Т35

Т 35 Терещенко А.С.
«Оборотни» из военной разведки. — М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2004. — 336 с. — ил.

ISBN 5-88524-103-1

Автор книги — почетный сотрудник госбезопасности полковник А.С. Терещенко был участником описываемых событий.

В книге на документальной основе рассказывается о борьбе военных контрразведчиков КГБ со спецслужбами США и Великобритании в период последних десятилетий существования сверхдержавы — СССР.

Широкий резонанс получили успешные операции по разоблачению Пеньковского, Полякова, Резуна (В. Суворова), Сметанина, Филатова и других «оборотней» из военной разведки, продавших за сребренники честь, совесть и Родину.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 327.8
ББК 67.401.212

ISBN 5-88524-103-1

© Терещенко **А.С.**, 2004.
© Издательский дом «Звонница-МГ»
Оформление, 2004.

Слово об авторе

О доблестной и опасной службе военных разведчиков — своеобразной интеллектуальной элите армии — написаны сотни книг. Бойцы незримого фронта, вписавшие золотые страницы в историю Отечества, достойны добрых слов. Но в семье, как говорится, не без уroda: среди офицеров Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных Сил СССР попадались выкресты, отдавшие душу дьяволу за тридцать сребреников.

О мотивах предательства, о том, как этих нелюдей вычисляли военные контрразведчики, и ведет разговор в своей книге «Оборотни» из военной разведки полковник запаса Анатолий Степанович Терещенко — почетный сотрудник госбезопасности, один из непосредственных организаторов и участник многих оперативных разработок, прослуживший в центральном аппарате 3-го Главного управления КГБ СССР около двадцати лет.

Чтобы избежать яканья, придать повествованию динамику, а сюжету — простор, автор решил вести разговор от лица Стороженко. Этот литературный прием позволяет Терещенко-Стороженко воспроизводить волнующие эпизоды оперативных действий, картины минувших лет не сухим языком служебных документов, а художественным словом. И такой подход объясним, ибо не пришло ещё время снять гриф «совершенно секретно» со многих методов работы контрразведчиков.

События, излагаемые в книге, — подлинные, но по оперативным и этическим соображениям фамилии некоторых героев и антигероев повествования заменены.

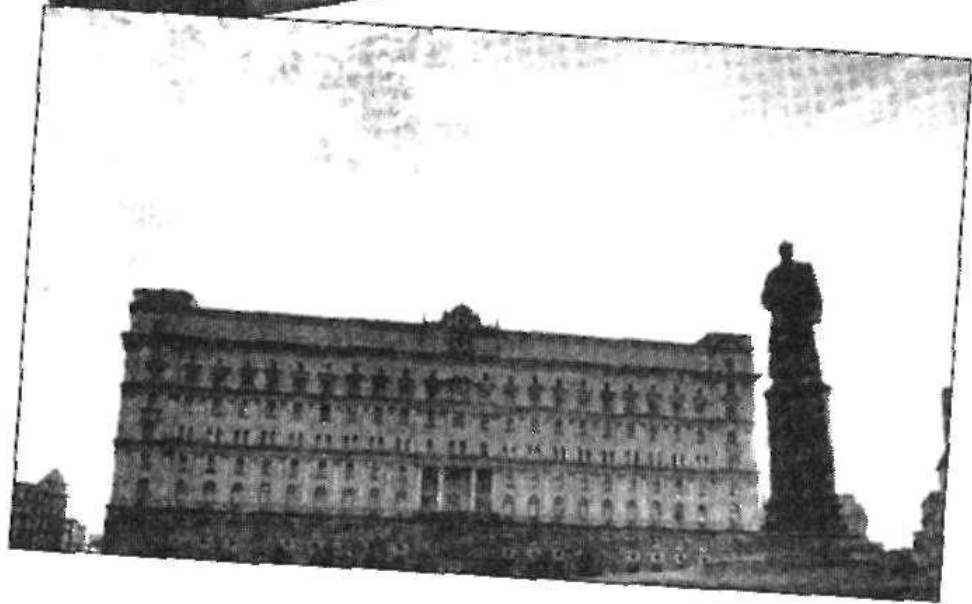
Анатолий Терещенко — член Союза писателей России, член Союза журналистов. Он автор четырех поэтических книг: «Полесские волошки», «Огня пугливый луч», «Офицерская честь», «Лирика. Я вслушиваюсь в листьяв благовест». За последние годы он опубликовал в центральных газетах и журналах более сорока публицистических статей па социальные темы, в том числе по проблемам армии и органов госбезопасности.

*Член Союза писателей России
Дмитрий Алентьев*

Часть I
СТУПЕНИ МАСТЕРСТВА

ПУТЬ В ЧЕКИСТЫ

*Ни искусство, ни мудрость не могут
быть достигнуты, если не учиться.*

Демокрит

Душным июньским днем 1963 года старший сержант Стороженко Николай Семенович после срочной службы во Львове прибыл в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Высшую школу КГБ. До армии он бредил небом, хотел стать лётчиком. Подал документы в училище, но неожиданно заболел. Пока находился в больнице, завершились вступительные экзамены. Пришлось ему податься в физкультурное педучилище, благо с детства увлекался спортивной гимнастикой: крутил «солнце» на перекладине, почти держал «крест» на кольцах, освоил связку — рондат, фляк и сальто в акробатике. Сдав экзамены, стал студентом.

Кумирами той поры для него были В. Чукарин, В. Муратов, А. Азарян, Б. Шахлин и другие прославленные гимнасты. Фотографии их были повсюду: красовались на стенах комнаты общежития, на крышке картонного чемоданчика, заполняли листы фотоальбома. Гимнастике и своим кумирам Стороженко посвятил даже несколько юношеских стихотворений. После педучилища, служба в армии, он продолжал заниматься этим видом спорта. На секции он познакомился с офицером Ю. Ищенко — перворазрядником по акробатике. Оказался он «особистом» — сотрудником Особого отдела КГБ по Прикарпатскому военному округу (ПриКВО).

На одной из тренировок Ищенко неожиданно спросил:

— Николай, у тебя когда заканчивается служба? Какие планы?

— В этом году. Собираюсь поступать на журфак Львовского университета, — ответил солдат.

— А что дальше? В лучшем случае ты станешь собкором районной газетёнки или преподавателем в школе. Тебе нужно повидать мир, небось, кроме Украины нигде не был. А ведь есть возможность посмотреть Россию, а там, если повезет, то и за границу, — загадочно говорил офицер.

— Юрий Иванович, о чем речь?

— А не поступить ли тебе в Высшую школу КГБ? По моим наблюдениям, из тебя получится оперативник. Работа интересная, ответственность — государственная. Попробуй... Тут и материальная сторона: вечный студент для родителей, согласишься, тяжелая ноша.

— Вообще-то верно. Если бы не родители, на четырнадцать рублей стипендии я бы не прожил. Да ещё при таких физических нагрузках. Тренировки пожирали уйму калорий.

— Ну вот, а ты хочешь вновь сесть на шею старикам. Подумай, но думай недолго. Жду ответа на следующей тренировке. Я тебе добра желаю...

Когда Николай принял решение, то написал родителям. Отец неожиданно приехал в часть, а когда узнал, где собирается сын учиться, то развел руками:

— Жаль, хотел тебя видеть машинистом локомотива... но неволить не могу. Нужно дело — защитник Родины. Твой дед был солдатом, брат деда — офицером армии Самсонова. Оба смело дрались и погибли, защищая Отчизну, которой присягали на верность. Имей в виду — у чекистов меч обоюдоострый, он сшибал головы врагам настоящим и мнимым. Сколько попадало невиновных, — только Бог знает. Я пережил то страшное время. Будь справедлив и щедр на доброту. Не забывай в человеке людское, когда придётся решать судьбы людей...

Сын был поражен словами никогда не говорившего на серьёзные темы отца, окончившего всего четыре класса сельской школы. Жизненный опыт — пережитые коллективизация и репрессии тридцатых годов, вся война от звонка до звонка в паровозной будке, не защищавшей от осколков и пуль, участие в Сталинградской эпопее, потери товарищей — воспитал в нем порядочность и смелость, терпимость и деловитость.

И вот она, желанная Москва, которой «в детстве кто не бредил». Сразу же с Киевского вокзала столицы, закинув

вещмешок на плечи, Николай отправился на Красную площадь — увидеть живую историю.

Вспомнились соревнования, когда он, сильный и стройный, по приглашению судьи шел гордой походкой к спортивному снаряду, тренировки в армейском спортклубе (СКА) ПрикВО, где практически случайно решилась его судьба.

Сданы вступительные экзамены. На темно-зеленой гимнастерке появились курсантские погоны. Учеба шла по накатанной колее — лекции, семинары, практические занятия. Гимнастику не бросил. Сначала возглавил команду гимнастов на факультете, а затем и всего вуза. Это были упражнения для тела, но нужно было что-то и для души. Вскоре организовалась группа энтузиастов: вместе ходили по музеям, на выставки, в театры и кино. Особенно любили вечера поэзии.

Николай записался в «Ленинку», которую посещал почти каждую субботу. Копался в редких книгах, открывал забытые имена поэтов, искал ответы на философские вопросы. Это был ренессанс души.

Когда Николай прочитал только что вышедшую поэму Егора Исаева «Суд памяти», то он, не имея возможности приобрести книгу, сидел целую ночь, переписывая произведение в тетрадь, — так понравились звонкие звучанием и глубокие смыслом строки мастера слова.

Учеба в Москве обогащает любого, пытливые умы — вдвойне. Шестидесятые годы были годами расцвета поэзии. Часто проходили поэтические вечера. Увлекалась молодежь творчеством Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Ю. Друниной и других. В памяти Стороженко долго оставался большой вечер во дворце культуры «Крылья Советов», где в течение двух часов стихи читал Э. Асадов. Он был любимцем студенчества. Подобные вечера являли собой настоящие праздники души с радостью живого общения с кумиром. Любители стихов тех лет охотились за сборниками «День поэзии». Читались эти альманахи с превеликим удовольствием...

И в то же время шла серьезная подготовка к будущей работе. Знакомясь со специальной литературой об операциях, проведенных чекистами в разное время, особенно в

военный период, он восторгался умом и хладнокровием оперативников, вязавших тончайшие сети разработок, в которые попадали опытные агенты противостоящих спецслужб, создававших осиные гнезда по стране.

По мере знакомства с материалами о действиях ЦРУ и ФБР США он всё глубже понимал сущность глобальных планов противника. Во все времена разведки и контрразведки оберегали государственную власть, стояли на страже неизбежности державных устоев, закрепленных конституциями.

«Если мы хотим понять природу ЦРУ, — говорил ветеран американского рабочего движения, отнюдь не коммунист, но человек, верящий в демократию без кавычек, бывший постоянный представитель Всемирной федерации профсоюзов при ООН Э. Демайо, — мы должны прежде всего понять социально-экономическую систему, породившую это ведомство. Наше общество покоится на эксплуатации многих теми немногими, кто владеет и управляет средствами производства, создающими богатство нации, и финансовыми институтами — источниками её жизненной силы. Эти всемогущие немногие, располагающие громадными экономическими ресурсами, управляют политической жизнью страны. Они и представляют теневое правительство страны, принимающее основные решения, которые передаются для реализации официальным исполнительным и законодательным органам через своих пособников, занимающих ключевые посты во всем федеральном аппарате... Выступающий против ЦРУ бросает вызов самому могущественному ведомству государственной власти».

Ещё одно толкование о роли ЦРУ в системе государственной власти Николай нашел в книге «Невидимое правительство», написанной журналистами США Д. Уайзом и Т. Россом. Они отмечали, что сейчас в Соединенных Штатах два правительства. Одно из них видимое, другое — невидимое. Первое — это правительство, о котором американские граждане читают в газетах, а дети узнают из учебников. Второе — сложный скрытый механизм, проводящий политику США в «холодной войне».

Отход Н. Хрущева от власти «по состоянию здоровья» породил среди слушателей множество слухов. Особенно

На занятиях по криминалистике
с коллегой А. Крутиевым. 1965 г.

поражало стремление верхов затоптать в грязь вчерашнего генсека.

— Неужели мы такая дикая нация, что не можем спокойно принимать кабинеты, кресла, папки с делами, столы без показа грязного белья? — разоткровенничался как-то с Николаем его друг В. Тимофеев. — Так гадко от этого на душе. Как не вспомнить тут Талейрана! Предательство — это верх злодейства.

— Ты прав, Виктор, — поддержал Стороженко друга, — только неблагородный человек способен в глаза хвалить, а за глаза злословить. Как говорится, злые люди ходят на мух, которые ползают по человеческому телу и останавливаются только на его язвах. А вообще-то ни один человек, охаивающий покойника, не бывает счастливым. По существу Хрущев — политический труп. Со временем судьба посмеётся и над новоиспеченным генсеком.

Слушателей часто привлекали для несения нарядов на Красной площади в дни государственных праздников. На ленинском пантеоне, в мраморной коробке которого покоилась мумия тела вождя, толпились государственные мужи и дамы, бегали с цветами дети. И никому не приходило в

голову, что это шаманство оскорбительно традициям православия. Революционный обычай отменил и христианскую мораль, и традиции славянства, давно порвавшего с язычеством.

С годами при Брежневе постепенно утихала критика в адрес Сталина, но Николай искал и искал — в спецлитературе, в беседах с живыми участниками событий тех лет — ответ на вопрос: Сталин ли только открыл счет репрессиям? Кто и что его спровоцировало на это? Открывались постепенно пласты трагедий ленинского периода: от бандитского уничтожения царской семьи и до расстрела храброго поэта Н. Гумилёва, не уронившего офицерской чести. Геноцид против российской интеллигенции, многовековой культуры православия просматривался во многих документах. Эти материалы пролили свет на острые вопросы, которые волновали пытливый ум.

Чем дальше и глубже шло постижение чекистского ремесла на лекциях и практических занятиях, тем больше убеждался Стороженко, что в выборе профессии не ошибся. Органы не случайно называются во многих странах органами государственной безопасности, потому что защищают в первую очередь интересы страны и народ. «Закончу учебу, — думал Николай, — уеду в какой-нибудь глухой гарнизон и стану настоящей грозой шпионов».

То были наивные мечты человека с курсантскими погонями. Разве мог Николай тогда представить, что через какой-то десяток лет он действительно встретится лицом к лицу с первым «живым кротом» — агентом американской разведки.

Три года учебы пробежали быстро. Остался год до выпуска. Весной на предпоследнем курсе пришла любовь. Первое свидание с Людмилой он назначил у памятника Маяковскому. Шли по улице Горького к Белорусскому вокзалу. Николай читал стихи Есенина, Бунина, Языкова — пахучие, звонкие, нежные. Потом осмелел и стал декламировать своё стихотворение, посвященное милой спутнице. Когда закончил и посмотрел на подругу, то увидел в её глазах жемчужины душевной росы...

В августе они расписались. Потом была свадьба, даже две: одна в Москве, другая в Полесье. На московских посиделках собралось человек десять самых близких друзей в

малюсенькой комнате коммуналки. Молодоженам вручали скромные подарки. При передаче настенных часов сослуживец А. Александрии сказал:

— Примите, дорогие Николай и Людмила, наш подарок. Пусть эти часы идут и идут. Они остановятся только в двух случаях: кончится завод у них или у хозяев. Так пожелаем, чтобы они долго-долго не останавливались!

Кто думал тогда, за свадебным столом, что слова окажутся пророческими¹. Ровно через двадцать лет часы и сердце Людмилы остановились одновременно. Но это было всё потом, а пока — последние каникулы, выпускные экзамены.

Тихо в комнате. Звонко тикают подаренные на свадьбе часы. По телевизору передают в записи фрагменты концерта Муслима Магомаева. Лейтенант Стороженко пришивает на мундир первые офицерские погоны. Завтра получение диплома и «поплавка». «Кто думал, что из глубинки, — рассуждал Николай, — я приеду в Москву и закончу чекистскую академию?» Поёт душа, горят радостью глаза. Он примеряет форму, смотрит в зеркало — нравится строгий офицерский покрой...

Спортивный зал Школы на Ленинградском проспекте. В строю — общевойсковики, авиаторы, моряки, пограничники. Командование вручает дипломы и дорогие каждому военному академические «ромбики» с красной звёздочкой посередине и золотистым гербом великой страны...

По традиции «выпуск» обмыли в ресторане. Стороженко вернулся домой рано — его ждали жена и дочурка.

Жена взяла в руки диплом, внимательно прочла его и тихо промолвила:

— Поздравляю... диплом жизненный, даже гражданская специальность есть — юрист! Закончишь службу, пойдешь на наше предприятие юрисконсультom.

— О чём ты, Люсьен, служба ведь только начинается. Может, и диплом не пригодится — времени ох как много.

— Пролетит оно быстро. То, что впереди, кажется бесконечным, а оглянешься — пролетело, как одно мгновение. Мама моя так говорит. Старики это хорошо знают. А что касается значка, то он по-мужски скромный и в то же время по-военному красив...

Николай получил предписание убыть в распоряжение начальника военной контрразведки Прикарпатского военного округа. Людмила с дочерью ещё некоторое время должна была остаться в Москве, предварительно дав согласие, что поедет туда, куда пошлют мужа. За столицу не держалась.

Перрон Киевского вокзала. Поезд «Москва — Трускавец» тронулся. Николай прижал нос к холодному стеклу — надо было хоть как-то рассмешить прослезившуюся жену с крохотной дочуркой на руках. Вокзал уплывал медленно, смещая влево провожающих. И вот уже исчезла с поля зрения Люда. Поезд набирал скорость...

Встретили молодого специалиста на месте тепло. Однако начальник отдела генерал-майор Н. Мозгов, узнав, что прибывший офицер пишет стихи, заметил:

— Нашей службе стихоплеты не нужны. Не та работа. Я ищу ра-бо-тяг, — последнее слово он умышленно разбил по слогам, — думающих только об оперативной работе — трудной и неблагодарной. Так что забудь о стихах. Не забудешь — тебя забудет служба.

И тут же расспросил о семье и по-отечески распорядился устроить лейтенанта как положено. Такой приём обескуражил офицера. Но кадровик полковник Забродин, как бы оправдываясь за недипломатичность начальника, признался Николаю, что он тоже балуется стихами, а в отношении генерала заметил: это очень справедливый человек, чекист — трудоголик. Он порекомендовал не афишировать хобби и начал подробно рассказывать об особенностях работы и поведения в частях.

Николай слушал Забродина внимательно. Ему сразу же понравился этот мягкий и рассудительный человек, подавший руку на крутом пути к неизвестной практике.

— У вас будет хороший наставник — майор Деев, — сказал он на прощанье.

Стороженко получил в оперативное обслуживание гарнизон с радиотехническим полком ПВО сухопутных войск, отдельную роту сопровождения воинских грузов, штабную роту и гараж командующего войсками округа, а также окружные медсклады. Рабочее место определили в кабинете с майором Деевым. Он был фронтовиком, участвовал в

разоблачении агентуры абвера, награжден орденами и медалями за ликвидацию шпионов в действующих частях на фронте и в тылу. Майор был человеком преданным своему делу, откровенный с товарищами. Начальство его побаивалось за крутой нрав, готовность пойти в атаку на любого обидчика, с какими бы погонами он не ходил. Говорили, что на партийных собраниях от него доставалось даже самому генералу.

И всё же Деев не спешил откровенничать со Стороженко. Недели три он приглядывался к Николаю, а потом разговорился, да так, что его монолог показался слушающему спрессованной лекцией. Затронув проблемы контрразведки, он настолько приземлил лейтенанта, что тому на некоторое время показалась бессмысленной его текущая работа в гарнизоне.

— Пойми вот что: в наше время американцам не хватит ни денег, ни сил, чтобы на вербовать много агентуры в частях. Во время войны, правда, абвер пытался пролезть в штабы наших частей. Но тогда до Генштаба немцам было трудно добраться. Понимаешь, существует так называемая «мишенная» система. Это принцип работы разведки — бить прицельно в «десятку», получая стратегическую информацию. А твой полк — где-то на краю мишени. Твои солдаты и офицеры их не интересуют, хотя те могут клюнуть, но встанет вопрос связи. Это самое слабое звено в цепи разведчик — агент и наоборот. Генштаб в масштабе всей армии — это и есть «десятка». В стране несколько таких объектов: ЦК КПСС, депутатский корпус, сотрудники МИД, Совмина, Госплана, офицеры военной разведки и прочее. Мы же с тобой занимаемся вопросами помощи командованию в защите секретов, пресечения возможностей хищения оружия и боеприпасов. Армия — гарант стабильности государства. Почему с нами считаются? Потому, что мы сильны. Потеряем силу — уроним уважение других стран. Я уже заканчиваю службу, но хочу, чтобы ты понял: военная контрразведка была, есть и будет, пока существует государство и его армия.

Зазвонил телефон. Деев стремительно протянул руку, и в его огромной ладони застыла черная эбонитовая «гантель» старомодного телефонного аппарата, стоявшего здесь, наверное, с послевоенных времен.

ствием, и, выпустив сизое колечко дыма, опять потянулся к своей записной книжке. Взял её, полистал, почмокал губами и промолвил:

— Послушай ещё одну быль. Фуше, министр полиции при Бонапарте, в своих мемуарах так писал о важности шпионажа в подготовке императора к сражениям: «Лошади, которые везли золото французского банка к будущим полям сражений в Австрии для оплаты секретных агентов, имели большее значение, чем стремительная и отважная конница Мюрата». Вот так, дорогой мой, Наполеон думал о победах своей армии... Он понимал толк в силе невидимого оружия.

Долго ещё сидели в кабинете два оперативника — молодой лейтенант и старый майор. Последнему хотелось выговориться, а первый с удовольствием слушал его рассуждения и, особенно, короткие истории фронтового периода о захвате «языков», оперативных «играх», фильтрационной работе, борьбе с бандами.

Ему хотелось слушать его и слушать, потому что это была правда живой, а не выдуманной жизни. И каждый раз, когда Николай возвращался из гарнизона, он молил Бога, чтобы застать Деева в кабинете.

Оформляя информацию от негласного источника, Деев каждый раз комментировал:

— Сынок, не разменивайся на мелочи. Если взял документ, то он должен продвинуть решение какого-то оперативного вопроса, а бумажка ради бумажки — это глупость, которая может кончиться даже преступлением. Есть у нас специалисты по отбору «мелочевки». Грош цена таким чекистам. Ты думай, как не навредить конкретному человеку. И тому, кто сигнализирует, и тому, о ком этот сигнал.

Руководство отдела требовало конкретных результатов. В отчетных «простынях» у многих офицеров зияли пустотами графы о проведении «профилактик». Оперативники понимали всю абсурдность втягивания их в круг такого рода «воспитательных бесед». Удовлетворение приходило на учениях, где проигрывались боевые условия работы. Но полигонные занятия скоро заканчивались.

Приходя домой, Николай делился с женой неудовлетворенностью в службе. Домой — понятие условное: своей

квартиры не было, жена не работала, так как нянчилась с миленькой дочуркой. Цены в городе «кусались». Спасали харчи с родного Полесья от родителей.

Прошло полтора года. Чем дальше вникал офицер в службу, тем всё чаще появлялось желание покинуть оперативную работу, за которую его даже хвалили на совещаниях. Однако обязанности перед семьей, гордость за принадлежность к офицерскому корпусу и стремление дойти до цели, охотничий инстинкт — заарканить всё же шпиона — сдерживали запальчивость молодого оперативника.

Быт заедал. Квартиру надо было освободить — приезжал хозяин. Но к счастью, вскоре нашелся выход — Стороженко направили в Венгрию, в Южную группу войск (ЮГВ).

30 декабря 1969 года Николай с семьей поездом «Москва — Будапешт» выехал к новому месту службы. На перроне ему вспомнились слова отца, сказанные им накануне отъезда за границу: «Сынок, береги свой авторитет, офицерскую честь — ты теперь защитник Родины за её пределами». С одной стороны, эти слова казались на первый взгляд каким-то штампом, но сын-то знал, что они могли родиться только в искренней душе работника с посиневшей от осколков антрацита кожей на руках. Он был верен Отчизне не столько словом, сколько делом.

Сидя в купе с женой, Николай обсуждал туманные перспективы неизвестной службы.

— Коля, прости за глупый вопрос, — тебя оставят в Будапеште или направят на периферию? — поинтересовалась супруга.

— Какой Будапешт? Далеко не все лейтенанты начинают службу с европейских столиц. Таких, как я, «без роду и племени», посылают в глухие гарнизоны. Так что готовься жить почти что в зоне — за колючей проволокой или бетонным забором.

Поезд остановился на станции Чоп. Тут меняли вагонные тележки, переводя их на узкую западную колею. В Чопе, последнем населенном пункте СССР на этой границе, можно было потратить оставшиеся рубли. Николай обежал магазины и на резервные 110 рублей набил доверху полиэтиленовый пакет...

Свисток — и поезд тронулся, медленно приближаясь к мосту через реку Тисса. В коридоре стали скапливаться пассажиры.

— Чего это люди повылезали? — испуганно заметила Людмила.

— Сейчас поймёшь. Возьми копейки, бросим на счастье в реку. — Николай приспустил раму, и в образовавшуюся щель полетели три монетки.

— Ну, Коля, теперь нам повезёт.

— Должно, Люсьен...

А поезд продолжал лететь навстречу ветру, поднимая за собой пелену сухого, снежного свея, нередко горлопаня пронзительным свистком перед станциями и переездами.

Проезжая крупные железнодорожные узлы, Николай, как потомственный железнодорожник, обратил внимание на обилие паровозов. В отличие от советских пассажирских, зеленых и синих, здесь все были черные. Он узнавал знакомые марки — узкие «германки» и широкие «венгерки», проходившие на наших дорогах в послевоенное время соответственно сериями «52» и «ТМ». На первых отец бил рекорды по вождению тяжеловесных товарных составов, на вторых — водил пассажирские поезда.

Ход раздумий прервало экстренное торможение. П слышался грохот, крики, беготня. Как выяснилось, на неохраняемом переезде застрял советский танк, возвращающийся с учений. Минут через десять его тросом стянула другая машина. Это была первая встреча военного контрразведчика с проблемами пребывания «ограниченного контингента советских войск» на территории Венгрии.

Поезд медленно подплывал к восточному вокзалу венгерской столицы. На перроне, к огромному ликованию жены, семейство Стороженко встретил автобусом знакомый по львовскому периоду службы комендант отдела майор Усанов.

— Здравствуй, Венгрия! — прошептал Николай.

Гордостью занималось сознание молодого оперативника от слов, сказанных полковником Забродиним перед поездкой в Южную группу войск: «Николай, ты едешь на защиту наших рубежей — в передовой эшелон обороны стран Варшавского договора. Твоя часть, в случае чего, первая

примет на себя возможный удар противника и будет сковывать его до подхода основных сил. Ты получил во Львове небольшой опыт — используй и развивай его за границей. Верю, что удача и успех подружатся с тобой. Пусть чекистское счастье повернется к тебе лицом. Это важно в нашем деле!»

А еще Николай вспомнил слова генерала Мозгова, как всегда, коротко оценившего работу перед отъездом: «Спасибо за службу. Я в тебе не ошибся. Значит, и поэты могут хорошо работать!»

Николай получил предписание принять артиллерийский полк, расположенный в поселке Фертёд недалеко от австрийской границы.

Полк был укомплектован пушками и тяжелыми гаубицами, поэтому пришлось осваивать новую материальную часть. Командир полка полковник Н. Соленый принял нового особиста несколько настороженно. От предшественника стало известно, что командир любил чарку, поэтому комполка посчитал, что вслед за «комиссарским» глазом прибыл дополнительный контроль — чекистский.

Время показало, что командир порядочный человек, профессионал высокого уровня. Говорили офицеры, что он снарядами может рисовать: цель накрывал с первого же выстрела безо всяких «вилок». Прошел всю войну в расчете знаменитых «сорокапятков», а закончил военное лихолетье командиром отдельного дивизиона 152-мм гаубиц. Победу встретил в майорских погонах с пятью орденами и десятком медалей на груди. Имел несколько ранений. Служба его помотала по Союзу.

— Что я тебе скажу, — как-то в одной из первых бесед заметил командир, — занимайся своим делом. Иностранцев, желающих знать, что делается у нас за забором, полно. Из достопримечательностей — музей графа Эстерхази, у которого служил композитор Гайдн. Есть в селе две корчмы, в которые ходят почти все офицеры гарнизона с семьями. Я иногда, когда на душе тяжело, тоже захожу. Сразу тебе признаюсь.

«Зачем откровенничает командир? Не собирается ли в чем-то упредить меня?» — подумал Николай.

— Ты у замполита был? — спросил он неожиданно.

— Нет, товарищ полковник.

— Ну, ты зайди, зайди к нему...

Стороженко представился замполиту подполковнику Ю. Гусеву. Встретил он с порога словами:

— Товарищ лейтенант, вы солдат партии, боец её вооруженного отряда, это обязывает нас работать в связке. Прошу меня первого информировать обо всех событиях негативного плана в гарнизоне.

— Товарищ подполковник, — прикинулся не понимающим оперработник, — когда я ехал сюда, меня инструктировали, что все информационные материалы мне необходимо докладывать своему непосредственному начальнику в соединении подполковнику Левшину.

— Не горячитесь... К словам замполита и начальника политотдела прислушиваются все офицеры, в том числе и ваш начальник, входящий в состав парткомиссии. Я вижу, вы не понимаете роль политработников в армии. Не забывайте, что Леонид Ильич Брежнев — выходец из когорты партийных бойцов. Комиссаров он поддерживает.

— Такого правового института уже давно в Советской Армии нет.

— Замполиты — это их последователи!

— Комиссары приставлялись к спецам-командирам, офицерам царской армии. Сейчас же командный состав — все коммунисты, — усердствовал в отстаивании своей точки зрения Стороженко.

— У вас замашки энкаведиста... Вы полагаете, что чекисты вновь встанут над партией Ленина?

— Они никогда не стояли... Много сотрудников госбезопасности тоже заплатили жизнями за доверчивость или неприятие «законов джунглей», которые навязывались сверху. Партийные органы руководили ЧК...

Неприятный осадок оставила первая встреча с замполитом, пытавшимся, по всей видимости, расправиться руками военного контрразведчика с командиром полка. Первое время «комиссар» приглашал Николая на «чашку кофе» — помириться и заодно выяснить обстановку в полку. Он любил ковыряться в «грязном белье» офицерских семей и оперативник однажды не выдержал:

— То, что вы предлагаете мне делать, выходит за рамки моей компетенции. Сейчас другие люди в органах, иные

Командир полка полковник В. Ванюшкин (крайний справа) и автор с венгерскими пограничниками. 1970 г.

задачи нарезаны нам руководством. Условия за границы требуют от нашей службы заниматься контрразведкой. Не ждите, что я буду собирать для вас информацию о том, кто, где, когда и с кем ночевал, посетил корчму и прочее.

Замполит выслушал оперативника, краснея и ерзая в кресле, но попытался возразить:

— Пойми же ты, мы с тобой бойцы партии, роль которой изо дня в день повышается, — продолжал настаивать подполковник. Он готов был разглагольствовать ещё, но Николай уважительно остановил его, сославшись на срочную работу.

Чекист действительно назначил встречу на 18.30 с начштаба 3-го дивизиона, который на полигоне несколько раз зафиксировал автомашину с западногерманскими номерами. Водитель производил фотографирование. Майор П. Сидоров передал контрразведчику номер автомобиля и описал внешность иностранца и его действия. Эти материалы срочно были переданы венгерским сотрудникам госбезопасности.

Через неделю коллега Николая с венгерской стороны майор П. Ковач сообщил, что установленный по номеру машины немецкий турист Густав Шрам задержан в районе режимного объекта Венгерской народной армии под Будапештом при попытке скрытого фотографирования.

Это был первый успех молодого контрразведчика. Помогли друзья — так тогда назывались венгерские коллеги. Взаимодействие по линии госбезопасности помогало лучше понимать друг друга и решать общие задачи.

Тем временем события в полку разворачивались стремительно. Нарастал «кризис власти». Не без помощи замполита Соленому предложили уволиться...

Вскоре он сдал дела молодому, энергичному подполковнику В. Ванюшкину, быстро сколотившему вокруг себя здоровый коллектив. Он был одинаково требователен к себе и подчиненным. Большим подспорьем новому командиру в деле приведения гарнизона в божеский вид стал приезд в полк выпускника Академии тыла и транспорта майора В. Литвинова — трудолюбивого офицера. Впоследствии он дорос до генерал-полковника...

Командир полка стоял возле курилки, окруженный офицерами штаба части. Начальник тыла оживленно размахивал руками. Как показалось Стороженко, подходившему к собравшимся, речь могла идти о каком-то ЧП.

— Надежда вот на кого, — вдруг кивнул головой Ванюшкин в сторону оперативника.

— Здравия желаю, доброе утро, — взяв под козырёк, поприветствовал старший лейтенант офицеров.

— Утро в небе доброе, а вот на душе оно хмурое, — обронил комполка.

Выяснилось, что ограблен гарнизонный магазин с ущербом сто тысяч форинтов.

— Я проинформировал комдива и военного прокурора, — сообщил Ванюшкин, — но ты-то знаешь, что силенок у следователей маловато. Когда «пинкертон» придут — неизвестно. Надо действовать по горячим следам. Да, чуть было не забыл, попроси помощи у своих коллег.

Вечером Николай срочно встретился с двумя своими помощниками и получил первичную информацию. А через два

часа он уже беседовал с рядовым Николаенко, у которого обнаружили некоторые предметы из военоторговской пропажи. Солдат признался, что ему их подарил рядовой Куцнев. Дальше уже никаких версий проверять было не надо...

Стороженко находился в кабинете, когда ему позвонил венгерский коллега — начальник контрразведки погранотряда майор Лайош Хегедюш и сообщил, что из-за снежных заносов три заставы остались без хлеба, а на станции Петехазы вторые сутки стоит занесенный снегом поезд с пассажирами. Пограничники пытались пробиться к составу на своем грузовичке — безуспешно.

Зайдя в кабинет к командиру полка, Стороженко коротко изложил суть проблемы.

— Надо направить гусеничную технику. Как не помочь друзьям в беде? Евгений Петрович, — обратился он к начальнику штаба, — дайте команду зампотеху и начальнику автослужбы...

Советский гарнизон поделился запасами хлеба и сухарей с терпящими бедствие местными пограничниками. В сторону же застрявшего поезда дополнительно направилось несколько гусеничных тягачей и мощных «Уралов» с солдатами. Кроме того, бойцы прихватили с собой термосы с горячим чаем.

По возвращении раскрасневшиеся армейцы оживленно делились впечатлениями с товарищами. Оказалось, в поезде, кроме венгров, в двух вагонах ехали австрийские и немецкие туристы. Командир дивизиона доложил Ванюшкину о выполненном задании, и тот, расчувствовавшись, патетически произнес:

— Люди живут поступками, а не идеями. Ваш поступок лучше всяких слов спецпропаганды. Спасибо за службу.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил подчиненный.

Прошел месяц, и на стол оперработнику легла информация о недостатке нескольких секретных документов в штабе полка. Заместитель начальника штаба майор С. Петренко в течение недели искал шесть документов.

Версий было много. Дивизионное начальство требовало от Николая чуть ли не ежечасно докладывать о ходе и результатах поиска.

— Задействуйте все силы и средства. Очертите круг лиц, соприкасавшихся с документами. Я должен получить ответы на вопросы: когда это произошло, кто и как их мог похитить или потерять? Вы поняли меня, товарищ старший лейтенант? — раздраженно требовал всегда спокойный начальник особого отдела дивизии, обращаясь к Стороженко.

К поисковым мероприятиям были подключены почти все негласные источники, сосредоточенные в штабе полка. На очередной встрече агент «Овод» сообщил, что один из ящичков «секретки» из-за ветхости Петренко распорядился оставить в штабной машине, находившейся в автомастерской для покраски.

Петренко ещё раз заверил начштаба полка, что тщательно проверил второй раз все ящики. Документов нигде не было. Как же был удивлен Петренко, когда документы всё же были обнаружены в этом «проверенном» им ящике...

Дислокация гарнизона в нескольких километрах от австрийской границы требовала дополнительных усилий от оперативников. Самовольщики, дезертиры, особенно беглецы с оружием, доставляли немало хлопот контрразведчикам в любое время суток. Главное, нельзя было допустить прорыва участка венгеро-австрийской границы.

Это случилось в марте. Дули холодные ветры. В 3.15 внезапно зазвонил телефон: дежурный по Особому отделу КГБ ЮГВ передал указание руководства принять срочные меры в связи с уходом с поста рядового с автоматом и 60-ю патронами.

Стороженко о случившемся поставил в известность дежурного по венгерскому погранотряду. Беглецы вели себя по-разному, а этот, прорываясь к границе и встретив венгерских пограничников, открыл по ним огонь из автомата. Убив одного из преследовавших и ранив сторожевого пса, преступник оторвался на некоторое время от пограничного наряда и почти достиг контрольно-следовой полосы (КСП). Взобравшись на стог сена, он видел, как цепью шли его соотечественники — такие же, как он, солдаты. Шли вместе с венгерскими пограничниками и полицейскими. Выждав удобный момент, беглец нажал на спусковой крючок. После первой же очереди упали запертво наш солдат и мадьярский полицейский. Цепь залегла. Преступ-

ник прекратил стрельбу. Но стоило кому-нибудь приподняться, как град пуль вспарывал землю. Операция длилась около полутора часов. Последнюю точку в этой трагедии поставил снайпер с БТРа...

Не прошло и года командования полком В. Ванюшкиным, как в гарнизоне вспыхнула очередная свара. *Замполит* стал собирать «компру» против нового командира. Вмешался командующий войсками ЮГВ генерал-полковник Б. Иванов. Прибыв в гарнизон, он выслушал сначала одну сторону, а затем другую. Переговорил с офицерами штаба полка, а после обеда пригласил к себе старшего лейтенанта Стороженко. Войдя в кабинет и представившись, Николай не мог оторвать взгляда от орденских планок. На груди генерала горела Золотая Звезда Героя Советского Союза.

— Товарищ Стороженко, я не *случайно* приехал в гарнизон. Наверное, уже обо всём знаешь. От вашей службы разве что скроешь, — заулыбался он. — Хочу выяснить природу конфликта между замполитом и новым командиром полка...

Оперативник был объективен. Через неделю зарвавшегося «комиссара» перевели в гарнизон, с меньшим объемом служебных обязанностей.

В этот же период Николай пытался «вычислить» военнослужащего, который, по данным венгерских пограничников, приезжая на карьер за песком, каждый раз интересовался участком границы, проходившим вдоль озера Ферте. Солдата интересовало, судя по сигналу, инженерное оборудование на КСП в районе заставы Мексикопусто. Он, якобы, рисовал схему подходов к вероятному месту прорыва. Рисовал на отдельном листе, который спрятал в записную книжку. Приметы давались размытые...

День за днем собирались данные. Дело в том, что в связи со строительством жилого дома машины часто ходили за песком. Не исключалось, что неизвестный хочет прорваться через КСП с автоматом в руках, что привело бы к тяжелым последствиям. Оперативные мероприятия шли активно, но результатов, к сожалению, не давали. Начальник контрразведки дивизии Н. Левшин взял под личный контроль работу по этому сигналу. Приезжал неоднократно, помогая словом и делом.

Успех пришел и День Победы — 9 Мая. В одной из бесед с агентом «Громом» Стороженко получил данные на не приметного солдата — гарнизонного <|ютографа. Раскрыть его планы уже не представляло больших сложностей. Обнаружился и листок со схемой вероятную перехода границы. Однако планам потенциального беглеца не суждено было сбыться. Его задержали и отправили в Будапешт для дальнейшего разбирательства.

Надо отмстить, что новый замполит подполковник З. Мурзин тоже помог оперативнику в вычислении преступника. Об лом человеке у Николая остались самые добрые воспоминания.

Накануне очередных учений с выездом в Хаймашкерский полигон Стороженко решил провести операцию по дезинформации. Правда, без санкции чекистского начальства, но с согласия командира полка. В сгнил 152-мм гаубицы умельцы вбили бревно, сварили каркас, сшили брезентовый чехол — получилось орудие непонятного калибра. Цель — приманка для чересчур «любопытных». Протянули эту «каракатицу» до полигона и обратно. Получен был неплохой результат. По данным венгерских контрразведчиков, на приманку попало несколько иностранцев, которых друзья серьезно подозревали в причастности к агентуре противника.

Через год Стороженко перевели в соседний гарнизон на капитанскую должность. В обслуживание получил мотострелковый полк, но тоже на границе с Австрией в городе Сомбатхее. Начальник так и сказал:

— Ты у меня специалист по приграничью. Сам Бог велел принять такое хозяйство...

В новом полку теперь у него был напарник — старший лейтенант А. Танцура. Вдвоем работать было легче. Здесь тоже установились теплые отношения с местными пограничниками и командованием полка.

Во время изучения оперативной обстановки внимание Николая привлекли бывшие советские гражданки, вышедшие замуж за иностранцев. Одни из них были разведены, другие зарегистрировали новые браки и мотались по заморским городам и весям. Естественно, ими не могли не заинтересоваться западные разведслужбы.

Одна особа привлекла внимание капитана А. Бодрова,

**Актор (к центре) с помонишкахш-артиллеристами
у зачехленной «каракатицы». 1972 г.:**

который познакомился с нею случайно. Стали встречаться, дело дошло до постели. Она жила в роскошном особняке, купленном новым мужем американцем. Зная, что Бодров москвич и может уехать в столицу, она, но всей видимости не без подсказа мужа, крепко «ухватилась» за офицера.

Приезд супруга, неожиданная встреча с ним, и особенно беседа, так напугала донжуана, что тот прибежал к контрразведчику. Он долго умолял оперативника не докладывать об амурных похождениях командованию. Решили поиграть с американцами. Для этого подключались специалисты из Будапешта и Москвы...

В Сомбатхее Стороженко получил самое звездное звание, восемь звезд, — капитана, которое обмыли с друзьями-коллегами россиянами и венграми.

МЕСТО СЛУЖБЫ - ЛУБЯНКА

*Первая ступень всякого творчества —
есть самозабвение.*

М. Пришвин

Время летело быстро. Весной 1974 года в гарнизоне работала инспекторская проверка, учиненная Центром. Представители 3-го Главного управления КГБ остались довольны работой Николая и предложили должность в столице. Он дал согласие.

Военно-транспортным самолетом его доставили на «ватанье» — беседу с недавно назначенным начальником военной контрразведки генералом — лейтенантом Н. Душиным.

«Так вот она какая, Лубянка, внутри!» — удивился Стороженко, поднимаясь на седьмой этаж дома № 2. Сначала разговаривал с ним начальник отдела, затем его заместитель. После этого направили в приемную. Через несколько минут порученец предложил зайти в кабинет. Встретил капитана высокий горбоносый генерал с «гакающим», как ему показалось, южным говорком. Поразили размеры кабинета. «И зачем ему такое футбольное поле?» — невольно подумал Николай. Беседа началась с дежурных вопросов: какие дела и сигналы вел, имелись ли негласные помощники из числа старшего офицерского состава, в чем заключались особенности оперативной обстановки в гарнизонах, что закончил, какие увлечения?..

Отвечал Стороженко достойно, хотя несколько волновался. Коварный вопрос последовал в завершающий момент разговора.

— А вы справитесь, если дадим в обслуживание Главное управление кадров Минобороны СССР?

Офицер по-армейски коротко отчеканил:

— Справлюсь, товарищ генерал!

Это была его ошибка. Но он не понимал никаких подтекстов, эзоповщины, не знал «бархатного» языка, — говорил прямо, как думал. Ответ не понравился вчерашнему замзавсектором ЦК КПСС.

Беседа закончилась. Генерал почмокал губами и отправил Николая к кадровикам. Куратор отдела по кадрам подполковник К. Федин принял его через несколько часов:

— Что же ты, пацан, подвел меня? Как ты ответил Дущину на предложение принять ГУК?..

Непонятно, чего было больше в этом наскоке кадровика, — страха за свою репутацию или соперничества за фиаско оперативника на голом месте. Однако, к его чести, он тут же стал инструктировать «провинившегося», что надо было сказать дипломатичней: постараюсь оправдать ваше высокое доверие и приложу все свои силы, чтобы с помощью старших товарищей побыстрее освоить вверенный мне объект.

— Ну что ж, поеду снова в ПрикВО, — ответил капитан.

— Не горячись. В тебе что-то генералу понравилось.

— Я не девица, чтобы нравиться мужику, — выпалил с досадой Николай.

— У-у, хохол упрямый. Спрячь горячность. Всё будет нормально...

Через двое суток Стороженко возвратился в полк, который ему стал ещё дороже после посещения Лубянки. Однако скоро пришлось расставаться с гарнизоном, так как шифротелеграммой он откомандировывался в распоряжение начальника военной контрразведки Союза. На сдачу дел начальник дал неделю.

В Москву супруги Стороженко прибыли поездом. Вещи шли контейнером. Поселились у родственников. Законную жилплощадь пообещали дать через пару месяцев. Но прошло почти два года, прежде чем Николай получил ордер на первую в жизни свою квартиру.

В оперативное обслуживание дали один из институтов МО СССР. Помощников почти не было. Задачу поставили жесткую — на голом месте наладить четкий контрразведывательный процесс. Основание — проявление интереса ЦРУ к новому институту. Эти данные были получены советской разведкой.

«Вот она, «десятка» деевской «мишенной системы». Не было бы счастья, да несчастье помогло, что судьба меня определила на такой объект», — искренне говорил сам себе Николай.

Пугало только одно: если до этого он соприкасался с обветренными лицами пушкарей, танкистов, мотострелков, то здесь ему придется общаться с военно-технической интеллигенцией, обладающей высоким культурным уровнем. «Белые воротнички» Советской Армии» — так их называл начальник института генерал-майор авиации О. Рукосуев. На объекте проходили службу бывшие «засвеченные» военные разведчики, специалисты главных штабов, полиглоты, доктора наук и генералы. Первоначальную робость Николай заглушил своим кратким обетом: «Справлюсь! Я обязан справиться!»

Среди сотрудников института были лица, попавшие в разное время в поле зрения западных спецслужб. Одних противник тщательно изучал, к другим уже осуществлял вербовочные подходы, но они отвергли западных радетелей благополучия, третьи скрывали подобные случаи и по возможности «прятались от света», а четвертые могли попасться на крючок.

В середине 70-х годов в очередной раз была запущена «утка» о том, что американские спецслужбы якобы 80 % конфиденциальной информации «вытягивают» из открытых источников — газет, журналов, брошюр. Мода есть мода. Увлеклись этой идеей и в СССР. Росли объёмы, наработок в информации, шедшей на самый «верх». У специалистов возникал вопрос: если в ведущих странах Запада существует жесткая цензура на публикации режимной информации, то всё, что поглощает институт, может оказаться для советского руководства дезинформацией, отредактированной западными спецслужбами.

Стороженко и его коллеги на совещаниях били тревогу. Их поддерживал начальник подразделения подполковник Н. Петриченко. Он мог постоять за подчиненного, за правду. Терпеть не мог лодырей и блюдолизов, зато к трудягам относился предельно внимательно, активно продвигал их по службе. Стороженко считал за счастье, когда тот вызывал его к себе. Минуты общения с человеком большой души и

Подполковник Н. Петриченко (в центре) горой стоял за подчиненных и не терпел лодырей и блюдолизов

интеллекта вдохновляли. Для Николая это был второй Деев.

На всю жизнь запомнился случай, ставший и укором, и уроком. Дело в том, что вышестоящее начальство в угоду партийным директивам перед очередным партсъездом потребовало от оперсостава усиления профилактической работы с лицами, высказывавшими так называемые «нездоровые политические суждения». Петриченко критически относился к таким нововведениям, усматривая в них элементы перерождения военной контрразведки в охранку. Как-то Стороженко попутал бес. Получив материалы о том, что одна из машинисток в кругу сослуживцев в резкой форме критиковала Брежнева и его «серого кардинала» Суслова, он доложил об этом начальнику. Петриченко с вниманием, как это делал обычно, выслушал, а потом тихо сказал:

— Товарищ капитан, представьте на мгновение, что этой женщиной была бы ваша мать или жена. Как бы вы поступили? Разве неправда, что зарплаты в семьдесят рэ хватает только на худой прокорм. А как быть со всем остальным? Я думаю, машинистка имела право, моральное право, высказать свое мнение по поводу условий жизни. Давайте договоримся: больше подобных материалов не докладывайте. Не мелочитесь, не надо, вы же рождены для честной и

чистой работы, — у вас это получается. Занимайтесь своим де-е-лом,— последнее слово он растянул для акцента и, улыбнувшись, крепко пожал руку: — И, пожалуйста, не обижайся.

Офицеры В. Коновалов, С. Безрученков, Н. Кожуханцев, А. Моляков, А. Семин^ А. Вдовий, А. Золотухин, В. Перец и другие, окружавшие Стороженко в период становления его на новом месте, были исключительно порядочными людьми. Эти парни отличались высоким профессионализмом и искренне верили в победу добра над злом, свято любили Родину. Но были и такие, кто рос по службе с помощью «телефонного права» и «отцовских лифтов». Росли и бесхребетные тихони. В отделении Петриченко таких не было, там трудились «шахтеры» военной контрразведки.

В курилках офицеры часто спорили: органы госбезопасности — это вооруженный отряд партии или нет?

— Какой мы боевой отряд, — однажды в сердцах брякнул один из сослуживцев. — Мы должны быть ответственными не перед партийным чиновничеством, а перед народными депутатами, перед Верховным Советом.

О роли засилья партчиновников в органах безопасности, порой мешающих объективности и росту профессионализма, честно сказал в своей небольшой, но яркой книге «Записки контрразведчика» генерал-майор В. Удилов, бывший заместитель начальника управления КГБ СССР по линии контрразведки, с которым. Стороженко пришлось общаться, по службе. Вот его слова: «Обстановка в госбезопасности не изменилась даже во времена «хрущевской оттепели». Наоборот! Партийная элита решила покрепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты, теперь уже КГБ, назначались партийные и комсомольские деятели... за ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом пониже на должности заместителей или начальников управлений. Они создавали угодный партийной верхушке режим и, в конце концов, добились того, что в Положении об органах госбезопасности говорилось: «КГБ — это инструмент КПСС».

Во времена Брежнева вместо поиска кадров по деловым качествам возобладал принцип подбора по родствен-

Оперативники — «шахтеры» нашего 2-го отделения.
Слева направо: А. Золотухин, В. Перец, Н. Портнов,
В. Коновалов и автор

имым связям и личной преданности. Видимо, так было надежней!»

И дальше он утверждает, что в органах КГБ, особенно во внешней разведке, собралось сынков именитых отцов видимо-невидимо!.. Что же делали в это время руководители и сотрудники КГБ — чистые профессионалы? Тех, кто критически оценивал обстановку и имел собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы. Другая часть сотрудников, видя все эти перекосы, как только могла, потихоньку противилась им, а третьи приспособлялись и росли. Росли незаслуженно, потому что для многих таких «и шапка не по Сеньке» была. Это отражалось на качестве работы.

Выходя как-то от секретаря-машинистки, Стороженко в коридоре случайно столкнулся с начальником отделения. Петриченко пригласил в кабинет.

— Садись, в ногах правды нет. Ну как, институт не надоед?

— Нет, что вы! Коллектив нравится, отношения с командованием — норма. Работается легко. Аппарат свой сколотил. Идет отдача. Может, и шпиона найду, — коротенькими фразами «отстреливался» подчиненный.

— Тебе надо расти. Принимай информационное подразделение ГРУ. Ты уже пообтерся среди информатики. Эта же работа связана с большими секретами, а значит велика вероятность выхода на шпиона.

— Я даже не знаю, как быть. Так неожиданно...

— Все перемещения на нашей службе неожиданные.

— Справлюсь ли? Там полно генералов, а я привык...

Договорить начальник отделения не дал:

— Адаптировался ведь к ученым, привыкнешь и к широким лампасам. Главное, не робей перед их важным видом. Они такие же, как и все. Это вчерашние твои артиллеристы и мотострелки, которые преуспели в армейской карьере. Языковая подготовка, правда, у них высокая. Некоторые владеют несколькими иностранными языками.

Объект оказался намного сложнее, чем полагал капитан. Делового взаимодействия между руководителями военной разведки и контрразведки в то время не было из-за капризности начальства. Руководители ГРУ нередко скрывали факты вербовочных подходов спецслужб противника к отдельным офицерам ГРУ за рубежом, вынуждая чекистов действовать параллельно. На это уходило много времени, сил и средств. Руководство военной контрразведки КГБ смотрело на ГРУ свысока, не желало тесно общаться с его начальством, которое платило коллегам той же монетой. А вот рядовые оперативники с той и другой стороны понимали, что гордыня мешает общему государственному делу.

Чекисты получали всё новые и новые данные об активизации работы ЦРУ и разведок стран НАТО по отношению к личному составу ГРУ за рубежом. Дела оперативного учета росли, как грибы. Почти у каждого работника второго отделения в производстве были сигналы, дела оперативных проверок (ДОП), у некоторых дела оперативных разработок (ДОР), у каждого более двух десятков негласных помощников и такое же примерно количество доверенных лиц, работа с которыми требовала полной самоотдачи.

В своей основе сотрудники второго отделения 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ представляли собой золотой фонд чекистского корпуса. Это была кузница профессионалов — охотников за шпионами, а ГРУ для них

представляло ту «десятку», куда целился противник. Оперативники, работающие в ГРУ, активно взаимодействовали и с подразделением внешней контрразведки КГБ, которым в то время руководил разрекламированный и облаканный «демократами» первой волны конфликтный генерал О. Калугин. Кстати, сегодня Калугин в США — сбегал if торгует там, как коробейник-офеня, секретами.

Как-то Стороженко зашел на доклад к Петриченко и неожиданно стал свидетелем его резкого разговора по телефону с каким-то генералом. Как потом выяснилось, это был Калугин. Разговор шел об использовании негласных источников за рубежом. Петриченко слушал спокойно, но потом заволновался и стал говорить резко:

— Вы почему поганите людей? Кто вам дал право нарушать принципы конспирации? С вашими неучами наши люди отказываются работать. Я хочу, чтобы вы, наконец, поняли, что мы вместе делаем одно общее дело. Все, не надо мне никаких оправданий...

Положив трубку, он с досадой произнес:

— Ну совсем зажрались блатные... Откуда у них будет ответственность? Их же не боятся потревожить. Грязная неё же эта личность — Калугин, — в сердцах проговорил начальник отделения...

Время неумолимо отсчитывало генсеку последние дни. Сообщение о кончине Л. Брежнева пришло неожиданно, ноябрьским утром. Состоялся скоротечный траурный митинг, а через несколько дней главой страны стал Ю. Андропов, деятельность которого в народе в целом оцепивалась положительно. Сотрудники воодушевились. Стрелка внутривластного барометра поползла в сторону наведения порядка, поднятия экономики, активизации борьбы с преступностью, чего и требовали простые граждане. Арест нескольких милицейских генералов-взяточников (сегодня бы их назвали «оборотнями»), снятие с должности шефа МВД говорило о том, что новый генсек на правильном пути.

Перегибы по вине местных властей, а может, и с целью компрометации политики Андропова, — незаконные задержания празднующихся в рабочее время, — к сожа-

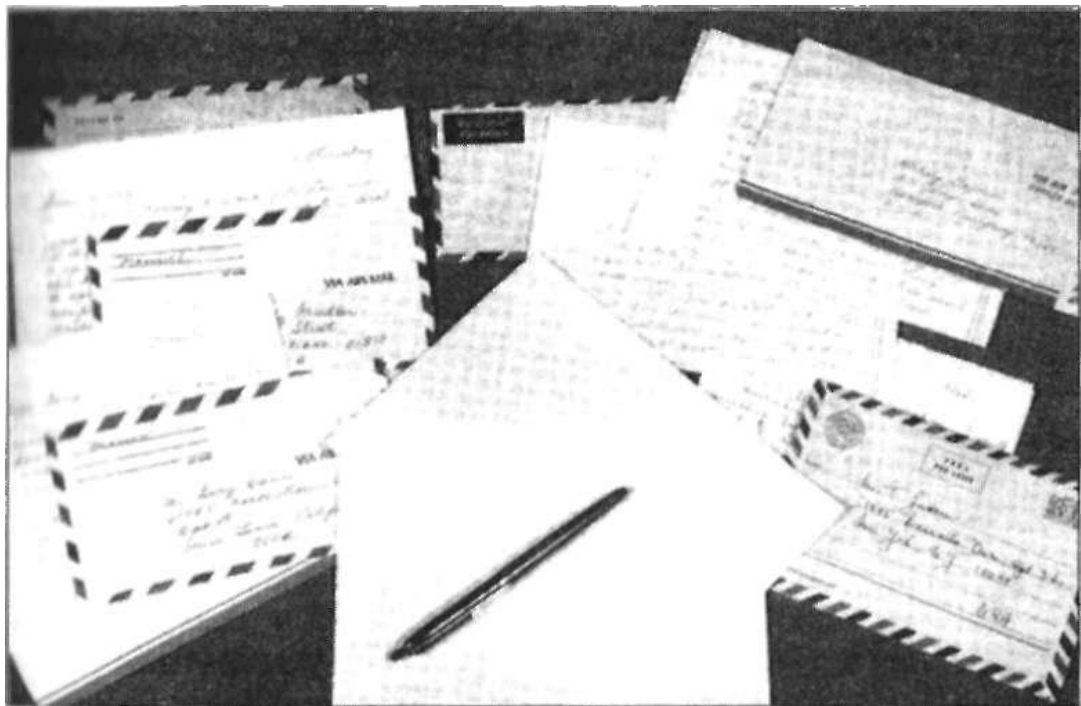

В кабинете на Лубянке. 1985 г.

лению, были. И всё же люди вздохнули свободно после брежневского застоя, ощутили свежий ветер перемен. Заметно рос авторитет государства. Прикусили язык «желтопрессники», незаслуженно пинавшие армию и органы госбезопасности. Страна готовилась к добрым переменам.

Андроповская попытка государственной стабилизации, к сожалению, не увенчалась успехом — слишком короткий срок был подарен судьбой этому честному политику. После его ухода из жизни начался трагикомический спектакль, в котором роли играли люди, далекие от высокого профессионализма в деле государственного строительства.

Личный состав отделения жил напряженной жизнью — ему не до политики. Это были люди действительно «живота не жалеющие ради безопасности страны». Головы пухли от планов контрразведывательных операций. Именно в это время Стороженко назначили сначала заместителем начальника, а потом и начальником легендарного 2-го отделения, которым недавно руководил Петриченко. Это радовало. Продолжение традиций старших поколений воодушевляло в работе. Оперативники трудились в напряженной обстановке. Но уже тогда появились нехорошие тенденции — уравниловка делала своё черное дело. Лодыри,

Плоды чекистского гурда: «письма-прикрытия» шпионов

трусы, элитники, окунувшись в «прелести» работы агентов, старались лечь «на крыло» и улететь в другие, вспомогательные подразделения. Они не желали работать там, где был риск сломать шею. Платили ведь всем одинаково, только работалось по-разному Дело доходило до того, что па совещаниях оперативники прямо ставили вопрос: когда им поднимут оклады? Однако никто не реагировал на требования чекистских «шахтеров». Чиновничий же аппарат КГБ жил бесппроблемно: высокие оклады, спецталоны, спецпайки, персональные машины, дармовые дачи. Для оперативников давалась одна привилегия: более половины из них получали компенсацию за единые проездные билеты, остальные ждали очереди.

Поздним вечером в тиши кабинета Стороженко готовил план очередной операции по ДОП. Неожиданно открылась дверь, и в проёме появился начальник соседнего отделения подполковник А. Зыков.

— Николай, ты знаешь, я сидел сейчас над бумагами и размышлял: как же мы разрослись. Пятое управление занимает уже целое здание, а толку от него никакого. Только вырос его начальник Бобков. Охранка есть охранка. А дежурных служб сколько развелось с полковничьими должностями-

ми?! Нас, агентуристов, в этом здании 10—15 %, остальное — интеллигенция, мягко говоря.

— Ну, допустим, не все. Есть нужные подразделения. А ты что, раньше об этом не знал?..

— Нет, просто никогда не задумывался. Ходил на службу и считал, что я самый обеспеченный человек. Печально, что прозрел только теперь. У меня ведь была прекрасная специальность — краснодеревщик, — разоткровенничался Зыков.

— Я тоже обожаю дерево, определяю породы по запаху, люблю читать текстуру отшлифованных досок, поперечные срезы. В свое время даже написал такие строчки:

Люблю рубанок и пилу
И запах свежей стружки,
Гору опилок на полу,
Глоток воды из кружки.
Я в срезе веток узнаю
Историю их роста...

...Приход Горбачева к власти встретили с надеждой на перемены к лучшему. Единственное, что настораживало, так это перебивание косточек мертвых генсеков — недавних друзей — и откровенное заигрывание перед Западом.

Однако перестройка не только не облегчила жизнь миллионам тружеников, а наоборот, ухудшила и без того трудную жизнь. На четвёртом году своего правления Горбачев, наконец, вывел советские войска из Афганистана, где в огне войны сгорали наши парни. Никто из вождей раньше не хотел остановить шнек этой чудовищной жертвенной машины.

Экономика всё больше скатывалась к обрыву. Распоясались западные разведки в вербовочной работе. Всплеск особой враждебности испытывали на себе сотрудники военной разведки. Разгорались угли межнациональных конфликтов. Сокращение ракетного вооружения больше походило на одностороннее разоружение в угоду заокеанским покровителям. Нарастало шельмование армии и органов КГБ. Использование войск в Тбилиси и Вильнюсе,

Инге и Баку для топорного решения политических задач, а штем бессовестное отрешивание от этих санкций Горбачева и Шеварднадзе породило в обществе недоверие к власти, больно ударило по авторитету силовых ведомств. Генсек партией практически не руководил.

Специалисты КГБ, готовя аналитические сообщения «наверх», не скрывали правду, но она игнорировалась. Руководство военной разведки и контрразведки приглашало Горбачева на крупные оперативные совещания, — он не приходил. На одном совещании в КГБ он всё же поприсутствовал, — прослушал доклад и удалился. Вот тогда чекисты и поняли, что судьба страны его не интересует, он к ней безразличен...

В кабинете зазвонил телефон. Николай снял трубку.
— Моляков. Зайдите ко мне.

Начальник отдела сообщил о присвоении звания «полковник». Но па душе Николая радости особой не было. Чем дальше уводила «перестройка» страну от реальностей, тем чаще Стороженко размышлял: «Кто виноват в бедламе? Почему он произошел?»

В Оперативной библиотеке Николай взял книгу с выдержками из «Послевоенной доктрины Америки» в изложении Аллена Даллеса. Открыл сборник и сразу же нашел то, что искал. Прочитал раз, второй — и стало страшно: всё идет по сценарию Запада. Даллес писал:

«Посеяв в СССР хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить... Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... Из литературы, искусства мы вытравим их социальную сущность, отчуждим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино, пресса — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства, мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые

станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, предательства, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху, незаметно, но активно и постоянно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности; бюрократизм и волокиту возведем в добродетель. Честность и порядочность будем осмеивать, они никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие, будут догадываться или даже понимать, что происходит.

«Неужели этого хотят и наши вожди-перерожденцы? — подумал Стороженко. — Разве в идеях социализма только ошибки прошлого? Не могли же люди без объединяющей духовной силы создать столько материальных ценностей, превратить страну в сверхдержаву? Да и дружба народов, пусть порой и наивная, — всё же была не пустым звуком. Перестройку свою Горбачёв назвал «революцией в революции». Такого термина в истории нет, ибо в революции её антиподом может быть только контрреволюция...»

Надо отметить, что «перестройка» самым отрицательным образом повлияла на контрразведывательную деятельность. Во-первых, был огульно ошельмован институт негласных помощников — основа в работе любой спецслужбы. Вчера ещё честно помогавшие люди избегали встреч с оперсоставом, что сразу же было уловлено разведками противника. Они стали работать наглее. Во-вторых, и до этого скудное финансирование оперативных подразделений упало до такого уровня, что делились даже проездные билеты, сократился автопарк оперативных машин, урезались деньги на оплату отдельных операций. В-третьих, военные контрразведчики почувствовали, что генсек часто лукавит, уходя от решения сложных вопросов,

Редкий случай, когда контрразведчикам удалось собраться вместе и даже сфотографироваться. 1987 г.

проявляет неискренность, подставляя военных. В-четвертых, утечка режимных данных нередко шла на таком высоком уровне, что оперативникам нечего было и думать о перекрытии её каналов. И наконец, службу начали покидать разочарованные опытные работники, профессионалы высокого класса, сменяя скромные кабинеты Лубянки на роскошные апартаменты в офисах зарождающегося олигархического бизнеса.

Работа любой контрразведки — это, прежде всего, коллективный труд, хотя он конспиративно детализован и индивидуален. Это мозаика, где каждый фрагмент укладывается в определенное место, совокупность которых и создает законченный узор — результат творческого труда. А еще деятельность контрразведки сравнима со звучанием оркестра, в котором трудно выделить отдельный инструмент. В коллективе второго отделения каждый играл, причем профессионально, на своем инструменте.

Поэтому эта книга не о Стороженко, а о процессе становления многих честных и чистых чекистов — военных контрразведчиков, прошедших через горнило испытаний своего времени. Оно кануло в Лету, оставив заметный след в патриотическом деле защиты Родины — борьбы не с мни-

мыми врагами страны, а глубоко законспирированными агентами иностранных разведок, вставших, как правило, на путь предательства из-за корыстных соображений.

О том, как Стороженко и его коллеги решали оперативные задачи по вскрытию «оборотней» в погонах, и пойдет дальше речь.

Часть II

ЛИЧИНЫ ПРЕДАТЕЛЕЙ

«ЯНГ» ПОД КОЛПАКОМ КОНТРАЗВЕДКИ

Низкий человек знает только выгоду...

Конфуций

О предательстве полковника О. Пеньковского Стороженко впервые узнал на лекции по оперативной подготовке в Высшей школе КГБ. Но разве мог предполагать, что пройдет некоторое время и он окажется в том подразделении, офицеры которого принимали активное участие в разоблачении матерого шпиона в недрах ГРУ под кличкой «Янг».

В литерных (аналитических) делах ещё было много материалов о предателе, поэтому Николай внимательно знакомился с ними, понимая, что опыт, наработанный старшими товарищами, пригодится в дальнейшем. Он не ошибся...

Военная карьера Пеньковского даже на первый взгляд была довольно необычной. После окончания в 1939 году Киевского военного училища был направлен в войска, участвовал в советско-финляндской войне. С июня 1941 года начал контактировать с военной разведкой, некоторое время был порученцем будущего главного маршала артиллерии С. Варенцова, с 1944 по 1945 год — в противотанковых частях.

После войны в 1948 году окончил двухлетний курс в Военной академии имени М.В. Фрунзе и там овладел английским языком. В 1953 году окончил Военно-дипломатическую академию и был направлен в Главное разведывательное управление. С 1955 года был на разведработе в Турции под дипломатическим прикрытием помощника военного атташе. Отношения с руководством у него не сложились, и он, пытаясь отомстить своему начальнику, донес на него турецкой разведке. В 1958—1959 годах он снова в Москве на

учебе в Военной академии имени М.В. Фрунзе на курсе подготовки офицеров разведчиков, после чего опять служба в ГРУ — был направлен на работу в управление внешних сношений Госкомитета по науке и технике Совета Министров СССР. В ноябре 1960 года он предложил свои услуги ЦРУ, а в апреле 1961 года — английской разведке МИ-6. В октябре 1962 года был арестован органами КГБ.

Документы свидетельствовали, что, будучи по натуре авантюристом, Пеньковский вел двойную жизнь. Одна была фальшивая, показная, другая — реальная, подлинная. Из этих двух ипостасей он хотел иметь выгоду в виде зарплат, подарков, перспектив. Он лебезил перед начальством, умел показать мокрую спину при минимальных затратах собственных сил. Некоторые сослуживцы принимали его угодничество как человеческую доброту, а карьеризм — как служебное рвение. Нередко успехи сослуживцев выдавал за свои.

На одном из занятий по чекистской подготовке, которое вел полковник И. Ермолаев — начальник отдела, участник операции по разоблачению шпиона — был поднят вопрос о личностных качествах «оборотня».

— И всё же какие главные черты, по вашему мнению, выделяли Пеньковского среди других офицеров? — спросил у Ермолаева на этом занятии Стороженко.

— Качество личности, — повествовал чекист, — её совокупный психологический портрет, к сожалению, у нас мало изучается, и не им измеряется роль человека в коллективе. Порой руководство оценивает работника, создавшего себе репутацию словами, а не делами. Не случайно в личных делах многих офицеров, в том числе офицеров разведки, лежали характеристики-близнецы с одной стандартной концовкой: «...предан социалистической Родине, Коммунистической партии... хранить секреты умеет» и прочее. Так было и с Пеньковским.

Даже у оперативника, обслуживавшего подразделение, в котором трудился будущий шпион, были на него разрозненные данные, но он не смог свести их в единый психологический портрет.

Объективно же этот портрет сложился только в ходе следствия. В нем есть такие мазки: человек умный, обладает

О. Пеньковский выходит из подъезда дома № 4 по Арбатскому переулку после встречи с А. Чизхолм. (Оперативная фотосъемка)

организаторскими способностями, одновременно тщеславен и честолюбив, любил, когда его замечали, постоянно искал высокопоставленных покровителей и через них всякий раз пробивал карьеру. Даже женитьбу на дочери известного генерала подчинил своему пути к успеху. Крепкой семьи не создал и действовал, сообразуясь с собственной логикой авантюриста. Была у него ещё одна характерная черта — постоянно подчеркивал свою близость к высокопоставленному начальству..

— А как и когда вышли на него? — поинтересовался кто-то из офицеров.

— Первые подозрительные признаки косвенного характера появились у оперработника тогда, когда стали поступать данные о проявлении им повышенного интереса к секретам, выходящим за пределы его должностных обязанностей. Таких сигналов было несколько. Их посчитали тогда субъективными. Но когда поступило сообщение, что при работе с секретными документами он закрывает на замок дверь кабинета, чекисты стали пристальнее присматриваться к полковнику.

30 декабря 1961 года сотрудники наружного наблюдения засекли подозрительную встречу жены английского дипломата Анны Чизхолм с неизвестным мужчиной в подъезде дома № 4 по Арбатскому переулку. При установке личности им оказался О. Пеньковский. С этого времени и началась активная работа по сбору улик на предателя. Было установлено, что Пеньковский вне службы вел разгульный образ жизни, а для этого требовались деньги, и деньги немалые. О его времяпрепровождении ходили легенды. Он любил расслабиться

в ресторанах и кафе с нужными ему людьми, то ли для «ошкуривания» объекта беседы, в плане получения от захмелевшего болтуна секретных сведений, то ли рыцарского ухарства в щебетании с дамой сердца. Однажды он так «назюзюкался», что, сидя за столиком в ресторане с очередной жрицей любви, в знак подчеркнутого уважения к даме сиял с её ноги туфель, налил туда шампанское и, подняв тост за здоровье присутствующей, выпил из этого «бокала».

— Bravo, bravo! — закричала публика, редко видевшая такое проявление чувства кавалера не первой свежести к молодой особе.

Полковничьей зарплаты не хватало, поэтому ещё в конце 1960 года он пытался установить преступную связь с иностранной разведкой. Для этой цели он подготовил письмо с предложением своих услуг. Легальных контактов для встреч с иностранцами у него было достаточно, так как он работал от ГРУ в Госкомитете по координации научно-исследовательских работ. Это письмо он передал одному иностранцу в американском клубе в Москве, однако янки отнеслись настороженно к советскому офицеру. Надо заметить, что в то время начальник контрразведки ЦРУ США Д. Энглтон не очень доверял инициативникам, предлагавшим добровольно свои услуги американской разведке, боясь подстав со стороны КГБ.

Тогда Пеньковский решил связать свою судьбу с англичанами. Скоро удобный случай представился. В декабре 1960 года в Москву вместе с делегацией английских специалистов прибыл под личиной бизнесмена разведчик Грэвилл Вини. Из разговоров с ним полковник понял, что это тот тип, перед которым можно открыться и попытаться выйти на английских разведчиков. В апреле 1961 года, находясь на представительском ужине в ресторане гостиницы «Националь», Пеньковский рассказал Винну о себе, о работе в ГРУ и своем желании сотрудничать с разведкой Великобритании.

А уже 20 апреля того же года во время командировки в Лондон в гостинице «Маунтройял» он встретился с высокопоставленными чинами английской и американской разведок, где и был завербован, получив кличку «Янг». Вербовку закрепили письменным обязательством — под-

Встреча О. Пеньковского с сотрудником ЦРУ в Лондоне
(фотография из архива ЦРУ США)

пиской. Тут же в номере ему была поставлена задача по сбору политической, военной и экономической информации. Заморские хозяева передали ему чувствительный транзисторный приёмник для прослушивания зашифрованных радиопередач, блокнот с шифрами и кодами, средства для нанесения и проявления тайнописи, миниатюрный фотоаппарат «Минокс», фотопленки и другие предметы шпионской экипировки. Всё это он, вернувшись в Москву, спрятал дома в оборудованный тайник письменного стола. С этого рубежа «крот» начал активно работать в ГРУ против ГРУ и всей страны.

Для легализации контактов с советскими гражданами англичане приглашали в свое посольство специалистов. Часто на таких приемах бывали и сотрудники Госкомитета по науке и технике. Получал подобные приглашения и Пеньковский, но не для развития внешнеторговых контактов, а совсем для других целей — шпионских. Там тоже присутствовал Г. Винн.

Во время вояжей по роду службы в европейские столицы Пеньковского «натаскивали», как собаку для охоты. На конспиративных квартирах его обучали (занятия шли по несколько часов), как советскому военному разведчику стать первоклассным шпионом. В то же время «доили» —

О. Пеньковский и Г. Винн на официальном приеме
(оперативная фотосъемка)

устно выпытывали всё то, что он хранил в памяти. А хранил он много, так как собирал товар для продажи. Выслуживаясь перед «хозяевами», Пеньковский заявлял: «Взорву в Москве всё, что угодно, — выполню любое задание».

Для снятия стресса ему предлагали секс с проститутками, работавшими на английскую разведку. От такого отдыха он, естественно, не отказывался. Шпион понимал, что это тоже своеобразная плата за его нервное перенапряжение в ходе предательской работы. О низости и скотстве своих поступков не думал, мечтал только о деньгах, больших деньгах.

О фактах обширных связей Пеньковского с женщинами легкого поведения и прожигания жизни в питейных заведениях потом признаются на судебном процессе свидетели — его собутыльники по пьяным оргиям Рудовский и Финкельштейн.

За время заграничных поездок «оборотень» передал противнику 106 экспонированных фотопленок, в которых было более пяти тысяч кадров. Это были материалы се-

Место ареста «Янга» — подъезд здания Госкомитета по КНВР на улице Горького

кретного характера, полученные разными путями на шпионской стезе.

А теперь к вопросу его «засветки». Из материалов судебного разбирательства установлено: впервые Пеньковский попал в поле зрения органов советской контрразведки в конце 1962 года. Согласно плану по связи шпион должен был передать часть собранных им секретных материалов при личной встрече с женой английского дипломата Анной Чизхолм на Цветном бульваре, где она часто гуляла с детьми. Коробка конфет, в которой находилось четыре фотопленки, была передана в качестве «угощения» детям англичанки на лавочке одной из детских площадок, куда якобы «случайно» забрел Пеньковский. Этот подозрительный факт и был зафиксирован сотрудниками наружного наблюдения. Затем уже все действия подозреваемого в шпионаже и его встречи с иностранцами контролировались чекистами, что позволило не только разоблачить матерого шпиона, но вскрыть его связи с разведчиками США и Англии, работавшими легально под «крышей» соответствующих посольств в Москве.

А их было много, прямо или косвенно обеспечивающих безопасность работы Пеньковского и Винна в столице. Это прежде всего сотрудники посольства Великобритании А. Раусселл, Г. Кауэлл, его жена П. Кауэлл, Р. Чизхолм и его жена А. Чизхолм, Д. Варлей, Ф. Стюарт и сотрудники посольства США А. Дэвисон, Х. Монтгомери, Р. Карлсон, Р. Джэкоб, В. Джонс.

В 1962 году в ходе агентурно-оперативных мероприятий был получен визуально ещё один серьёзный уликовый факт. Оперативники зафиксировали момент фотографирования Пеньковским на подоконнике окна каких-то документов, что дало ещё одно основание подозревать хозяина квартиры в причастности к разведке противника. Надо отметить, что такую «процедуру с бумагами» он проделывал несколько дней подряд.

Участник тех событий И. Ермолаев *пояснил*, что наблюдение за шпионом велось из окна противоположного дома. Уже тогда техника позволила фиксировать не только манипуляции подозреваемого в шпионаже с листами машинописного текста, но и четко определить его работу с неизвестным фотоаппаратом. Как потом выяснилось, это была шпионская мини-фотокамера «Минокс». Сомнения после этого рассеялись — перед нами был явный шпион.

22 октября 1962 года, после получения санкции от Генерального прокурора, Пеньковский был арестован при выходе из здания Госкомитета по координации научно-исследовательских работ. В ходе обыска в его квартире чекисты обнаружили тайник с арсеналом шпионского снаряжения: шифры, коды, средства тайнописи, два фотоаппарата «Минокс», микрофотоплёнки, машинописные листы секретных документов. На столе стояли пишущая машинка, на которой он перепечатывал некоторые записи для того, чтобы легче читались тексты — шпионские донесения — хозяевами в разведцентрах США и Великобритании, и радиоприёмник, на котором прослушивались радиопередачи по линии центр — агент.

Тогда же была изъята и инструкция, по которой он обучался и действовал в личине шпиона. В частности, в ней давались такие рекомендации по радиосвязи: «Мы счита-

Шпионская экипировка, обнаруженная в квартире
О. Пеньковского в ходе обыска

ем, что этот способ имеет большие преимущества с точки зрения безопасности... Вам очень важно натренироваться, чтобы Вы могли узнать и записать цифры при передаче... для этого нужно просто регулярно практиковаться». Более детально говорилось о тайниках: «Они будут оставаться основным способом для посылки сообщений и материалов Вами. Для оперативности этого способа нам необходимы описания тайников, обещанные Вами. Вам придется в будущем находить и другие. При выборе тайников имейте в виду, что они должны находиться в местах, нормально доступных иностранцам. Мы считаем, что будет лучше, если мы будем заранее согласовывать день и час, в который Вы будете заряжать условленный тайник, чтобы мы могли его сразу же опустошить, не дожидаясь сигнала...» Дальше в шести пунктах шло подробное разжевывание технологии работы с тайниками.

Спустя некоторое время полковник юстиции в отставке В. Смольников в статье «Неотвратимое возмездие» напишет, что во исполнение этих инструкций «Пеньковский с рвением приступил к выполнению заданий иностранных разведок. Он фотографировал технические отчеты и другие секретные материалы, выуживал данные военного характе-

ра у своих знакомых военнослужащих, фиксировал те сведения о советском вооружении, которые он получил во время службы в армии».

На следствии, а затем на суде Пеньковский признался, что преступную связь с английской и американской разведками он установил исключительно из ко-

рыстных соображении, - не хватало денег на развлечения с собутыльниками и женщинами легкого поведения.

Наглядней всего характеризует авантюризм шпиона его письмо руководству КГБ при СМ СССР, написанное на третий день после ареста.

«Прошу Вас оказать мне доверие и помочь реабилитироваться и вернуться в наше Общество и в свою семью ценой огромнейшей пользы, которую я сейчас ещё имею возможность принести. Я смогу вырвать у врага гораздо больше сведений и материалов, нежели передал.

Это реально с точки зрения сложившихся в настоящее время условий, что является моей жизненной целью. Не превращайте меня в труп — это будет подарком врагу. Забросьте туда, где меня ждут. Большого вреда я уже не принесу, и Вы ничем не рискуете.

Беру на себя следующие условия: если изменю своему обещанию и буду присылать некачественные материалы или «дезу» — уничтожьте семью, да и со мной Вы можете всегда расправиться. Но этого не будет, В горячем стремлении принести сейчас реальную пользу Родине — моя сила.

Помогите искупить преступление.

О. Пеньковский 25.X. 1962 г.»

Он был предателем — и страхи его были страхами предателя. Подонок отдавал на заклатие даже семью ради сохранения своей подлой жизни.

Как уже ранее упоминалось, Пеньковский вышел на англичан через Г. Винна. Кто же этот господин? Грэвилл Вини родился в Англии в 1919 году в семье инженера, рабо-

°- Пеньковский прослушивает радиопередачу из ФРГ на линии центр — агент (оперативная фотосъемка)

DESCRIPTION	SIGNALEMENT
Bearer XffidV .	• Wife Генсе
of bulb	» * i - i . t . . 4 " n
Cauntb of l	..... / i — i a .
a. ~3.	
ЩНЪКАНМ.	
С H I L D R E N	FASTS
Name ,Wvi	Date of bitib Dair dc ntilwnc*
	1* X Sr «

Pooler
Tiinistr

Wife
AHNM

ЭфШтр* Ля

VTMI т\$м*и of *Л

Английский паспорт Г. Винна

тавшего на шахтах Среднего Уэльса. После окончания школы получил высшее образование. В начале войны был призван в армию по мобилизации и служил в военной разведке. По завершению военного лихолетья решил заняться бизнесом. Вначале коммерческая деятельность не заладилась — не хватало средств и опыта. В это время, по всей вероятности, ему подставила плечо английская разведка. Не без помощи «Интеллидженс сервис» он основал две компании — «Грэвилл Винн лимитед» и «Мобайл Экземишенз лимитед». Именно будучи представителем этих и ряда других фирм Винн мотался по странам Европы. Бывал он на территории и Советского Союза. Английская разведка стала активно с ним работать начиная с 1955 года, понимая, что его деятельность — это прекрасная «крыша» для операций по связи. Он проходит шпионскую подготовку на специальных курсах, обучается вскрытию «хвостов» — наружного наблюдения противной стороны за собой, работе с тайнописными текстами, по подбору тайников, кодированию, запоминанию фотографий советских граждан, инте-

Фиктивный паспорт шпиона на случай побега

ресующих английскую разведку. Таким образом, он становится профессиональным разведчиком, использующим легальные возможности для проведения подрывных акций на территории СССР как главного противника в ходе «холодной войны».

На суде было установлено, что Винн, выполняя задание спецслужбы, намеревался направить в Москву несколько фургонов, согласовав это мероприятие с Госкомитетом по координации научно-исследовательских работ, для демонстрации фильмов, показа диапозитивов и чтения лекций на техническую тематику. В одном из фургонов был устроен тайник, в котором Пеньковского планировали вывезти на Запад в случае непредвиденной ситуации.

На том же процессе предатель показал, что он, боясь за свою шкуру, неоднократно ставил вопрос гарантий своей безопасности в случае осложнения обстановки. Американцы и англичане обещали разные варианты оставления СССР, вплоть до побега на подводной лодке, рыболовецкой шхуне или на самолёте. Специалисты из английской

разведки в Лондоне изготовили для своего агента фальшивый паспорт с тем расчетом, что в случае опасности он должен был перейти на нелегальное положение и находиться в определенное время в условленном месте. Эта забота иностранных разведчиков так растрогала шпиона, что он отправил в центр письмо такого содержания:

«Мои друзья!

Получил ваше письмо с паспортом и описанием к нему... Крепко жму ваши руки, большое спасибо за заботу обо мне, я всегда чувствую вас рядом с собой. Ваш друг. 5 сентября 1962 года».

Пеньковскому же обещали звание полковника английской и американской армий, ответственную должность в разведке этих стран, оклад в несколько тысяч долларов. По тем временам это была внушительная сумма. Кстати, находясь в одной из командировок в Лондоне, он на конспиративной квартире даже примерял полковничью форму американской армии. Это были только обещания. Пеньковского спецслужбы лицемерно хвалили, но вывозить его за границу не спешили. Им казалось, что он ещё мало поработал на них.

На вопрос председательствующего суда о том, как оценивали его работу иностранные разведчики, работавшие с ним, Пеньковский ответил:

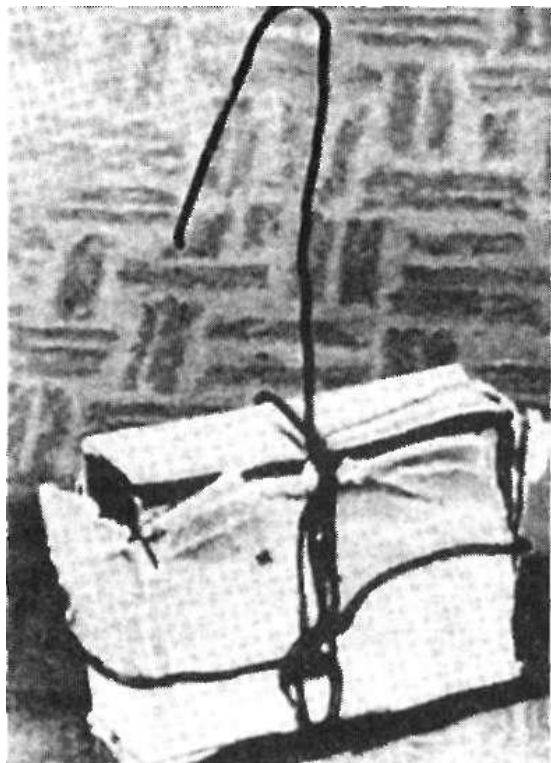
— Мне говорили, что я провожу большую работу, и высоко оценивали её как с точки зрения объёма, так и с точки зрения важности полученных материалов. По их оценке можно сказать, что я работал не зря.

Стороженко не раз обращался как к оперативным, так и следственным материалам по делу о Пеньковском не только для расширения собственно чекистского кругозора, но и для проведения занятий с личным составом подразделения в дальнейшем. Это был уникальный опыт разоблачения мате-рого шпиона, и этот опыт ветеранов нельзя было потерять.

О том, как работали чекисты на последней фазе дела по Пеньковскому, видно из содержания протокола следственного эксперимента для подтверждения правильности показаний шпиона о способе использования тайника № 1.

«В ночь на 2 ноября 1962 года на столбе № 35 на Кугузовском проспекте в Москве была сделана ранее описанная Пеньковским метка. В это же время в подъезде дома № 5/6

по Пушкинской улице был заложен тайник в виде спичечной коробки, обмотанной медной проволокой, при помощи которой она крепилась к костылю, поддерживающему отопительную батарею. В коробку было вложено донесение, изъятое у Пеньковского при аресте. Подъезд был оборудован специальной аппаратурой, позволяющей видеть и фотографировать действия человека, изымающего содержание тайника.

Шпионский контейнер
в виде спичечного коробка

В 8 часов 50 минут были набраны номера телефонов, названные Пеньковским, а в 9 часов 20 минут у столба с меткой появился помощник военно-воздушного атташе посольства США в Москве А. Дэвисон. Он дважды прошел мимо столба, внимательно осматривая его. В 15 часов 15 минут в подъезд дома № 5/6 по Пушкинской улице зашел человек, который в момент изъятия содержимого тайника был задержан сотрудниками органов госбезопасности. При проверке документов этот человек оказался сотрудником американского посольства в Москве Р. Джэкобом».

Эксперимент лишний раз подтвердил, что Пеньковский — реальный, действующий агент иностранной разведки, что с ним противник сотрудничает четко и профессионально.

А теперь об ущербе, нанесенном стране шпионом. Он был огромен по своим политическим, военным и экономическим масштабам. Надо отметить, что это было время становления наших Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Разворачивались на боевые дежурства межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Режим секретности в то время по этому роду войск был жесткий, потому

Разведчик США Джэкоб изымает контейнер в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице (оперативная фотосъемка)

техникой, но и «уходить» с отдельных, уже готовых боевых позиций. Стоили эти мероприятия государству, понятно, не один миллион рублей.

Огромный вред «Янг» нанёс Противовоздушной обороне страны, выдав святая святых, — отдельные элементы системы опознавания, так называемой «свой — чужой». Пришлось казне Советского Союза тратить колоссальные средства на восстановление режимных мер.

Кроме того, Пеньковский «проинформировал новое свое руководство» о структуре центрального аппарата военной разведки по состоянию на 1960—1961 годы, руководителях ГРУ и отдельных офицерах, работающих в резидентурах за рубежом, местах дислокации некоторых НИИ, доктринальных сведениях о стратегическом и тактическом использовании нелегальной разведки. Этим самым он не только сковал и дезорганизовал деятельность разведаппаратов военной разведки за границей, но и практически бросил отдельных вчерашних коллег под жернова контрразведки противника.

что это были особо охраняемые секреты нашего нового оружия, обеспечивающего гарантированную безопасность страны, надо сказать, и до сих пор.

Пеньковский через свои связи в центральном аппарате Министерства обороны СССР по крупицам собрал и выдал данные о некоторых местах расположения этого грозного оружия с привязкой к конкретной местности, а также отдельные планы по строительству новых шахтных колодцев для МБР. Военному ведомству пришлось срочно менять не только планы оснащения РВСН ракетной

Вместе с тем он передал секретные сведения о военной политике страны, о направлениях в развитии новейших видов оружия, в частности, лазерного...

Ущерб стране, нанесенный предательством «оборотня» в погонах военного разведчика действительно был огромен, и в то же время следует заметить, что если бы чекисты не обезвредили его, то негативные последствия были бы

Г. Вины на судебном процессе

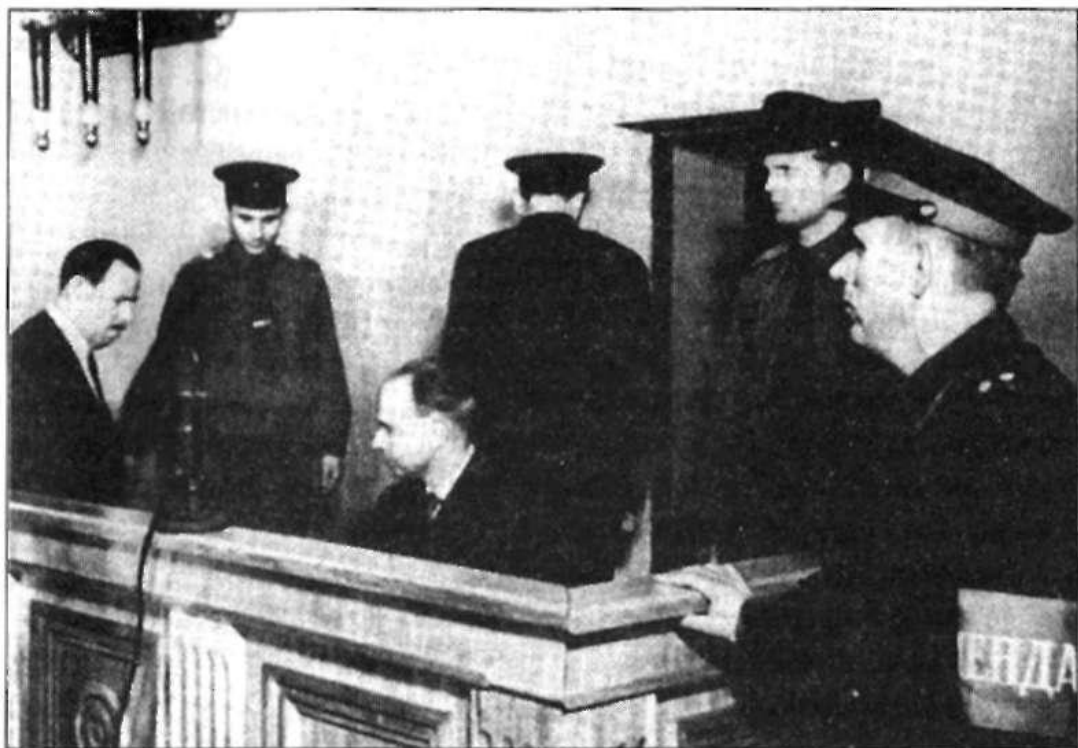
во много крат больше и опаснее для боеготовности Советской Армии. Не случайно последовали суровые санкции против военных руководителей, которые косвенно были виновны в том, что Пеньковский как шпион состоялся и что ему в ряде случаев удавалось через болтунов выкачивать секретнейшую информацию о наших Вооруженных Силах. Были сняты с должностей и разжалованы до звания генерал-майоров: начальник ГРУ генерал армии И. Серов, главный маршал артиллерии С. Варенцов. Серьезно наказали ряд других генералов и офицеров.

11 мая 1963 года Военная коллегия Верховного Суда СССР огласила приговор изменнику Родины О. Пеньковскому и Г. Винну. Суд приговорил Пеньковского к расстрелу, а Винна — к 8 годам лишения свободы. Суд также вынес частное определение о незаконной деятельности ряда сотрудников посольства США и Великобритании в Москве.

А 17 мая того же года центральные газеты опубликовали сообщение: «Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о помиловании Пеньковского О.В., приговоренного Военной коллегией Верховного Суда СССР за измену Родине к смертной казни — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение».

Так закончилась операция чекистов по разоблачению матерого шпиона, нацеленного спецслужбами противника на длительную работу. Сколько предатель принес бы еще

«Хозяин» и «Янг» теперь встретились на скамье подсудимых.
1963 г.

вреда стране, самому Богу только известно. Ясно, что много! Но «крот», или, если его называть современным сленгом — «оборотень», был обезврежен.

Это был ощутимый удар по ЦРУ и МИ-6. За провал Пеньковского слетели со своих должностей и непосредственные руководители агента в американской и английской разведках. А чтобы хоть как-то реабилитироваться перед своим правительством, разжечь антисоветские настроения и опорочить Советский Союз, ЦРУ состряпало фальшивку под названием «Записки Пеньковского», изданную в ноябре 1965 года отдельной книгой. В ней от начала и до конца сплошной блеф. Даже буржуазная печать поставила под сомнение наличие рукописи шпиона, считая, что только человек с отключенным сознанием, а проще, круглый дурак, может поверить в существование подобного дневника с рассуждениями о советской политике на уровне 1965 года, то есть спустя два с половиной года после судебного процесса.

По этому поводу бывший сотрудник ЦРУ Пол Плэкстон в одной из статей журнала «Уикни ревью» писал:

«Утверждение издателей «Записок...» о том, что Пеньковский передал рукопись на Запад ещё осенью 1962 года, звучит нелепо, так как он, зная, что за ним внимательно следят, не стал бы подвергать себя опасности разоблачения».

А ещё один осиновый кол забил издателям «Записок...» известный «специалист по русскому вопросу» Зорза из английской газеты «Гардиан». Он тоже воспринял эту книгу как фальшивку и обратился в ЦРУ за её русским текстом. Однако, как пишет Зорза, «штаб американской разведки не смог предъявить оригинала».

Вот и вся правда о Пеньковском и его несуществующих «Записках».

«ТИГР» ЛОМАЕТ КОГТИ

Ни один плут не настолько глуп, чтобы не найти основание для своих подлостей.

Т. Корнер

1974 год. Это был первый год службы Стороженко в центральном аппарате военной контрразведки КГБ СССР, в шаменитой Лубянке, с которой связаны и подвиги в работе честных, порядочных чекистов, и преступления злодеев, выполнявших злую волю тиранов и партийных царедворцев.

В этих стенах, с одной стороны, разрабатывались планы по локализации заговора иноземного врага молодой 1'оссии Б. Локкарда, нейтрализации шпиона С. Рейли и террориста Б. Савинкова, расследовалось дело об убийстве английскими оккупационными властями 26-ти бакинских комиссаров, отсюда отправлялся на задание легендарный разведчик Н. Кузнецов; а с другой — готовились материалы для сомнительных с правовой точки зрения процессов над так называемыми «врагами народа» и прочее. И всё же светлых дел было больше.

Именно здесь Николай *надеялся* встретиться с конкретным делом на живого шпиона в «десятке» деевской «мишенной системы». Скоро этот случай, хотя и косвенно, для Стороженко всё же представился.

Суть вопроса в том, что коллеги из соседнего подразделения совместно с территориальными органами госбезопасности вели дело оперативной разработки на подозреваемого в проведении шпионской деятельности военнослужащего. Так как сил и опыта по таким делам у них было недостаточно, они обратились за помощью к тогдашнему начальнику второго отделения подполковнику В. Филиппову, который подключил к этому делу профессионалов — разработчиков.

После они рассказали личному составу отделения некоторые особенности поиска агента ЦРУ США, — так сказать, для

науки, расширения оперативного кругозора, что стало большим подспорьем для дальнейших удачных стартов военных контрразведчиков на тропе поиска отщепенцев — предателей в армейских погонах.

Но всё по порядку...

Под чекистским колпаком оказался молодой человек, на которого сделала ставку американская разведка. Речь шла о старшем инженере лаборатории физики плазмы одного из московских вузов — некоем Александре Нилове, который с 1972 года находился в

длительной заграничной командировке в Алжире. Там он по контракту работал в Национальном институте нефти, газа и химии в небольшом городке Бумердесе.

За границей Нилов быстро завязал знакомства с иностранцами. Близких друзей среди соотечественников у него не было. Для Александра они — «совки, рабочие лошадки», а он, как сам себя считал, — голубых кровей и белой кости. Они скучны, со стандартным мышлением, заботятся даже за «бугром» о какой-то советской нравственности. Совсем иное он наблюдал в поведении иностранцев — раскованны в поступках, коммуникабельны, без комплексов. «Иностранцы, — рассуждал на досуге молодой человек, — почему-то мне ближе становятся с каждым разом при общении с ними».

Но тут надо пояснить, откуда взялась такая переоценка отношения к людям. Дело в том, что у Нилова возникло чувство — его сердце вспыхнуло страстной любовью к очаровательной перуанке с американским паспортом по имени Глория. Они стали встречаться всё чаще и чаще. Девушка так пленила его, так вскружила голову, что у него зародились планы жениться на иностранке, а затем выехать для постоянного проживания в США.

Александр Нилов
по кличке «Тигр»

Лх, если бы знал Александр, что его давно опекали сначала англичане, а затем американцы, а Глория не кто иная, как «медовая ловушка» — элементарная подстава ЦРУ. Но, к сожалению, он, ослепленный высоким и святым с его стороны Чувством, не догадывался о возможности такого разворота событий, хотя мог и должен был предвидеть, что в ходе знакомств и «зачисток» дружественных контактов с ним затевается коварная игра. Идет его приручение через стандартное и старое, как мир, профессиональное изучение, а если образно сказать, то началась охота: развешиваются красные флажки и ленточки из фольги, ставятся капканы, копаются ямы — лопушки. С позиции охотников жертва была обречена.

Почти все его «импортные друзья» — инженеры, дипломаты, преподаватели — прямо или косвенно были связаны со своими спецслужбами. Каждый помогал им в условиях заграницы, как и чем мог. Это и есть патриотизм не лозунгом — словом, а поступком — делом. Одни — как разведчики, прикрытые всевозможными «крышами», рыскали по стране в поисках информации и её поставщиков, другие — в качестве платных негласных помощников, третьи — безвозмездно сторожили случай принести пользу стране, пославшей их в Алжир.

Западный мир привлекал и зазывал Александра красочными журналами, со страниц которых смотрели «расшнурованные» красотки на фоне дорогих лимузинов и яхт. В одной из бесед с «отцом» Глории в её квартире (как потом выяснилось, это была «липовая» семья под кандидата на вербовку), когда Нилов рассматривал пачку цветастой периодики, хозяин заметил:

— Придет время — и в России будут публиковать подобное. Это время вам, россиянам, надо приблизить — оно не за горами. Всё будет зависеть от вашего руководства в Кремле. Народ таких вопросов не решает.

В квартиру американца тянуло, прежде всего, из-за стройной смуглянки Глории, которую хотелось видеть рядом всегда. Она, подобно журналам, зазывала в красивую, беззаботную жизнь. Будучи человеком поступка и находясь в плену чар молодой американки, Нилов при очередном визите поинтересовался у «родителей» Глории путями получения гражданства США.

Последовал ответ, что этими вопросами занимаются американские дипломаты в ранге консульских работников.

— Как на них выйти? — торопливо спросил Александр.

— Постараюсь вас познакомить со спецом по этим проблемам, — ответил «отец».

Вскоре знакомство состоялось с вице-консулом миссии США при посольстве Швейцарии в Алжире Вильямом Гэлбрайтом (У США в то время своего посольства в Алжире не было, и все дипломатические сношения решались через швейцарцев). Кадровый сотрудник американской разведки, каким являлся Вильям, с пониманием отнесся к просьбе советского инженера. Он готов помочь Нилову, но всё это не так просто, как думает россиянин. Гражданство любой страны надо заслужить, тем более такой богатой, как Соединенные Штаты Америки. В конце концов «дипломат» хлопает «настоящего русского парня» по плечу и раскрывает карты, ставя одно простое условие — он должен поработать на Америку. Только при таком варианте он сможет ему пособить, посодействовать в выезде в США.

— А в чем будет заключаться моя помощь Вашингтону? — наивно спросил Александр.

— Вы можете нам помочь только одним — негласным сотрудничеством с американской разведкой, — прямо в лоб, безо всяких обвиняков ответил вербовщик Вильям.

Когда Нилов услышал такой ответ, настроение сразу же упало, за грудиной враз похолодело, гулко застучало охолонувшее сердце. Он заметался с решением поставленной американцем непростой задачи.

— Не могу я пойти на такое дело, — с дрожью в горле, не узнавая свой голос, ответил кандидат на вербовку.

— В таком случае я не смогу вам ничем помочь. Вы потеряете шанс стать гражданином великой страны и быть рядом с Глорией. Вы же её любите? Так?

- Да!!!

— Так в чем же дело?

— Дайте мне подумать.

— Думайте, только не долго...

«Родители» Глории вскоре отправили «дочь» в Штаты, мотивируя её неожиданный отъезд необходимостью доучиться на каких-то курсах при университете. Таким образом, Глория выходила из игры. На последней встрече она завершила Алек-

В. Гэлбрайт —
кадровый сотрудник
американской разведки

сандра, что после сдачи зачетов и двух экзаменов постарается развернуть свое дело, — прибыльный бизнес ей обеспечивают родственники; что будет ждать его и надеется встретиться на американской земле.

— Будь благоразумен и Бог будет с тобой, он поможет тебе в начинаниях, — Глория словно намекнула на желательность положительного ответа на предложение вице-консула.

— Буду!..

Когда Глория улетела в США, Гэлбрайт стал чаще «окучивать» колеблющегося россиянина, в сознании которого шла яростная

оорьоа мотивов, иораотка со стороны цээршника происходила с продуманной настойчивостью и психологически выверено. Акценты ставились на подчеркивании его исключительности, наличия якобы широкого общекультурного кругозора и возможностей с таким личностным потенциалом безболезненно встроиться в американский быт. От похвал у Нилова «в зобу дыханье сперло». Он постепенно склонял себя сам к ответу: «Да!»

31 мая 1974 года на очередной встрече в ресторане алжирской столицы «Звезды Магриба» Нилов наконец дал согласие на работу в качестве платного агента ЦРУ. На второй конспиративной встрече с Вильямом (это было в начале июня) он заполнил небольшую анкету, якобы нужную в дальнейшем при решении вопроса об американском гражданстве, что было элементарной туфтой, ответил на несколько десятков вопросов, написал пространную автобиографию и передал янки две фотокарточки.

— Всё это нужно будет при заведении дела на кандидата в граждане США, — слукавил разведчик.

— Что я должен делать?

— Дела у нас с тобой впереди...

В тот вечер Гэлбрайт праздновал победу и решил дальше не напрягать мозги — дать им отдохнуть и загрузиться спиртным. Через несколько часов он назюзюкался, как поросенок.

«Внутренне я уже видел себя агентом ЦРУ, — вспоминал Нилов на следствии. — А в этом качестве мне лучше было жить без Глории. Почему я решился пойти на вербовку? Во-первых, мне очень импонировало то обстоятельство, что выбор пал именно на меня. Значит, я — исключительная личность. Во-вторых, привлекала сама необычность ситуации. Я всегда мечтал о приключениях, путешествиях, о таком, чего не было в моей жизни. В-третьих, было совершенно очевидно, что многочисленные контакты с иностранцами могут стать известными, и тогда — прощай, карьера. И, конечно же, не последнюю роль сыграла корысть. Мерещились солидный счет в солидном банке, фешенебельная вилла на курорте, гоночная машина последних марок, яхта и... шикарные женщины...»

Надо отметить, что Гэлбрайт при встречах, в процессе изучения Александра, постоянно подчеркивал, что он будет богат, что в швейцарском банке сразу же после того, как он начнет поставлять информацию, откроется долларовый счет. Американец словно вдавливал в сознание молодого человека принцип русской пословицы — «О чем тому тужить, кому есть, чем жить». Александр вначале поверил в легкость пути достижения заветной цели, потому что серьезной работой новый хозяин его не нагружал.

В дальнейшем процесс обучения новоиспеченного шпиона, которому был присвоен псевдоним, а вернее кличка, «Тигр», проходил на вилле разведчика, «крышующего» должность вице-консула. На этой, по существу, конспиративной квартире шло натаскивание «молодого специалиста ордена плаща и кинжала», как подыскивать тайники, как их закладывать и изымать, как работать с тайнописными текстами, как принимать и расшифровывать односторонние агентурные радиопередачи, как работать с шифрблокнотами, как пересылать и читать «микроточки». Особое внимание уделялось инструктажам о поведении агента и конкретных способах выполнения заданий на территории СССР.

На одной из встреч Вильям порекомендовал Александру по прибытии в Москву попытаться устроиться в какое-нибудь подразделение ГРУ, а лучше — в его центральный аппарат на любую должность. Это звучало как святая наивность, но факт есть факт: американец нацеливал своего агента на объект первоочередных устремлений ЦРУ в СССР.

Как только Вильям почувствовал, что Нилов полностью привязан к нему, в поведении американского разведчика появились элементы чванства и надменности. Александр, как человек не поднаторевший в шпионских делах, и то заметил, что в вопросах конспирации у Гэлбрайта не всё в порядке. Были случаи, когда он подхватывал «Тигра» в людных местах юрода, что могло привести к «засветке» агента. Вильям не столько баловался спиртным, сколько злоупотреблял градусным пойлом. Пил помногу и разные напитки.

Летом 1974 года они сидели в известном ресторане «Звезды Магриба». Янки в тот вечер сильно перепил. В пьяной горячности он стал кричать на своего агента, угрожать ему, что если тот будет отлынивать от работы, то сдаст его чекистам. Нес ещё какую-то ахинею, набрасывался чуть ли не с кулаками. Эта выходка не столько напугала, как оскорбила Александра. Он готов был отказаться от дальнейшего сотрудничества с хамоватым психопатом. А на утро следующего дня протрезвевший Вильям чуть ли не на коленях ползал у ног «Тигра», прося прощения за свое недостойное поведение. Примирение наступило так же быстро, как и возникла ссора.

Американец прекрасно понимал, что сейчас от агента ждать солидного трофея не стоит. У него его просто нет, но он, как охотник, натаскивающий собаку, готовился к предстоящей большой охоте за важными секретами. Он почему-то видел его в сердце советской военной разведки. Но судьба к птенцу гнезда Гэлбрайта повернулась с другой стороны...

Трехлетняя командировка Нилова в Алжир закончилась быстро. Вот и последняя встреча. Она состоялась у Александра со своим «наставником» 8 июля 1974 года в машине американца. В салоне лимузина «Тигр» получает от разведчика ещё один, теперь уже детальный инструктаж о поведении в Советском Союзе. Гэлбrait ему вручил радио-

приёмник фирмы «Сони» для прослушивания зашифрованных радиопередач и подарок — дорогие наручные часы швейцарской сборки «Ролекс». В конце встречи сообщил приятную новость — Александру полиции ЦРУ присвоено первичное офицерское звание «лейтенант».

Как потом выяснилось, это была откровенная ложь, так как ЦРУ не имеет права присваивать воинские звания. Они остаются только у тех, кто приходит в разведку из армии, флота и других военизированных подразделений.

На этой встрече россиянину Вильям передал и материальное вознаграждение в сумме 4000 алжирских динаров.

— Это тебе на покупку подарков и прочее. Потом мы тебе подбросим ещё, но это будет уже в Москве. Что же касается валюты в швейцарском банке — она «закапала» в долларах, как и договаривались. Счетчик включен, — ещё раз о приятном напомнил янки.

Такая забота патрона польстила самолюбию Александра. Он даже готов был поблагодарить американца, но почему-то сдержался, а только с улыбкой кивнул головой.

В августе 1974 года Нилов возвращается в Москву уже полнокровным агентом американской разведки под псевдонимом «Тигр», где ему предстояло охотиться за секретами. Если говорить откровенно, «когти» у него чесались. Он желает побыстрее включить авантюрную натуру в «негласную» работу, подгоняемый одновременно долгом перед новыми хозяевами и болезненным романтизмом не без меркантильных соображений.

Согласно плану связи он должен был обработать тайник, заложенный персонально для него американцами в Москве. В один из хмурых вечеров догорающего лета, а точнее 30 августа 1974 года, Нилов с соблюдением мер конспирации прибыл к месту нахождения тайниковой закладки по адресу: Палиха, дом № 13. Он знал заранее, что за металлическим шкафом с автоматом для перевода трамвайных стрелок будет находиться камуфляж — доска в виде неотесанного топорика с вбитым с торца ржавым гвоздем. Он, по всем правилам шпионского ремесла, но не без чувства боязни, несколько раз проверился. Никого вблизи не было видно. Александр протянул руку за ящик и извлек именно то, за чем пришел...

Металлический ящик у стены дома № 13 по ул. Палиха — место тайниковой закладки

Домой летел, как на крыльях, — хотелось побыстрее ознакомиться с содержимым вложения. Это же была первая иностранная «посылка». Дощечка оказалась с двумя полостями внутри. В первом выдолбленном гнезде находились деньги в размере 500 рублей, копирка для нанесения тайнописи, свернутая в рулончик инструкция, план операций по связи, два шифрблокнота. Во втором гнезде лежала линза пулевидной формы для чтения микротекстов и микроточек. Стоило, допустим, нацелить острие линзы на микроточку — экспонированную пленку величиной в маковое зернышко — детали увеличивались в 65 раз, превращаясь в строки текста указаний по линии центр — агент.

Из устного инструктажа он знал, что микроточка поступит с письмом «от Игоря». Искать её надо будет в «кармане» под первой и последней буквами своей фамилии на конверте в волокнах бумаги. Содержимое шпионской передачи взволновало агента, — конечно же, он ожидал более крупной суммы!

Затем, примостившись удобно в кресле у торшера, он стал внимательно рассматривать шпионскую экипировку.

Сердце от волнения работало на «повышенных оборотах», руки тряслись. Он взял линзу и принялся читать инструкцию, текст которой гласил:

«Милый друг!

Мы искренне надеемся, что ваше воссоединение с семьей и друзьями доставило вам радость и облегчило тяготы приспособления к контролю государства. Вы должны гордиться тем, что сотрудничеством с нами вы делаете большое дело для себя и Америки. Вы должны верить, что мы относимся к вам с величайшим уважением и восхищением.

Мы надеемся, что однажды сможем снова встретиться на Западе и поговорить свободно. А пока это время не наступило. План, который мы предлагаем, и та подготовка, которую вы получили, помогут нам поддерживать связь друге другом.

Наш язык может показаться сухим, но лишь потому, что нам приходится быть краткими из-за размеров этой пленки. Вам не следует уничтожать ни миллиметра этой инструкции...

Спрячьте эту пленку, шифровальный и дешифровальный блокноты, линзу и вашу тайнописную копирку в такое место, которое вам будет удобным и к которому вы лишь будете иметь доступ. Мы полагаем, что первые два-три месяца по возвращении в страну ваши планы, место жительства и военной службы будут неопределенные.

Как только определитесь — сообщите информацию письмом с использованием тайнописи. Мы хотим вам дать несколько советов, как избежать опасности быть раскрытым...»

Далее предлагалось, устроившись на режимный бъект, добиваться расположения к себе сослуживцев, быть активным в партийно-политическом процессе, не перечить начальству и т. д. Кроме того, тут же давались подробные указания о приеме односторонних радиопередач из Франкфурта-на-Майне. Женский голос дважды в неделю будет выходить в эфир. Указывались параметры частот и московское время. Агенту будут диктовать разбитый по группам шифровальный ряд. Если он начинается четным числом, то можно пропустить такую шифровку.

Заканчивалась инструкция мягко: «Помните, что для нас важнее всего ваша безопасность. Мы всегда с вами. Не стес-

Футляр от сигареты «Белинда»,
в котором Нилов хранил часть
шпионского снаряжения

что тайник обработан, — контейнер изъят. Подробности излагались в другом письме.

«Теодору Ф. Доллару. США. Штат Нью-Мехико, 87111, город Альбукерке, улица Парижский путь, 3625.

Дорогой Тедди! Наконец у меня есть возможность написать о своих делах в России и, в частности, в Москве. Здесь работается тяжело. Дело продвигается медленно, так как русские очень придирчивые покупатели. Они крайне серьезные люди и редко улыбаются. Это крайне замкнутая нация...»

Дальше шел довольно-таки нудный текст без ссылки на погоду, время, маршруты движения. Всё округло, подстрижено, не привязано к временным и погодным реалиям, — письма же готовились заранее. А между этими словами был вмонтирован невидимый текст — тайнопис-

няйтесь, пишите о своих нуждах. Мы всегда пойдем вам навстречу».

Согласно плану связи, через месяц после выемки контейнера «Тигр» должен был отправить в Париж на подставной адрес ЦРУ первое донесение в виде «письма-прикрытия», исполненного тайнописью.

Время пронеслось быстро. Тридцать суток в бытовых и служебных заботах пролетели мгновенно, и за границу понеслась весточка: «Жан Шенье. Франция. Париж — 60 улица Ваграм 75017. Привет, старина! Вот, наконец, у меня есть время, чтобы послать тебе маленький привет из Москвы, которая, как всегда, прекрасна...»

Эти невинные слова на самом деле говорили о том,

ный — такого содержания: «Послание 1. Получил вашу «деревяшку»... адрес всё тот же. Живу с родителями. Скоро ухажу в армию. Буду служить в Ракетных войсках стратегического назначения... Надеюсь подготовить тайнописное послание в декабре. К вашим услугам. «Тигр».

Но прежде чем активно включиться в работу на американцев, агент, чтобы не оставлять без присмотра всех важных и явных улик дома (готовился в армию), спрятал их в тайник в районе Измайловского лесопарка. Он вложил все «ценные» материалы в металлическую капсулу от кубинской сигареты «Белинда», обмотал содержимое целлофаном и зарыл в землю в условленном месте. В московской квартире оставил лишь листы тайнописной копирки и транзисторный приемник «Сони».

Служба началась с принятия присяги на плацу воинской части. Сначала армейскую службу он постигал в ракетных войсках, а затем продолжил в частях военно-воздушных сил.

О своих изменениях в жизни, — в частности, о том, что его призвали в армию, он сообщил американцам очередным «письмом-прикрытием». В конце тайнописного текста обратился с просьбой: «Прошу регулярного денежного содержания и жду приказов».

Шпион начал служить в войсках, но к настоящей работе по сбору секретных данных для ЦРУ не приступил и приказа от своих заокеанских «доброхотов» не дождался, так как вскоре был арестован сотрудниками органов госбезопасности.

После непродолжительного следствия в 1975 году состоялся суд над шпионом-неудачником. На суде в последнем слове Нилов заявил: «Я понимаю всю тяжесть содеянного, глубину совершенного преступления. Я раскаиваюсь, что встал на путь измены, на путь предательства интересов моего народа. Мне стыдно перед вами, сидящими здесь, перед родными, перед друзьями, перед самим собой».

Получилось так, что «Тигр» не запустил своих когтей в секреты, обломал на пути, а вернее ему их обломали чекисты.

Военный трибунал Московского военного округа, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, — шпион не успел собрать хоть малозначимую информацию секретного характера — счел необходимым применить к нему минимальную меру наказания.

ПРОВАЛ АГЕНТА «АЛЕКСА»

*В беду падают, как в пропасть, вдруг,
в преступление сходят по ступеням.*

Л.А. Бестужев-Марлинский

Помощник военного атташе майор Филатов проснулся рано. Вчера он получил срочное задание найти в книжном магазине литературу по истории страны пребывания. Особого недоумения прихоть начальника не вызвала. Он догадывался, что книги по этнографии предназначались, очевидно, для проверяющего из Центра, — одного из руководителей ГРУ, впервые собирающегося посетить Алжир, где намеревался провести инспекцию военного аппарата посольства СССР.

На машине не хотелось ехать из-за боязни вновь, как это было уже дважды за последний месяц, попасть в аварийную ситуацию. Только поэтому Филатов и принял окончательное решение пройтись пешком по городу и выполнить задание шефа. Он быстро оделся и вышел из дома.

Несмотря на раннее утро, улицы города были запружены людьми, машинами, велосипедами. Всё это гремело, скрипело, сигналило, создавая какую-то необыкновенную мешанину звуков. Автомобильные пробки быстро растаскивали полицейские.

Филатов радовался, что отказался от лимузина. Столько бы времени потерял! Его двигала вперед, просто-таки увлекала мысль во что бы то ни стало найти начальнику необходимые книги — ещё со времен пылкой курсантской юности любил угождать командирам. Таким он остался и в майорских погонах. Натуру не обманешь, её трудно переделать!

Безуспешно обойдя несколько кварталов с книжными магазинами, он с тяжелым чувством направился в посольство...

Неожиданно за спиной скрипнули тормоза автомашины. За рулем сидела миловидная девушка. Она приоткрыла

дверцу и пригласила его в машину. Вообще, в Алжире принято подвозить пешеходов, поэтому Филатов не придавал особого значения этому доброму жесту.

— Вам куда? — на французском языке спросила незнакомка.

— В советское посольство, — ответил мужчина.

— О, вы знаете французский... Вы дипломат?

- Да!..

В процессе разговора познакомились. Его звали Анатолий, а её — Нади. Через несколько минут американка знала, что советский дипломат озабочен поиском литературы по этнографической тематике.

— Вы ищете довольно редкие книги, — с едва заметным акцентом, по-русски промолвила Нади. — Не тратьте себя в поисках таких книг в этом районе. Надо знать город, чтобы иметь представление, где искать такую литературу.

От неожиданной участливости молодой женщины офицер опешил. Пусть небольшой, но профессиональный опыт подсказывал ему держаться настороже: соблазнительно красивое, как в рекламных клипах, лицо, гордо посаженная голова с рыжим хвостом на затылке, большие голубые глаза, легкое платьице, плотно облегающее точеную фигуру, и длинные, словно растущие от шеи, ноги...

Прошло еще некоторое время — и пассажир уже знал, что американка занимается российской филологией, а её родители, временно проживающие в Алжире, — специалисты по этнографии. В родительской библиотеке должны быть книги по этой тематике. В худшем случае она их сможет достать у коллег.

— Ну, дипломат, давайте встретимся через пару дней, я попытаюсь вам помочь, — предложила Нади.

— Честно, не откажусь от помощи, — последовал ответ Анатолия.

Договорились встретиться через неделю на этом же месте...

Филатов дипломатом в прямом смысле не был. Служил в аппарате военного атташе и по технической должности, какую он занимал, дипломатическим иммунитетом не

Помощник военного атташе
А. Филатов

пользовался. Это ущемляло его болезненное самолюбие. Ему казалось, что достоин большего, поскольку достаточно образован, общителен, деловит. Восклицание «о, дипломат!», несомненно, польстило ему, и он почувствовал пусть мнимую, минутную, но неотразимую силу своей значимости. Однако его не покидала настороженность, но она размывалась искренностью Нади. Девушка волновала сердце опытного, несмотря на сравнительную молодость, ловеласа. Она уже частично овладела им...

Неделя прошла в ожиданиях встречи. Филатов торопился. И вот он уже за пределами посольства. Благо время свободное и неподотчетное — он ищет подарок. Машина стояла на обусловленном месте. Нади приоткрыла дверцу, и он плюхнулся на переднее сиденье. Договорились съездить домой к девушке. Автомобиль быстро преодолел пробки в центре алжирской столицы, свернул в узкую улочку и вскоре остановился.

— Бот и мой дом, — весело щебетала голубоглазая спутница. Хлопнули дверцы машины — и они оказались у подъезда высокого дома. В лифте поднялись на шестой этаж — Филатов успел заметить ярко-зеленую цифру на табло. Нади достала из сумки ключи и стала долго возиться у двери. Наконец замок поддался. У гостя сложилось впечатление, что она или не часто бывает здесь, или недавно поменяла замок.

Пока ехали в машине, Анатолий узнал, что родители Нади выходцы из России, живут в Алжире и работают на одной из фирм. Правда, в настоящее время отдыхают — отправились с друзьями в недельную одиссею на яхте, а затем на месяц выедут в США.

Квартира, в которую они вошли, поначалу офицеру показалась казенной, нежилой, лишенной той теплоты, какую обычно создают женские руки. Здесь не чувствовалось духа хозяйки. И словно разгадав мысли гостя, Нади мило прозвенела своим тоненьким голоском:

— Анатоль, не скучай, я мигом. А хочешь, помоги своим присутствием — мне будет приятно.

Филатов прошел на кухню. Холодильная камера была набита всевозможной снедью. Когда же Нади достала сыр, помидоры, колбасу и ловкими движениями стала готовить бутерброды, офицер пришел в норму — все подозрения развеялись.

Затем прошли в большую комнату, заставленную старинной мебелью. Удивительная безвкусица снова поразила гостя: рядом с современной стенкой стояли старомодные горки и старинный сервант, вышедшие давно из моды этажерки и комоды — шедевры послевоенного дизайна. Такое нагромождение «эпох» действовало угнетающе, но когда вишневый цвет абажура успокоительно разлился по комнате, скрывая мебельный винегрет, и на экране телевизора показалась картинка прерий, комната наполнилась тем домашним покоем, который располагает к бездумному отдыху тела и души.

Включенный кондиционер освежал прохладным и слегка ароматным воздухом. За знакомство выпили по рюмке виски. Бутерброды Анатолию показались вкусными — голод пришел через волнение. Затем американка стала перебирать книги, но нужных не находилось.

— Как же так, я их видела раньше! Может, родители перепрятали или отдали кому-то, — говорила себе под нос Нади.

Договорились, что она созвонится с родителями сегодня же по радиотелефону. Взглянув на часы, Филатов заторопился. Условились через неделю вновь встретиться.

Военный атташе генерал-майор Думов был доволен — инспектор из Москвы задерживался на месяц. За это время он сможет подготовиться к встрече не очень желанного гостя: подогнать дела, достать сувениры, спланировать не спеша маршруты интересных поездок. Успокаивали и хло-

поты подчиненного Филатова: тот договорился в одной из книжных лавок дней через десять непременно достать набор требуемых книг.

А мысли майора, живущего без жены вот уже несколько месяцев, занимала одна Надюша, — таким ласковым русским именем нарек он американку. Дни тянулись резиново. Хотя монотонность службы с закрепленными за ним функциями — «пойди, возьми, принеси» — нисколько не отягощала его лакейского самолюбия. Ему даже как-то импонировало, что шеф именно ему поручает решение даже личных вопросов.

Подавленная профессиональная гордость иногда, правда, просыпалась, напоминая о том, что он приехал за рубеж не для того, чтобы ходить по рынку с авоськой и покупать продукты для семьи своего начальника, а совсем для других целей. Но чем дальше разматывался командировочный клубок, тем отчетливее становилась его роль эдакого «мальчика на побегушках».

Думов — старый ловкач, интриган и вельможа — сразу же определился в выборе лакея. Именно таким он и представлял нештатного денщика: трусоватого, недалекого и с хитрецей.

Прошла назначенная неделя. Поставив в известность Думова, Филатов отправился в город. Словно невидимые крылья несли его к условленному месту, где должна будет подобрать его Нади. Машина ждала. Он сел на переднее сиденье — улыбчив, галантен и словоохотлив.

— Здравствуйте, Надюша!

— Добрый день, Анатоль! Я, по-моему, нашла то, что вам надо, — улыбнулась американка.

— Спасибо за услугу, а то я совсем расстроился, — без лукавства признался он и бросил вожделенный взгляд на округлые коленки дамы, сидевшей за рулём. Доехали до дома Нади быстрее, чем в прошлый раз...

Предложив кресло у журнального столика гостю, хозяйка подошла к книжной полке и взяла в руки несколько увесистых фолиантов в пестрых суперобложках.

— Вот смотрите, что мне удалось достать, — изгибаясь под тяжестью книг, она быстро оказалась у столика и с шумом опустила их.

Филатов, просмотрев названия, бегло ознакомился с иллюстрациями и оглавлениями в книгах и сконфуженно спросил:

— Сколько я вам должен? Это ведь целый клад! Какая техника печати, качество рисунков и фотографий!!!

Нади лукаво улыбнулась и сделала вид, что крайне удивлена постановкой бестактного вопроса.

— Надо же, книги именно те, что мне нужны. Словно по мановению волшебной палочки, — произнес офицер.

Нади в это время проскользнула на кухню, обдав незадачливого ухажера приятными духами. Из кухни до него донесся её певучий голос, показавшийся таким искренним, что невольно поверилось словам:

— Считайте, что это вам от меня подарок. Немного подождите, я кое-что приготовлю. Будет всё очень вкусно. Вы еще оцените мои кулинарные способности.

Не прошло и десяти минут, как Нади вкатила десертный столик с бутербродами, фруктами, конфетами и двумя бутылками. В длиннорлой посудине играло золотом сухое вино. А в другой, пузатой, бутылке покоился коньяк. Поставив столик перед гостем, она неожиданно метнулась в ванную и через несколько минут вышла в голубом халатике.

— Немного освежилась, одомашнилась, жарилу не переносу, — заметила американка. — Рекомендую помыть и вам руки. В этой стране всё так грязно, так грязно...

Они сидели захмелевшие, живо обсуждая проблемы широчайшего диапазона — от философии до НЛО. Лицо Нади, подрумяненное выпитым, казалось, гипнотизировало его, притягивая к себе. Округлые розовые коленки, небрежно и слегка обнаженные тугие груди, частое и близкое дыхание женщины влекли к себе. И словно уловив его плотское желание, Нади резко поднялась и включила магнитофон, наполнивший комнату неповторимой, таинственной и задумчивой мелодией. Осмелевший Анатолий пригласил даму на танец. Обняв партнершу за талию, он прошел с нею несколько кругов в темпе танго и не заметил, как оказался в постели...

В кабинете резидента ЦРУ США в Алжире царил полумрак. Сквозь наклонённые книзу жалюзи едва просачивалось яркое африканское солнце. По радио в приглу-

шном режиме звучали джазовые мелодии. Он любил джаз, а поэтому возил с собой кассеты с километрами пленки.

Подчиненный резидента полковник Кэйн докладывал шефу вот уже в течение получаса план операции по вербовке советского офицера. В конце он подытожил:

— Тщательно изучив Филатова в период предыдущей командировки в Лаосе, да и здесь, в Алжире, я убедился, что использование «медовой ловушки» — это наиболее вероятный путь сделать его нашим источником в системе резидентуры ГРУ, а дальше — поможет Бог. Я уже докладывал вам о вспомогательных психологических рычагах воздействия: шантаж — в силу его трусливого характера, деньги — поскольку он патологически жаден, и лесь — ему свойственно дьявольское тщеславие. Операцию планирую начать на конспиративной квартире. Как вам известно, она оборудована средствами слухового и визуального контроля. Агент Нади быстро вошла в роль и довольно-таки успешно играет в оперативном спектакле.

Резидент неожиданно поднялся с кресла и, хитро прищурясь, пробасил:

— Господин Кэйн, вы хорошо докладываете, — всё расписано, как говорится, по нотам. Прошу, однако, усилить наружную разведку за объектом накануне и после вербовки. Особенно следите за радиообстановкой. С учетом недавнего отказа спецтехники настоятельно требую персонально проверить её нынешнее состояние. Кстати, вашу даму, как только она отработает, следует сразу же отправить домой во избежание возможных осложнений...

Дальнейший разговор прервал телефонный звонок. Звонили из Центра и интересовались, наряду с другими вопросами, ходом подготовки запланированной вербовочной акции.

— Да, сэр, всё это предусмотрено планом... Ей уже оформлен билет, и она улетит вовремя.

— Ну что ж, тогда прекрасно, да поможет вам Бог. До свидания...

Разговор в кабинете продолжился.

— Я думаю, нет оснований беспокоиться. Он клюнет на приманку. Этот изголодавшийся сердцеед легко войдет в

уготованный нами лабиринт с тупиковой концовкой, — ощерился Кэйн.

— Ох, Эдвард, не обольщайтесь возможностью легкой победы. Поверьте мне, сломавшему не один зуб профессионального самолюбия на советском орешке. Я глубоко понимаю непредсказуемость русских. Мне вспоминается такой случай в Японии. Один объект — советский военный дипломат, доведенный, как мне тогда казалось, до кондиции, вдруг сообразил, куда клоню, вlepил такую пощечину, что до сих пор горит щека. Затем он еще добавил: «Ты думаешь, я стану подонком?» Больше я с ним не встречался. Вот так-то, Эдвард. Будь осторожен со славянами: они просты только с виду.

— С учетом того, что вы рассказали, я сделаю всё, чтобы не получить пощечины — в прямом и переносном смысле...

В приподнятом настроении шагал Филатов в посольство. Плоть была умиротворена, душа пела, а вот сознание и чутье профессионала, пусть не высокого ранга, нет-нет, да и давали о себе знать. Что это — любовь, влечение или?... Он возвращался к событиям последнего месяца. Вспоминал свои встречи с Нади, находил и опровергал в них подозрительные подробности. Однако всякий раз черные мысли изгонялись чувством исполненного долга в приобретении для шефа нужных книг, а договоренность с Надюшей о встрече несла новые надежды. Как-никак они условились через неделю встретиться снова!

Передавая книги Думову, Филатов обратил внимание на то, что тот даже не поинтересовался стоимостью, обстоятельствами покупки, их содержанием. Он взял их, как берут охапку дров, и небрежно бросил на выступ кабинетной стойки. Зазвонил телефон.

— Хорошо, я зайду... да-да, сейчас зайду, — ответил военный атташе.

Филатов понял, что шефа приглашает посол по какому-то неотложному делу. Мысль о том, что его вместе с американкой мог кто-либо видеть, обожгла сознание. «Неужели об этом стало известно послу? Кто мог нас видеть? — задавал себе вопросы. — Посол, очевидно, получил информацию от «ближних соседей».

В голове стремительно возникали объяснения, формировались невинные ответы. А в это самое время Думов поднялся из-за стола и, хлопнув подчиненного по плечу, скороговоркой невнятно буркнул:

— Молодец, меня просит посол. Занимайся своими делами.

Филатов облегченно вздохнул и выскочил из кабинета. Он посмотрел по сторонам, раскрасневшийся и возбужденный двинулся в сторону референтуры.

С той памятной встречи с Нади прошло трое суток, но его опять страстно потянуло к ней, в ту уютную квартиру, где так быстро пролетело время бурного сладострастия.

Работая над обзором местных информационных источников, майор не заметил, как вошел в комнату Думов и приказал зайти к нему через десять минут. «Вот и мой конец» — вновь мелькнула мысль. Руки покрылись испариной. Десять минут, наполненные тягостным ожиданием, наконец-то истекли. Он торопил события, поэтому вошел в кабинет несколько раньше и стал, затаив дыхание, ждать удара. Однако Николай Ильич был в настроении, находясь «под шафе». Генерал барски растянулся в кресле, зевнул и проговорил:

— Милый, сбегай на рынок. Надо запастись продуктами для узкого представительского мероприятия. Возьми... — он стал перечислять список желаемого.

Анатолий быстро записывал в блокнот. Настроение снова забило голубым фонтаном. «Значит, посол говорил не обо мне, если Ильич продолжает доверять выполнение личных заданий», — подумал Анатолий.

Судьба поворачивалась к нему лицом. Он был вне подозрений!.. Значит, возможна встреча с Нади.

Наконец день назначенной встречи настал. Он вышел из посольства, направился к оговоренному месту и думал о предстоящей встрече с женщиной, вскружившей ему голову. Снова городская суeta суeta — машины, людские толпы, какофония звуков, торговые ряды базара...

На месте встречи Нади не было. Он прождал минут сорок — никого. Прочесал несколько раз квартал, но опять же любимой дамы не обнаружил. Пришлось, несолоно хлебавши, отправиться в посольство. Сладкие раздумья сменились унылым оцепенением, из которого его вывел скрип

тормозов неожиданно поравнявшейся с ним автомашины. За рулем сидел мужчина лет за сорок, одетый в светлую сорочку с воротником «стойка».

— Садитесь, молодой человек, подвезу, — предложил услужливо незнакомец и открыл дверцу.

Анатолию показалось лицо водителя знакомым. Усталость от пешей прогулки и невыносимый зной сделали своё дело — он нырнул в лимузин.

— Здравствуйте, товарищ Филатов. Привет вам от Нади, — мило улыбнулся незнакомец и внимательно посмотрел в глаза пассажиру. — Я знакомый Нади. Меня зовут Эдвард Кэйн. Вас зовут Анатолий?

- Да!..

После этого водитель раскрыл папку и вытащил оттуда толстый конверт из желтой бумаги с блестящими зажимами на верхнем клапане. Он положил его на колени офицеру.

— Нади просила посмотреть содержимое конверта прямо в машине и вернуть ей те фотографии, которые вам не понравятся.

Анатолия взволновала и заинтересовала передача. Он быстро разогнул металлические дужки конверта и обнаружил в нем пачку цветных фотографий высокого качества. Вот они с Нади в городе: у книжного магазина, в машине, у дома. А затем... Затем... кровь ударила в голову, застучало в висках, лоб мгновенно покрылся испариной, к горлу подкатывал тошнотворный комок, а сердце готово было выпрыгнуть из грудной клетки.

На фотографиях — два обнаженных знакомых тела в разных позах и под причудливо порнографическими ракурсами. Розоватый оттенок кожи на снимках придавал более высокий уровень сексуальности. Вот его пьяная физиономия лежит на бёдрах женщины, а вот он щекой коснулся груди, а вот... «Она раздевалась неторопливо, — вспомнил Анатолий, — как профессионалка из стриптиза, со знанием дела... стерва, стерва, как же я не догадался? Она ведь позировала, точно зная места расположения фотообъективов».

Потом он повернулся к Эдварду и с деланной суровостью спросил:

— Это что, шантаж компроматериалами?

— Нет, просто зафиксированные на века приятные мгновения, обретшие, как говорят философы, материализованную форму, — ядовито заметил водитель и тут же добавил: — Нади не ищите, она срочно вылетела в Штаты, однако просила не волноваться, так как эти свидетельства взаимной близости останутся приятными воспоминаниями не только для вас, но и для неё. Возможно, она скоро вернется, — всё будет зависеть от вас и от тех обстоятельств, которые сложатся вокруг вас обоих...

Монолог продолжался, но Филатов его уже не слушал, окончательно убедившись, кто такая Нади и её знакомый. Он брезгливо взглянул на конверт, а затем на Кэйна. Мысли барахтались в поиске достойного ответа. Анатолий даже не заметил, как машина остановилась в глухом переулке позади посольства. Эдвард открыл дверцу и тихо промолвил:

— Друг, мы скоро встретимся. Удачи тебе. Не обижайся, мы сделали то, за что ты нас будешь благодарить. У тебя появятся деньги — большие деньги. А конверт правильно, что не взял.

Затем он высадил пассажира, и машина стремительно рванула с места. Бледным, усталым и опустошенным выглядел Филатов. Когда вошел на территорию посольства, показалось, что его состояние видят многие. От случившегося делалось страшно, но инстинкт самосохранения подсказывал: возьми себя в руки, успокойся, надо выглядеть и действовать, как обычно — раскованно с товарищами и предельно собранно с начальниками.

Начались кошмарные дни тягостных раздумий. У труса страх гипертрофируется. То хотелось во всем признаться, то наложить на себя руки, то пойти на развитие отношений с американцами.

Всё решил праздник 23 февраля 1974 года, организованный в посольстве СССР. На банкет были приглашены иностранные гости. От американской стороны был первый секретарь посольства США в Алжире господин Эдвард Кэйн. Он держался в стороне от Филатова, узнавшего янки сразу же и с трепетом ожидавшего контакта с ним. Всё, однако, произошло, как в кино, — незаметно и естественно. Улучив момент, Кэйн передал советскому офицеру визитную карточку с адресом виллы хозяина.

— Приходите в субботу. Я буду ждать на вилле. По адресу найдете. Желательно вечером, после восемнадцати, — быстро проговорил американец.

— Хорошо, — был краткий ответ Филатова, понимавшего, что он остановился на третьем варианте развития событий. Он решил пойти на переговоры с разведчиком.

Вечером назначенного дня Анатолий подошел к вилле Эдварда. Озираясь по сторонам, он прошмыгнул в калитку и вскоре оказался в комнате с улыбающимся хозяином.

— Добрый вечер, господин Кэйн.

— Здравствуйте, господин Филатов. Я думаю, вы не будете обижаться на нас, на меня. Поймите, я не враг ваш, а друг, желающий только добра.

Выпили по чашке кофе. Майор немного расслабился. Беседа начала завязываться, появилась даже непринужденность. Политических вопросов не касались. Антисоветского прессинга не ощущалось. Доброжелательный тон Кэйна действовал на гостя успокаивающе.

— Я предлагаю профессиональную дружбу. Выражаясь коммерческим языком, — деловое сотрудничество, от которого выиграют обе стороны, потому что прекрасно знаю, кто вы и чем занимаетесь. Вы же догадываетесь, кто я. Вам для служебного роста нужна информация, мне она тоже необходима, — вкрадчивым голосом, словно боясь кого-то спугнуть, продолжал американец.

Вопросы сыпались четкие, продуманные, требующие безобидных на первый взгляд ответов. И ещё Анатолию показалось, что Эдвард достаточно глубоко информирован по личному составу резидентур КГБ и ГРУ в Алжире, обстановке в советской колонии, закупкам товаров её обитателями и даже по местным сплетням.

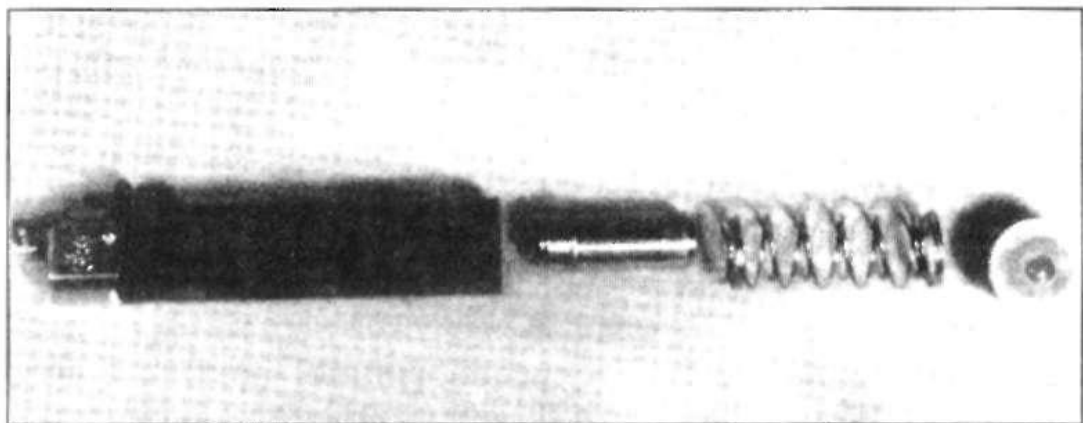
Майор уступал молча. Загнанный, как ему казалось, в тупик, он видел перед собой только стену. Он сдался...

Перед уходом Кэйн подарил «русскому другу» дорогую зажигалку, заметив не без лирического оттенка;

— Пусть она не только поджигает сигареты, но и согревает ладони, делающие полезные друг другу дела.

Договорились встретиться здесь же через десять дней. Кэйн пообещал кое-что раскрыть в их взаимоотношениях.

Срок до очередного свидания пролетел быстро. Это были кошмарные дни раздумий. Однако ровно в 20.00,

Фотоапар-зажигалка «Алекса»

как и договаривались, россиянин пришел к американцу. По дороге на конспиративную встречу офицер успокаивал себя: «Будем обмениваться информацией, это делают на грани фолы многие разведчики мира. Важного ничего давать не буду, а от американца даже незначительные материалы всегда будут оценены руководством достойно». В то же время он понимал, что дорога, на которую его вывела Нади, не вымощена благими пожеланиями. Она, скорее всего, может привести к чему-то страшному и непоправимому.

Филатов нажал на звонок, и гостеприимный хозяин тут же открыл дверь.

— Проходите. Никого из знакомых не встретили по дороге? — поинтересовался Кэйн.

— Нет...

— Ну и хорошо. Прошу в комнату, а здесь можете повесить плащ. — Движением руки Эдвард показал на вешалку из красного дерева.

В комнате царил полумрак. В углу под фиолетовым колпаком тускло горел торшер. На круглом журнальном столике из толстого тонированного стекла стояла плоская бутылка виски и лежали почти такие бутерброды, какими не так давно угощала его коварная красавица.

— Предлагаю для аппетита и снятия стресса виски со льдом, — хлебосольно предложил американский разведчик.

Выпили за встречу. Разговор начался с погоды, экологии — загрязнённости города, проблем нарастания панисламских настроений в отдельных регионах страны.

— Ничего страшного не произошло, Анатолий, — начал Кэйн. — Давай на брудершафт. Он придаст ещё больше откровенности.

— Давайте, — стеснительно выдавил из себя Анатолий.

— Конечно, ты вправе считать, что мы поступили не по-джентльменски. Но что делать? Нередко обстоятельства диктуют форму акции. — Он улыбнулся, прищурив хитро бегающие глаза. — Я думаю, твоя служба поступила бы аналогичным образом. Советские партийные органы строго следят за нравственностью в армейских рядах. Я буду откровенным: мы внимательно наблюдали за твоими действиями и поведением. Они вписываются в нормы морали янки.

— Чем же? Какие это нормы?

— Прежде всего, отсутствие закомплексованности на приёмах, свобода личных поступков, коммуникабельность, прагматизм с высоким чувством реальности, увлеченность и тяга к знаниям, приобретение дорогих вещей и другое. В последнем вы, — Кэйн снова почему-то перешел на «вы», — как и я, очевидно, руководствуетесь пословицей «Мы не такие богатые, чтобы покупать дешевые вещи». Но увы, на дорогие товары денег у вас никогда не хватало. Пли я ошибаюсь?

— Нет, всё правильно, — подтвердил офицер.

— Таким образом, как сказал один мудрый человек, настоящий мужчина характеризуется тремя страстями: к красивым женщинам, терпким винам и большим деньгам. Если с первыми двумя показателями у вас всё нормально, то с деньгами никак не клеится. Мы готовы помочь, будем хорошо платить. Работа совершенно безопасная, причем обоюдовыгодная. Мы заинтересованы в вашей конспирации не меньше, чем вы сами.

— Я должен все взвесить, — промямлил вербуемый. — Я прекрасно понимаю, куда вы меня ведете.

— Ответ в данном случае может быть только один — положительный. Думать некогда, — вместе с тем, думать всегда надо. Или вы даете подписку о сотрудничестве сейчас, или ваше руководство завтра же будет знать все подробности недостойного поведения помощника военного атташе майора Филатова, — американец умышленно назвал должность и воинское звание жертвы. — Стоит ли объяснять, что произойдет с вами потом.

Офицер сломался...

Договорились, что Кэйн тоже будет «подпитывать» Филатова необходимой информацией.

Кабинет резидента ЦРУ США в Алжире погрузился в табачный смог. Хозяин апартаментов сидел развалившись в кресле и, время от времени затягиваясь сладковато-пахучим дымом трубки, внимательно слушал прибывшего на доклад полковника.

— Вербовка Филатова проведена согласно плану. Он окончательно стал на позиции сотрудничества с нами. Я думаю, компромат и деньги сыграли не последнюю роль. То, что русский рассказал о себе и своей службе, само по себе закрепляет вербовку, не говоря уже о письменном согласии.

— Сейчас главное в работе с агентом, — заметил резидент, — деликатная напористость и напористая деликатность. Используйте метод постепенного втягивания для получения серьёзной информации. Не пытайтесь форсировать события. Не загружайте агента с первых шагов сложными заданиями. Вместе с тем, чаще встречайтесь, но не переусердствуйте. Надо создать такие условия, чтобы он был сам заинтересован в добывании сейфовых материалов. Помните о материальном интересе. Агент должен чувствовать нашу заботу. Подчеркивайте его весомость, больше хвалите, но только не переборщите. Вы опытный работник, пусть мой общий инструктаж вас не коробит. Я вынужден по службе говорить эти прописные истины, и говорю каждому сотруднику, заимевшему конкретный оперативный результат.

Кэйн праздновал победу. В штаб-квартиру ЦРУ полетела шифровка за подписью резидента о вербовке советского офицера Филатова под кличкой «Алекс». Он прекрасно понимал значение удачного финала: была выполнена главная задача командировки — приобретение агента. Резидент не раз его стегал за бездеятельность и отсутствие конечного результата. Если бы не эта победа, уехал бы он из Алжира «холостым» — без вербовки агента, а Центр за такую пассивность по головке не гладит. Могли и уволить. А сейчас оценят и дадут ещё послужить за границей. Эти мажорные размышления прервал шеф, как будто уловивший нить рассуждений подчиненного.

— удвард, — обратился по имени резидент к полковнику, — придется продлить срок вашей командировки здесь, но одновременно считаю полезным с материалами дела на «Алекса» ознакомить вашего сменщика. Пять — шесть встреч с агентом проведете сами, исподволь готовя его к продолжению работы с коллегой. Это закрепит вербовку и создаст гарантии, что он станет работать на нас и после возвращения в СССР. Сменщик должен будет подготовить агента к «выводу на Россию» уже обученным и с необходимой экипировкой.

— Я вас понял, — отчеканил Кэйн и с разрешения шефа покинул кабинет.

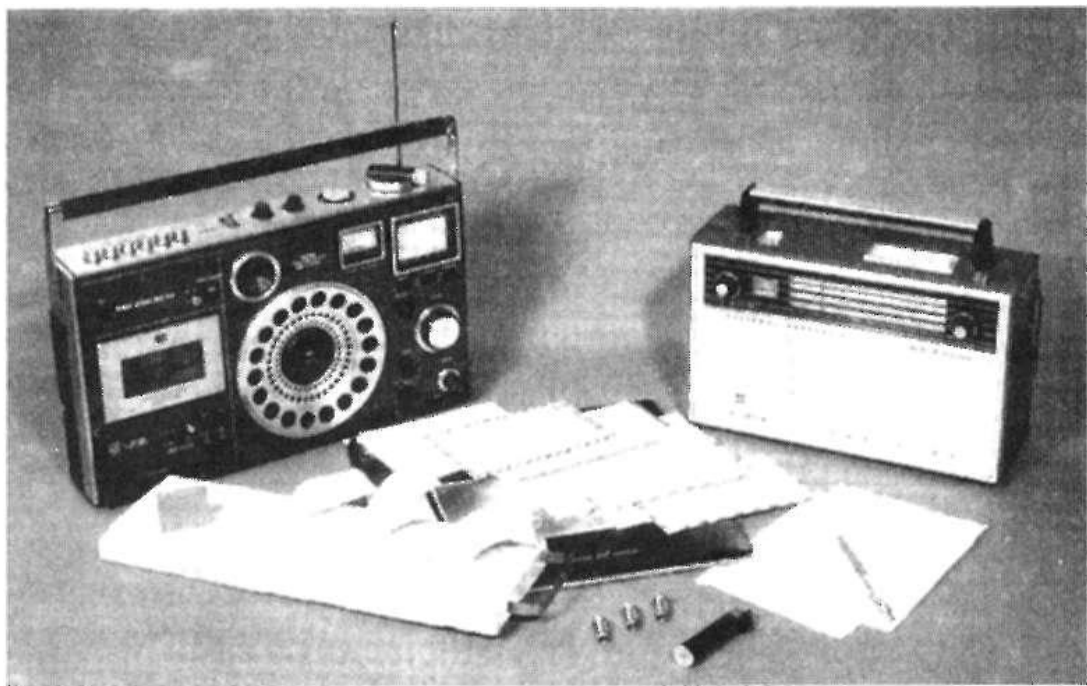
Итак, в посольстве СССР в Алжире заработал «крот» — агент ЦРУ «Алекс». Конспиративные встречи с ним проходили только на вилле Кэйна. Агент, как заправский офеня, носил товар, за который купец платил ему щедрые деньги, — правда, не из своего кармана. Подкармливался средствами из оперативной кассы и сам Эдвард, завышая расходы на «подарки и представительские мероприятия» с обилием спиртного и продуктов питания.

Параллельно с этим шло постижение шпионского ремесла: давались подробные инструктажи о линии поведения, разъяснялись способы выполнения заданий, оговаривались сроки встреч и формы конспирации. Гонорары за «творчество» выплачивались регулярно — в долларах, рублях, динарах, а также дорогостоящими сувенирами.

На очередной встрече Кэйн начал интересоваться конкретными советскими гражданами, находящимися в Алжире по линии КГБ и ГРУ. Затем проявил интерес к сведениям по алжирской армии. После того, как американец приручил Филатова, дальнейшая работа с агентом была перенесена с виллы на конспиративную квартиру, где впервые Кэйн почти в категоричной форме потребовал принести какой-нибудь документ о работе советского посольства. Задание «Алексом» было выполнено, как говорится, качественно и в срок. Он сделал ксерокопию «Политического отчета Посольства СССР в Алжире».

На одной из встреч Филатов закапризничал, — сказало перенапряжение. От двойной работы стали сдавать

Радиоприемники, при помощи которых принимались шпионом односторонние передачи

нервы. Угрозы прекращения сотрудничества с янки чередовались с нитьём оставить его в покое — таков был диапазон его «бунта». Он умолял сократить время и число встреч, мотивируя тем, что частые отлучки не смогут долго оставаться незамеченными для окружающих.

— Вашу машину знает каждая собака в городе! А моё появление рядом с вашим шикарным лимузином в определенном месте в городе чего стоит? Никакой конспирации. Так и до прокола недалеко, — раздраженно кидался колючими словами Филатов.

Кэйн с пониманием отнесся к тревоге агента. Очередная встреча была назначена в городе у фонарного столба, заранее известного по условиям связи, где Эдвард должен был «подхватить» агента и вывезти на новую конспиративную квартиру.

Филатов после работы вышел из посольства и, тщательно проверившись, направился к месту встречи. Ждать долго не пришлось. Через минуту он услышал шум мотора. Оглянулся и... замер от неожиданности. Под фонарным столбом остановился не автомобиль вербовщика, а старенький «жучок» — «Фольксваген». За его рулем сидел бородач. И вдруг через опущенное стекло дверцы донесся

знакомый голос Кэйна. «Загримировался, хорек. Видать, подействовали мои замечания, — испугался потерять меня», — самодовольно отметил про себя Анатолий.

«Алекс» нырнул в машину, одел клетчатую кепку, извлеченную из целлофанового пакета, и откинулся на спинку заднего сиденья.

Вскоре приехали на незнакомую виллу, затененную зеленой стеной декоративного кустарника. Прошли в комнату на втором этаже. Агент принес очередной товар по алжирской армии, а Кэйн — гонорар. На этой встрече он намекнул «Алексу», что скоро его командировка заканчивается и он должен покинуть Алжир.

— Я надеюсь, что наши отношения на этом прекратятся? — спросил Филатов.

— Дорогой Анатолий! Мои отношения с вами перестали быть только нашими. О вас знает Центр, — знает, замечу с лучшей стороны. В швейцарском банке на ваше имя открыт счет. О вас уже осведомлен мой сменщик. Он хочет с вами познакомиться на следующей встрече.

— Никакой встречи не будет. Хватит, наелся... мы же договаривались, — взорвался агент.

— Успокойтесь, прошу, успокойтесь.

— Я говорю вам вполне серьезно.

— Не горячитесь, господин Филатов. Вы слишком много секретной информации передали нам, чтобы по живому рвать наши отношения.

— В Союзе для вас я ничего делать не буду, — в сердцах выпалил офицер.

— Будете, иного выхода у вас нет, — с уверенной наглостью рявкнул Кэйн. — Не в ваших интересах ссориться с нами.

Завербованный не узнавал вербовщика, сделавшегося внезапно одержимым, нахрапистым и грубым. Таким он его никогда не видел и не на шутку перепугался из-за трусливого характера.

— Я бы не хотел, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном, — заметил сконфуженный офицер.

— Прости, Анатолий, погорячился, но ради твоего же благополучия. Я думаю, мы с вами найдем общий язык? — Кэйн тоже от волнения то «выкал», то «тыкал».

Общий язык они в конце концов нашли. Договори-

лись, что на очередную встречу он прибудет с коллегой полковником Майклом Джеферсоном...

Встреча с Майклом состоялась на вилле Кэйна. Филатов успокоился и окончательно принял решение продолжить сотрудничество с американской разведкой, боясь наказания уже не только за моральное разложение.

— Мой коллега полковник Майкл Джеферсон, — отрекомендовал Кэйн.

— Майор Филатов... Анатолий, — словно своему начальнику представился офицер, внимательно наблюдая за действиями и манерой разговора нового патрона.

— Майкл, — встав с кресла, назвал себя полковник. — Будем знакомы, — и первым протянул руку. Обменялись рукопожатиями, и вскоре троица уже мирно беседовала за журнальным столиком с бутылкой виски и чашками кофе...

Через какое-то время Кэйн уехал в Штаты. Он выполнил задачу по вербовке. Основная нагрузка — вышколить агента перед возвращением его в Союз — теперь лежала на новом «воспитателе», который весьма успешно справился с поставленной задачей. «Алекс» дал согласие выполнять задания ЦРУ на территории СССР.

На последней встрече Майкл передал агенту шпионскую экипировку, состоящую из традиционных средств. В частности, в её набор входили: два листа копировальной бумаги для тайнописи, шесть заранее подготовленных так называемых «писем-прикрытий», две инструкции по сбору и условиям передачи интересующих разведку США сведений, специальная авторучка для тайнописи, шифрблокнот, мини-фотоаппарат, закамуфлированный под газовую зажигалку, стереофонические головные телефоны-наушники с укрытыми в них кассетами для мини-фотоаппарата, электрофонарь с оборудованной в его батарейке приставкой для настройки радиоприёмников на заданные частоты.

Агент неплохо получал за проданный товар. В феврале 1976 года «Алексу» было вручено 10000 алжирских динаров, которые он обменял на инвалютные рубли. На последней встрече от Джеферсона он получил 40000 рублей и 24 золотые монеты царской чеканки, достоинством в 5 рублей каждая.

Шпионскую экипировку, деньги и ценности Филатов сумел провезти в обход таможенного контроля. Для этого он использовал фиктивную справку о якобы своей принадлежности к дипперсоналу. Фальшивка была получена от друга, работавшего в консульском отделе посольства.

В начале августа 1976 года в городе Алжире в условленном месте по заданию он поставил сигнальную метку, уведомляющую Майкла о его отъезде в Советский Союз...

Начальник 1-го отдела 3-го управления КГБ полковник И. Ермолаев вызвал руководителей отделений и сообщил информацию о том, что в конце января 1976 года радиоконтрразведывательная служба госбезопасности зафиксировала новый канал односторонних радиопередач одного из американских разведцентров на территории ФРГ. Лепесток устойчивого приёма накрывал районы Тульской, Калужской и Курской областей.

— Итак, товарищи, есть две версии: агент уже начал действовать или он ещё находится за рубежом, — рассуждал начальник отдела, — а сигнал идет для отвода глаз. Противник пытается ввести нас в заблуждение. Вместе с тем не думаю, чтобы он сидел в границах треугольника областей. По всей вероятности, он москвич. Сигнал через приставку к радиоприёмнику «вытянуть» в столице технически возможно. Необходимо принять меры по выявлению офицеров, прибывших и прибывающих в этом году из заграникомандировок. Искать будем в первую очередь среди этой категории военнослужащих. Меня волнует ваш объект, Николай Петрович, — с этими словами он обратился к подполковнику Петриченко, отделение которого вело контрразведывательную работу в ГРУ. — Ещё раз пересмотрите материалы сигналов и дел оперучета.

...Прошел почти год поиска полумифического агента «втемную». Многие оперативники видели шпиона чуть ли не в каждом военнослужащем, проходившем по делам и сигналам. Но то, что случилось в феврале 1977 года, ещё больше накалило обстановку поиска.

Дело в том, что в ходе работы по выявлению возможных шпионских отправок на канале почтовой переписки был отобран подозрительный конверт. Содержание

множсния вынудило специалистов проверить лист на тайнопись. После необходимой обработки на бумаге отчетливо проявился зашифрованный цифровой текст с коротким словом «Конец». Шпионское послание сфотографировали, а тайнопись снова «спрятали» — она исчезла. Письмо без задержки отправили по указанному на концерте адресу, который подсказал «флаг» спецслужбы. Контрразведчикам стало ясно, что они имеют дело с агентом ЦРУ США.

Начался многомесячный марафон розыскных мероприятий, который завершился успехом — исполнитель был вычислен. А до этого контрразведчики перелопатили горы дел, анкет, автобиографий и других материалов. Подозрение пало на майора Филатова Анатолия Николаевича — сотрудника института, который когда-то обслуживал Стороженко.

Майор сразу же был взят в активное оперативное изучение. То, что перед чекистами был шпион, не вызывало сомнений. Но для суда нужны доказательства.

Начальник отделения Петриченко вызвал в кабинет Стороженко.

— Николай Семенович, вы институт ещё не забыли? — неожиданно спросил он.

— Как же забыть «первую любовь»!

— Ну тогда и карты в руки. Я включил вас с майором 11ашкиным в оперативную группу. Будете работать по вероятному шпиону. Одно прошу: об этом никто не должен знать, даже в отделении. Конспирация превыше всего! Ясно?

— Понятно...

Он обрисовал некоторые детали обстановки, поставил конкретные задачи и потребовал ежедневных докладов. Стороженко гордился высоким доверием, оказанным ему руководством отделения.

С этого периода проверка офицера началась по «двупутке»: территориальные органы госбезопасности изучали его по месту жительства, органы военной контрразведки — по месту службы. Обмен информацией проходил ежедневно.

А тем временем события стали развиваться стремительно, с элементами непредсказуемости. Требовался жесткий контроль за действиями изучаемого офицера. Полу-

ченная информация о сооружении агентом тайника на своей квартире в торце дверей санитарного шкафа туалета говорила, что агент прячет улики.

На службе Филатов демонстрировал штабную пунктуальность в работе с секретными документами, даже некоторую «боязнь» несанкционированного доступа к ним. В то же время фиксировалась внутренняя напряженность.

Месяц за месяцем упорной работы позволили создать портрет этого человека: одного на службе, другого дома. На работе он показывал сплошную идеологическую выдержанность. Никогда и нигде не позволял резкостей по адресу политорганов, существующей системы и её вождей. На партсобраниях выступал горячо, убедительно демонстрируя руководству свою «политическую зрелость». Не случайно его заметил начальник политотдела института. Скоро Филатова избрали секретарем партийной организации.

Шаг за шагом оперативники вели документирование преступной деятельности предателя. Агент действовал крайне осторожно: инстинкт самосохранения работал четко! Однако, попав под чекистский «колпак», он уже был не в силах, даже если бы и захотел, освободиться от него. Бездействовать он не хотел и в какой-то мере боялся из-за угроз американцев. А его действия оставляли следы.

Вернувшись из Алжира «Алекс», по заданию ЦРУ успел передать ряд секретных сведений в Ленгли. Но вскоре этому был положен конец. Он был обречен, ибо чекисты контролировали каждый шаг агента. Закономерным финалом предателя Родиной, изменившего словам присяги и долгу разведчика, был его арест. С этих пор контрразведчики стали кормить американцев дезинформацией.

Разбирательство показало, что агент и его сподручные готовились к «большим делам». «Алекс» стал бы суперагентом, если бы ему удалось пробраться в центральный аппарат ГРУ.

По прибытии в СССР Филатов должен был поставить условный знак о готовности приема односторонних радиопередач, однако он побоялся это сделать и сообщил в ЦРУ «письмом-прикрытием». Кстати, односторонняя передача, как учил его Майкл, могла передаваться в течение месяца до 8—10 раз. Согласно инструкции для «Алекса», «Ровно в 21

Камуфляжи шпионской экипировки и часть тайника, изготовленного «Алексом»

час на условной волне женский голос в течение десяти минут с небольшим интервалом будет вести счет до десяти. После этого последует 10 коротких тональных сигналов и вслед за ними начнется шифрованная передача. Перед кодированием текстом будет указан номер — трехзначное число — и количество групп пятизначных чисел. Телеграммы с нечетным номером являются учебными».

Выполняя задание, «Алекс» в декабре 1976 и январе 1977 года с помощью полученного от американцев специального электронного устройства и имеющегося у него транзисторного приемника «Националь-Панасоник» при- [ял две радиограммы с целью проверки возможностей поддержания связи. В ночь с 29 на 30 января 1977 года во время дежурства в институте он с помощью находившейся при нем шифртаблицы и специальной копировальной бумаги подготовил для ЦРУ первое шифрованное тайнописное донесение, в котором уведомил американцев о своем назначении в институт ГРУ, его структуре и задачах. Это «письмо- прикрытие» отправил 8 февраля 1977 года через почтовый ящик у метро «Проспект Мира». В первых числах марта он принял очередную кодированную радиограмму, в которой из-за океана подтвердили получение первого донесения и предписывали направить очередное 1 марта.

Придя однажды поздно со службы, когда семья уже спала, он на кухне подготовил текст второго шпионского сообщения и опять «письмом-прикрытием» 19 марта 1977 года отправил

его через прежний почтовый ящик. В конце марта он принял и расшифровал очередную радиogramму разведцентра С Ш А, в которой сообщалось, что вместо тайника под условным наименованием «Дружба» для связи с ним предусмотрен тайник «Река». Далее разъяснялся порядок пользования тайником и указывалось место его расположения — на Костомаровской набережной в Москве.

В июне Филатов получил новую квартиру и хотел принять очередную радиogramму, но из-за сильных радиопомех попытка оказалась безуспешной. Потому он решил заложить тайник. Готовясь к этой операции, «Алекс» выехал на Костомаровскую набережную осмотреть место будущей акции. Согласно инструкции он 24 июня на стене дома № 15 по улице Вавилова поставил метку. Она говорила о готовности агента произвести на следующий день изъятие содержимого тайника.

Под покровом темноты он пришел к тайнику «Река», но контейнера на месте не обнаружил. На следующий вечер он повторил действие, — и снова безрезультатно... «Что за черт, может, кто подобрал? Или я успел наследить? Скорее надо драпать отсюда, иначе можно вляпаться и привести «хвост», — подумал он и осмотрелся. Лоб покрылся испариной. По телу пробежал противный озноб.

Вечером дома «Алекс» подготовил третье донесение, в котором информировал хозяев о безуспешной попытке обнаружить и изъять тайниковую закладку. В нем же сообщал, что из-за плохой слышимости не может принимать радиogramмы, и предложил использовать запасной канал связи под условным наименованием «Стадион», просил о личной встрече с представителем ЦРУ в Москве. Письмо

Последние шаги «Алекса» на свободе. 14 июля 1977 г. (оперативная фотосъемка)

Почтовые ящики, в которые шпион опускал
«письма-прикрытия»

опустил на следующий день в почтовый ящик у метро «Площадь Революции».

Вот как объяснял Филатов на следствии работу с первой американской радиограммой: «...Согласно инструкции американской разведки, 21 января 1977 года мною был осуществлен прием первой «боевой» кодированной радиограммы. Записав текст радиосообщения, я в тот же вечер начал его расшифровку. Не уложившись в первый вечер, я продолжил эту работу 22 и 23 января. Обычно для того, чтобы жена не смогла меня в чем-то заподозрить, я садился на кухне якобы с целью конспектирования, а на самом деле занимался расшифровкой полученных от американцев кодированных радиограмм».

Несостоявшаяся тайниковая операция «Река» не на шутку напугала Филатова. Несколько дней он ходил замкнутым, в голову лезли всякие мысли, одна страшнее другой. Письмо из штаб-квартиры ЦРУ несколько успокоило его. В нем после проявления тайнописи появился текст:

«Дорогой Алекс! Нам не удалось заложить тайник 25 июня, так как за нашим человеком была слежка... Благодарим за «Лупакова» письмо (утраченное письмо с тайнописью из ЦРУ — *авт.*). Хотя мы и проверяли адрес несколько раз... письмо, вероятно, пропало на почте. К сожалению, иногда случается. Это не должно вас волновать, так как ваши копирки очень надежны и ваша техника при тайнописи отличная.

Просим обязательно ставить марку в 16 копеек и отправлять письма из районов, посещаемых туристами. Мини-аппарат и кассеты, которые мы дали вам, теперь нужно уничтожить... просим уничтожить эти материалы надежным способом, как, например, забросить их в глубокую часть реки, когда вы уверены, что на вас никто не смотрит... просим уничтожить также кристаллы и батарейки ...

Новое расписание: по пятницам в 24.00 на 7320(41 м) и 4990(60м), по воскресеньям в 22.00 на 7320(41 м) и 5224(57м). Чтобы улучшить слышимость наших радиопередач, очень советуем использовать находящиеся в этом пакете 300 рублей на покупку радиоприемника «Рига — 103-2», который мы тщательно проверяли и считаем, что он хороший.

В этот пакет мы также включили маленькую пластмассовую табличку преобразования, при помощи которой вы сможете расшифровать наши радиопередачи и зашифровать вашу тайнопись. Просим осторожно с ней обращаться и хранить. Мы согласны с вашим советом изменить день возобновления связи у стадиона «Динамо» с субботы на пятницу. Это письмо мы написали на бумаге, растворимой в воде.

Уничтожьте её, положив в стакан воды. Ожидаем от вас скорого сообщения.

Сердечный привет.

ДЖ».

Читая эту инструкцию, Стороженко искренне удивился: «Как опекали агента! Как разжевывали ему порядок действий!»

Несмотря на опыт, полученный в Алжире, связь с американцами в Москве породила страх в душе предателя. Ему казалось, что за ним устроена постоянная слежка, поэтому тщательные проверки по выявлению «хвоста» при

поеи того КАК *шы* поставите СИГМА* НА **НССТС** "АСМО*, **ммет ле-
питься** МААОтНОСтЬ связаться с ванн чер|з пис но с ТдКкопмсЬМ,
ЕСЛИ, мапркигр, частоту МаfMX передач N f 1 Ш < М М СИММИ • моск-
ВЕ. ЕСА * **in** ПОДУЧИТЕ письмо подписано* **тонко** инициалом **МММ-**
УНА* он кисни 'АРОМК", то провойте ГГО ПОДОГРСВАНИСК-

ПРОАОДМНИС CtKWfiwx **соисим*** ПОДОГРЕВАНИЕМ

СЕКРСТИНЕ СООБКСН** ПОСНЛАСММС ММ ОТ НАС ВУДУТ ПОВТОРЯТЬСЯ,
один МАИ fcOXtVt РА». ПОДИИ* текст ПОВТОРНОГО СЕКРЕТНОГО СООБВЕИИИ
МОП ЫН НА ВСРХНСА, НА НИВИЕ*. МА ОБРАТНО* СТОРОНАХ ПИСЬМА.
ТАКИМ ОБРАЗОМ у « с iCCfJA БУДЕТ ИС ЯСНЫЕ ПУХ iOЗМО!НОСТСА ПРО-
ЧЕСТЬ СООБЕИИС ПОАИОСТЬО ДАХЕ ССАМ У ВАС БУДУТ КАКИЕ-НИБУДЬ IА -
ТРУДИЕИИМ С одноА ИЗ СТОРОН. СГКРПНОГ СОВВСИМЕ БУДЕТ НАРНСАМО
ЛОПСРСК ОТКРЫТОГО ТЕКСТА « 1 НГМ БУДУТ АОБАООЧИМС ИИСТМКВИИ МАИ.

СЕЙРЕТМОЕ Со0t0tННf проявляется **медленно**. ПОД ДЕЙСТВИЕМ СМАЧ-
НОГО ХАРА. СООБКЕИИС НАЧНЕТ тсикгть СКОРЕЕ чѐм БУМАГА МА КОТОГМ
оно НАПИСАНО, ПОДОГРЕВАНИЕ АОАiНО ПРОДОАХАТЬСЯ ДО **тех not** ПОМА
ОСФ СООСiГМИС **не** СТАНЕТ ЯСНЫМ. **МИiС** ПРЕДЛАГАЕТСЯ СПОСОБ ТАКОГО
ПРОКОВАСИМ*.

1. **нс** ПОДОГРЕВАЙТЕ СООБКСМИЕ НАД ОТКРИГЦИ ОГНЕМ* Т.К. БУМАГА
МОИЕТ ЭЛГОРЕТЬС*. ССАИ БУДЕТЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ГЛЗООС* ПАИТО» КАК ИС-
ТОЧНИКИ КАРА, то КУЧМЕ ПОСТАВИТЕ ЧИСТУК СКОВОРОДКУ (МАМ ДАРООИМ)
НА ОГОНЬ м УВЕ НАД НЕ* ДЕДАТ| ПРОКОАСИИЕ. ЛОВИАИМОИ". САИУМ ДЕГ-
КИМ БУДЕТ ПОДОГРЕОАНИС МВД ЗАЕКТРИЧССКОВ ПАИТО*. КАК ТОЛЬКО ПАКТА
РДСКАДМТСМ, **ю** СООБЩЕНИЕ нуАМО ДСРАЛТЬ НАД нс* АО **тех** ПОР **мои** t у .
НАГА Мi СТАНЕТ КОРИЧНЕВОЙ И Со0itЕММС ПРОЯВИТСЯ.

1. **ПРОСТО*** м ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ УТВГИ ТАКВЕ МОГУТ ВИТЬ МСПОНЗОВА.
НЫ ДАВ ЭТО* ЦЕДИ. В ЭТИХ СДУЧАКХ СООБЩЕНИЕ НУДНО ПРИВАТЬ ОЧЕНЬ
ГОРЯЧИМ УТАГО«, ОЧЕНЬ ИЕДАЕНИО ГААА* мМ ПО СООБМСНИМ ПОКА ОНО Мf
ПРОЯВИТСЯ.

ЛОСДЕ ЛРОЧiСН*» и нсовходимых ЭАИСТОК, УНИЧТОХЬТЕ СООВМЕИИЕ
полнот.

КОГДА УСДМММТС ОТ НАС, МАМ ПО РАДИО ИДИ ЧЕРЕЗ ПИСЬМО С ТАЙНО-
ПИСИ, ЛРИДЕРХИВД*!ССЬ ТОЧНО ИЗДОКСННМХ МНСТРУКЦИА. они СОЗДАНЫ
ИНДИВИДУАЛЬНО ДДЯ ВАС И ОСНОВАНЫ НА ВСЕХ Со0*РАiЕИИЯХ БЕЗОПАСНО-
СТМ.

ГСДИ ВАМ ПРИАДЕТСА ПОЕХАТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ СОЧСiРАИ, НЕМЕДЛЕННО ПО-
ЗВОНИТЕ НА САЕДУМВИ* НОМЕР (НАХОДИТС* * ОИААДЕДАНИ, ПЕНСИЛЬВАНИИ,
С(А) ИЗ ТЕДСАОННОА ДУДКИ ИДИ ИЗ КРУПНОГО ПОЧТАМТА!

ш · ш · 0tt * . повт., **ГИ-Т-О?***

НА ЭТОТ НОМЕР МОХНО З*ОМИГЬ В АМБО* ДЕНЬ| КРУГДМЕ СУТКИ. К ПЕ-
РЕДАН СООИСННС. ЛУЧШЕ ЗАПЛАТИТЬ САМОИУ ЗА ОМЭОО, но ПРИ НАДОБ-
НОСТИ ЭДПДАiи1 ОМВАИИНЫЙ НОМЕР. ОТВЕТИТ МУiЧИНА МДМ IfNVMНА И
СКАИЕТ "HELLO*, **ПО** АНГДИЙСКМ.

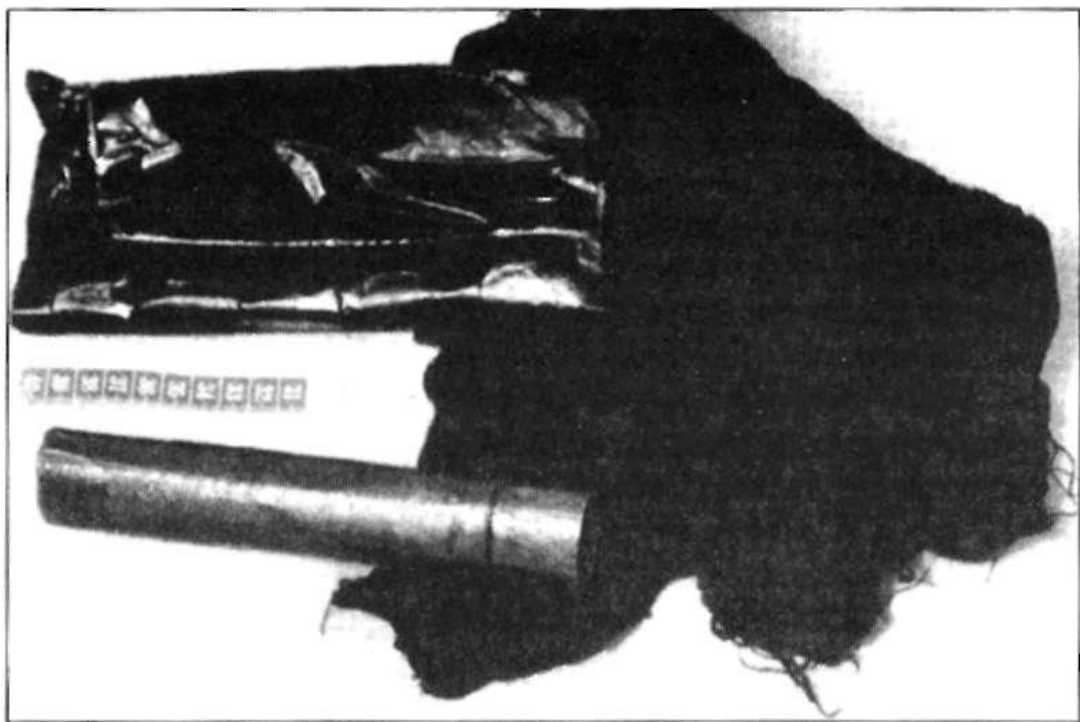
А. ЕСДИ **вы** БУДЕТЕ ГОВОРИТЬ ПО АНГАИАСКИ, ТО ПОПРОСИТЕ
·FRANK"j повт., *FRANK* - скажите что оМ "MICHEL*. ПО*К. *MICHEL*

.. МАМ СКАiУТ что "FRANK* нп и СПРОСИТ что ПЕРГДАТ*. ПСРЕ-
ДАЙТЕ СООБВЕИИЕ ПО АНГЛИЙСКИ, ГОВОРИТЕ МЕДЛЕННО И ЧДЕМОРАЗДЕ*ЬИВ>
ПООТОРИТГ СООБМГНИ ТРИ РАЗА. ПОДНОСИ*, iКДМЧАК ИМЕНА* **НАЗОВИТЕ**
ГОРОД ГДЕ НАХОДИТЕСЬ М КАК ДОЛГО ТАМ ПРОБУДСГГ. НАЗОВИТЕ ТОКЕ ТО

Часть инструкции из контейнера «Алексу»

челночных перемещениях квартира-служба, служба-квар-
тира стали привычными. Шпионскую экипировку в квар-
тире он постоянно перепроверял, а нередко и перепрятывал.
Становилось чуть спокойнее.

Разработка «Алекса» оперативниками приближалась к
логическому завершению. И словно предчувствуя конец,
шпион упивался жизнью: тратил большие деньги на встре-
чи с женщинами, памятью слова Зоценко: «У кого нет де-

Обрезок изоляции кабеля со шпионским снаряжением,
замаскированный в промасленную тряпку

нег, те не ходят с дамами». Он расходовал «зачачку» в 40000 рублей, о которой жена не догадывалась. Ей не перепало ни рубля!..

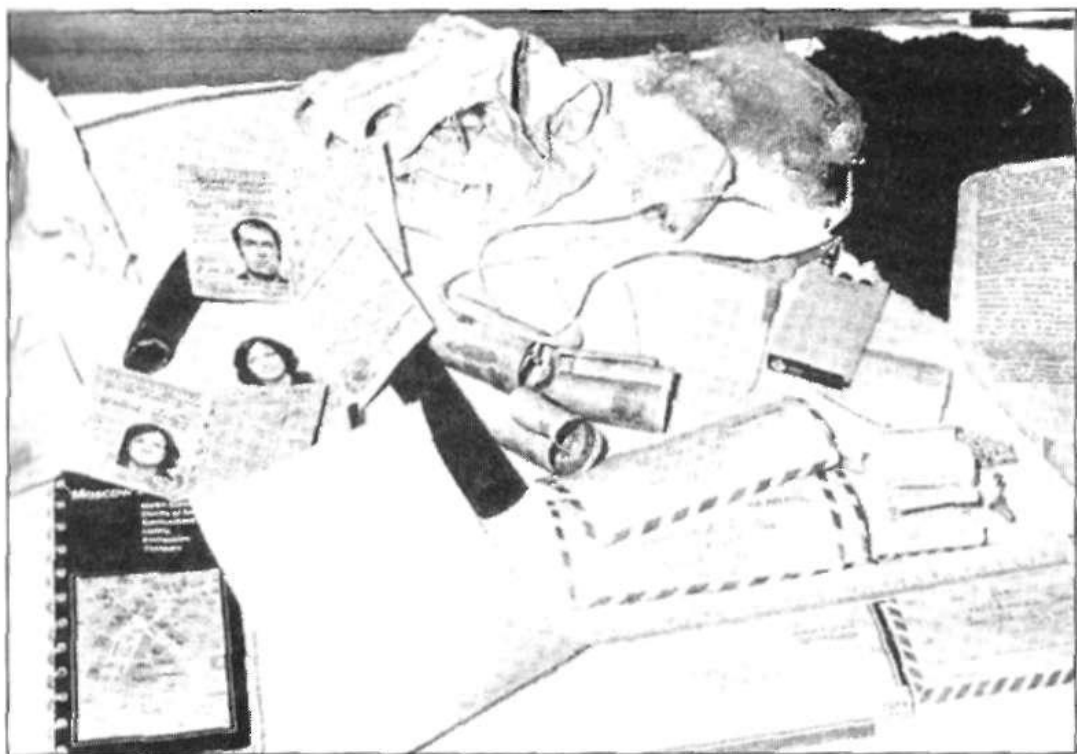
Последняя радиограмма от 22 июля 1977 года, принятая агентом в 21.00 и состоящая из ПО групп с позывным 258, была «боевой». Именно она помогла чекистам подготовиться к захвату с поличным американских разведчиков супругов Крокетт...

Резидент посольской резидентуры ЦРУ в Москве сидел в кресле. Его мысли были заняты предстоящей операцией по связи, в которой участвовал один из лучших офицеров его аппарата и готовящийся стать особо ценным источником агент «Алекс». Если бы знал резидент, что их агент уже в Лефортово, а чекисты дурачат его!..

Раздумья прервал стук в дверь.

— Войдите, — как-то вяло произнес он.

Вошел тот, кому предстояло идти на операцию. Крокетт ещё раз выслушал подробный инструктаж шефа и пожелания успехов.

Содержание контейнера для «Алекса» и личные документы американских разведчиков

— Ну, с Богом, Винсент! Операция подготовлена качественно, провала не будет, потому что готовили её настоящие профессионалы. Результаты доложите лично. Я буду вас ждать в кабинете.

Ровно в 19.00 2 сентября 1977 года гражданский помощник по вопросам обороны (именно так называлась должность прикрытия разведчика) Винсент Крокетт одел под майку специальный биндаже радиоаппаратурой. Она позволяла перехватывать разговоры советских контрразведчиков в районе проведения операции. Ещё раз проверил контейнер, присланный из-за океана и предназначенный для «Алекса». Он представлял собой пустотелый обрезок кабеля с вложением; 300 рублей, пять пустых почтовых конвертов с подставными адресами на иностранном языке, несколько шифрблокнотов, ручка для тайнописи и очередная инструкция. Контейнер находился в промасленной тряпке, чтобы не привлечь внимание случайных прохожих. «Валяться» контейнер в таком виде должен был не более 15 минут.

В 20.00 Крокетт, после получения подтверждающего звонка «Алекса», вместе с женой Бекки выехали на опера-

цию. Вскоре они оказались в районе Салтыковки за отдельным столиком в уютном ресторане «Русь», давно облюбованном иностранцами. Ужинали весьма скромно — бутылка сухого вина и холодные закуски. Супруги мило беседовали, поглядывая на входные двери и следя за вошедшими, — искали «хвост». Бекки прижимала к животу дамскую сумочку, в которой в целлофановом пакете лежал контейнер. Через два часа они покинули ресторан.

Машина тронулась с места. Винсент посмотрел по сторонам. Проехали одну улицу, другую, и вот повернули на Костомаровскую набережную. Улица была пустынной: ни пешеходов, ни автомобилей, ни бродячих собак. Когда машина проезжала мимо осветительного столба, Бекки по указанию мужа выбросила из окна по направлению к забору контейнер. Испачкала ладони, юбку, сиденье. То ли руки дрожали, то ли слишком постарались промаслить тряпку специалисты.

Машина рванула, взвизгнув протекторами, и понеслась по Костомаровской набережной до развилки, ведущей к улице Чкалова.

— Всё!!! Дело сделано, Бекки!

— Жми в посольство, тебе ведь надо доложить, а мне отмыться. Я вся перепачкана.

— Скоро будем дома...

Не успел он договорить, как дорогу перегородили сотрудники ГАИ, неизвестно откуда взявшиеся. Сразу же подъехало несколько машин с включенными фарами.

— Конец, мы вляпались, — только и сумел проговорить Винсент супруге. Оставалось «забаррикадироваться» в машине и требовать вызова представителей посольства. Однако последовала не очень приятная процедура, какая случается со шпионами, пойманными с поличным. Бекки пришлось даже кусаться...

В приемной КГБ, куда поздно ночью доставили провалившихся в «хорошо подготовленной операции» разведчиков, супругам Крокетт трудно было отрицать непричастность к фактам и вещественным доказательствам. Сотрудники приёмной помогли Бекки помыть руки и почистить одежду. Консул посольства США также не мог опровергнуть улики, послужившие основанием для задержания граждан его страны.

Супруги Крокетт в приемной КГБ СССР после задержания

— Мне всё ясно, — ответил дипломат. — Однако надоело встречаться с вами по ночам.

Эти слова были адресованы сотрудникам контрразведки, принимавшим участие в операции по задержанию американских разведчиков. После подписания протокола об инциденте консул увез провалившихся дипломатов-разведчиков в посольство. Винсенту предстояло отчитываться перед резидентом и собирать вещи уже в качестве персоны нон грата.

В 1976 году Филатова ждал уголовный процесс. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу, замененному 15-ю годами заключения...

Отбыв срок, он обратился в посольство США в Москве с просьбой компенсировать ему материальный ущерб и перевести на его счет в один из московских банков хотя бы часть суммы, которая якобы лежала в Швейцарии. Американцы долго уклонялись от ответа, потом заявили: право на компенсацию имеют только граждане США. Как говорится, — от ворот поворот. Выжатый лимон выбрасывается!

«ВИКТОР СУВОРОВ» И НАУКА ПРЕДАВАТЬ

*Лучший способ сохранить своих друзей —
не предавать их.*

У. Мизнер

Пожалуй, самым известным «оборотнем» в нашей стране и за рубежом стал бежавший в период «холодной войны» в Англию капитан В. Резун.

По милости некоторых отечественных издателей печать и телевидение его «раскрутили» до неприличия в годы ельцинского правления. Сомнительную популярность предателю принесла писанина, которую также охотно выпустили в свет и западные издательства.

Стороженко давно вынашивал мысль сказать своё профессиональное слово об этом офицере ГРУ, ставшим плодовитым сочинителем под псевдонимом «Виктор Суворов». Хотелось показать читателю ту, тщательно скрываемую, сторону жизни предателя в разведке, которую знал не понаслышке. Это в его подразделении сотрудники осуществляли весь комплекс агентурно-оперативных мероприятий по выяснению подробностей бегства офицера в стан противника. Истоки появления «профессионального разведчика» в ГРУ, его образование, пристрастия и хобби, особенно характера позволили проследить причину падения.

Резун Владимир Богданович родился в 1947 году в поселке Барабаш Хасанского района Приморского края. Его отец в звании майора ушел в отставку и переехал с семьей на Украину, в Черкассы. Он хотел, чтобы сыновья Александр и Владимир пошли по его стопам. Так и случилось, только старший, Александр, «понюхал» службу, а за младшенького, Володю, отец все время хлопотал и устраивал его судьбу. Лучше бы он этого не делал!

В 1958 году он его определил в Воронежское суворовское училище, а когда его расформировали, перевел в Калининское. После его окончания в 1965 году Владимир посту-

Выпускник Калининского суворовского училища
Владимир Резун. 1965 г.

пил в Киевское высшее военное общевойсковое училище. Завершил учебу в 1968 году.

Как же характеризовался он за это время?

Вот как описывает эпизод подгонки первой формы суворовцу Резуну Александр Кадетов в своей книге о бывшем коллеге. «Каптенармус Алферов жаловался:

— Никак не могу подобрать для тебя сапоги. У меня нет таких маленьких сапог, да и попа у тебя, как у нашей уборщицы, в брюки не лезет... ты, хлопец, наверное, весь в «сук» пошел».

И там же говорится о его внешности: «Небольшого роста, пухлый, рыхлый, он стал предметом насмешек и издевательств со стороны некоторых ребят... Владимир отставал в физическом развитии, поэтому чувствовал себя слабым и униженным. Многих его однокашников удивляло, что при виде крови или во время прививок и профилактических уколов Резун мог запросто упасть в обморок, словно кисейная барышня. Комплекс неполноценности довлел над ним. Он страдал от своих физических недостатков».

А вот фрагмент из характеристики на выпускника Калининского суворовского военного училища: «Воспитанник Резун В.Б. ...за время обучения показал себя дисциплинированным, любящим военное дело воспитанником со средними умственными и физическими способностями. По характеру застенчив, болезненно воспринимает критику в свой адрес, с товарищами и старшими робок, раздражителен и иногда несдержан».

Поступив в военное училище, он, на фоне других рослых парней, и здесь продолжал страдать из-за своего малого роста и женоподобной фигуры. Для того, чтобы казаться

выше, подбивал каблуки сапог и ботинок. Еще было замечено, что Владимир всегда старался услужить сильному.

После окончания училища, не без помощи друзей отца — кадровиков, лейтенант Резун направляется на стажировку не в линейную часть, а в штабы: сначала Прикарпатского, а затем Приволжского военных округов. В характеристике, подписанной командирами роты — майором А. Крайневым — и батальона — подполковником Л. Рубцовым, — отмечался старый негатив — «невыдержанность, самолюбие, обидчивость».

При первом поступлении Резуна в Военно-дипломатическую академию психологи отмечали: «У абитуриента очень низкий порог лабильности, то есть устойчивости к стрессовым факторам. Человек с таким низким пороговым уровнем очень медленно выходит из стрессового состояния и утрачивает, находясь в таком состоянии, способность адекватно и разумно противостоять целенаправленному воздействию на психику».

В связи с этим мандатная комиссия порекомендовала зачислить его только условно с предварительным прохождением годичной практики в войсках. Отец всеми силами продавливал в академию своё чадо, не послужившее хотя бы немного лет в линейных частях.

Через год, в августе 1971 года, старший лейтенант Резун с женой Татьяной прибывает в Москву. На сей раз он становится слушателем Военно-дипломатической академии Советской Армии.

По окончании первого курса в его характеристике появляютсястораживающие моменты: «Недостаточно развиты волевые качества, небольшой жизненный опыт и опыт работы с людьми. Обратит внимание на выработку необходимых офицеру разведки качеств, в том числе силы воли, настойчивости, готовности пойти на разумный риск».

На втором курсе преподаватели практических занятий отмечали такое качество, как «нерешительность, граничащая с трусостью». Был случай, когда он на экзамене, посчитав, что ему необъективно занизили оценку, из-за чрезмерного волнения потерял сознание и упал в обморок.

Сотрудники наружного наблюдения 7-го управления КГБ, обучавшие слушателей академии искусству слежки за

собой, в отзыве на Резуна отмечали: «Объект на маршруте вел себя беспокойно, часто совершенно нелегитимно оглядывался, применял шаблонные приемы проверки для обнаружения за собой слежки, дважды завязывал шнурок на ботинке с целью обнаружить слежку, проверял грубо и непрофессионально».

И все же академию он окончил и вскоре, осенью 1974 года, выехал в первую и последнюю заграничную командировку — в Швейцарию на должность сотрудника советского постоянного представителя в ООН в Женеве. Там он тоже зарекомендовал себя крайне осторожным, неконтактным человеком, робко осваивающим «крышевую» должность. Сторонился иностранцев, не сходил близко с коллегами, вел довольно замкнутый образ жизни, считал себя специалистом-аналитиком по открытым источникам информации. Таких «спецов» профессионалы-агентуристы называли «портными с ножницами». Они «кроили» местные журналы и газеты, выбирая из них нужную информацию, которая иногда оценивалась нормально в Центре — в 9-ом управлении Информации ГРУ. На большее они не годились. Но для разведчика, особенно за рубежом, нужен результат первой категории, каким во все времена была вербовка иностранца в качестве поставщика нужной информации — агента.

Резун понимал, что скоро командировка закончится, а он окажется с нулевым результатом — «баранкой», что сулило туманные перспективы в службе.

Не случайно резидент ГРУ в Швейцарии — непосредственный начальник Резуна, один из опытнейших разведчиков, генерал-майор Готов дает подчиненному после первого года работы такую характеристику: «Весьма медленно усваивает методы разведывательной работы. Работает разбросанно и нецелеустремленно. Жизненный опыт и кругозор малы. Потребуется значительное время для преодоления этих недостатков».

Для того, чтобы поднатаскать Резуна в «деле», Готов поручил своему заместителю использовать его в проверочных мероприятиях по закладке подобранного тайника. Нужно было заложить учебный контейнер. Резун об этом не знал, так как ему ставилась «боевая» задача. Они подъехали

к месту расположения тайника. Вот как описывает этот эпизод Александр Кадетов — коллега Резуна в своей книге «Как Виктор Суворов предавал «Аквариум». Заместитель резидента «... повернулся к Резуну и увидел, что его напарник сидел бледный как полотно и не мог говорить. Он ничего не слышал, его охватил смертельный страх, нижняя губа у него отвисла и тряслась. На него было противно смотреть.

— Что ты испугался, бери контейнер, иди ищи тайник и закладывай, — властным голосом руководитель попытался вывести Резуна из оцепенения. Однако он продолжал сидеть не двигаясь, молчал. Казалось, он ничего не слышал и совершенно отключился. Карта в его руках тряслась. Заместитель резидента выругался в сердцах, вышел из машины и скрылся в кустах. Отыскал нужный пень, заложил контейнер и вернулся к машине...

— Эх ты... Твоя фамилия не Резун, а Дристуна...»

Следует заметить, что Резун охотно занимался хозяйственными делами. Практически он исполнял должность денщика при семьях руководителей. Яркое проявилось, когда на смену Глотову прибыл генерал Александров — бывший сотрудник ЦК КПСС. Особенно Резун угождал генеральше, катая её по магазинам, ателье, барахолкам.

В Женеве семья Резуна жила отдельно от семей советских граждан, в доме, где обитали иностранцы. Проживание по соседству с американской миссией создавало благоприятные условия для внедрения в квартиру советского гражданина техники слухового контроля. На первом этаже дома находилось также бюро фирмы США по продаже пишущих машинок. Эта фирма на самом деле являлась прикрытием американской разведки, силы которой в Женеве были в тот период велики.

До июня 1977 года на одной лестничной площадке с квартирой Резуна проживала молодая, незамужняя англичанка, работавшая в международной организации здравоохранения, а после ее переезда в другой дом в квартире этажом ниже, под квартирой будущего «великого писателя с мировым именем», поселилась одинокая американка. Причем автомашина Резуна «Тойота-краун» стояла рядом с лимузином иностранки в одном двухместном боксе, распо-

поженном в подвальном помещении дома. Обе эти женщины подозревались в принадлежности к иностранным спецслужбам.

Как уже отмечалось, за почти двухлетнее пребывание за рубежом Резун не установил практически ни одного полезного знакомства, нужного для выполнения служебных задач. Он боялся общения с иностранцами и даже сторонился их, пугаясь своей психологической слабости. Однако в апреле 1977 года он неожиданно «по собственной инициации» (к тому времени уже вовсю шла разработка советского офицера резидентурой британской разведки в Женеве) познакомился с редактором английского журнала «Международное военное обозрение» Рональдом Фурлонгом, который к тому же нежно «любил сильный пол». Его гомосексуальные наклонности были известны руководству Редакторство — это была его «крыша». На самом деле он являлся кадровым сотрудником разведки Великобритании.

Резун искал материалы для «ножниц», а поэтому решил зайти в редакцию журнала, где и познакомился с Рональдом. Вот как описывает первое впечатление Фурлонга от встречи с Резуном Александр Кадетов: «Память вытаскила на поверхность тот эпизод, когда он впервые встретился и познакомился с Владимиром Резуном... Советский дипломат посетил его редакцию. В глаза бросились округлости его женоподобной фигуры, короткие ноги, толстые ляжки, большая круглая голова, пухлые женские губы, румяные, как у девушки, щеки. Как опытный педераст, Фурлонг сразу безошибочно определил, что перед ним стоит его возможный сексуальный партнер. Все признаки налицо, он не мог ошибиться: русский уже неоднократно бывал предметом мужского вожделения. Надо было не упустить шанс, чтобы эта встреча не оказалась последней. У его бывшего любовника, архивариуса французского посольства Франсуа Лагранжа, закончилась командировка... Посетитель, похоже, сам шел на контакт, подробно интересовался тематикой журнала, стоимостью подписки, с большим вниманием просматривал издания, задавал вопросы, не торопился уходить. Возможно, — Фурлонг это не исключал впоследствии при анализе, — что русский дипломат и сам почувствовал родство душ, точнее тел».

Знакомство быстро развивалось. Скоро выяснилось, что оба занимаются нумизматикой, поэтому стали обмениваться монетами. Рональд иногда приглашал Владимира на ланч в ресторан. Оплачивал англичанин, — русский не возражал.

В ходе изучения Резуна Фурлонг безошибочно определил, что Владимир только «крышует» должность международного чиновника в постоянном представительстве СССР при ООН в Женеве, а на самом деле является сотрудником ГРУ. К этому выводу он пришел сразу, так как русский проявлял интерес к военной тематике. И он его стал подкармливать военной периодикой, за что советский дипломат вручал соответствующие подарки. Так в резидентуре ГРУ появилась копия открытой инструкции по эксплуатации немецкого танка «Леопард-2».

Фурлонг по совету своего начальника — резидента английской разведки в Берне О'Брайна — подарил Резуну, получившему теперь по разработке псевдоним «Наполеон», книгу Вильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха». Резун, естественно, не знал, хотя мог предвидеть, что он уже разрабатывается англичанами, и продолжал с упорством доказывать своему новому начальнику, генералу Александрову, что Фурлонг может быть в перспективе кандидатом на вербовку.

Однажды Фурлонг по договоренности со своим шефом довел до Резуна информацию о том, что родной брат англичанина, командир атомной подводной лодки, служит на базе военно-морских сил в Гибралтаре. Резун заволновался и стал чуть ли не в лоб спрашивать собеседника о базе и кораблях на ней.

Контакты между русским и англичанином расширялись и «углублялись». Резун стал ходить на квартиру к Фурлонгу. И тут швейцарская контрразведка отличилась. По данным одного из её руководителей, Фрица Шварцбергера, его оперативно-техническая служба задокументировала на видеокамеру сексуальные отношения между Фурлонгом и Резуном. Этот факт коренным образом повлиял на первоначальный план приобщения Резуна к работе на английскую разведку. Сейчас план упрощался.

Несмотря на это, изучение и игра с ним продолжались. Фурлонг докладывал начальству, скрывая, естественно,

свое влечение к русскому, что Резун не прочь приударить за женщинами. Так, посещая его редакцию, он часто рассказывает сальные анекдоты и... «положил глаз» на секретаршу Марту — высокую и широкотазую немку. Он дарит ей сувениры, отпускает комплименты. Резидент предложил подчиненному вариант:

— Так создайте комбинацию, чтобы Владимир затащил вашу Марту в постель. Немки сговорчивы. Вот вам и основа для компрометации.

— Проблема в том, что сама Марта игнорирует ухаже-ра, он же для неё гномик, — нашелся Фурлонг, не желающий делать из своего партнера бисексуала.

— Найдите другой объект, — настаивал О'Брайн.

— Есть варианты, — неохотно ответил Рональд.

— А вообще делайте всё, чтобы «Наполеон» вас разрабатывал в качестве своего потенциального источника информации. Материалами мы вас снабдим. Пусть он считает, что вы податлив, как пластилин. Требуйте от него за бумаги денег, желательно под расписку. За материалы, которые он принесет, старайтесь отблагодарить подарками и деньгами. Не жадничайте. Это, я вам скажу, крюк прочный. Таких крючков надо иметь несколько, — продолжал руководитель Службы безопасности Великобритании (СИС) в Берне. — Надо ими его обставить.

Когда жена Резуна с дочерью уехали в Москву, оперативным офицером английской резидентуры Гордоном Барросом была дана «отмашка» соседке россиянина по дому на улице Рю де Лозанн — англичанке, квартира которой была оборудована звукозаписывающей техникой и видеоаппаратурой. Кстати, они были знакомы, часто их видели в кафе. Она пригласила Резуна к себе посмотреть фильм. Перед просмотром выпили виски, уселись на диван, а после окончания «ужастика» перебрались в постель...

Для согласования действий по вербовке Резуна О'Брайн вылетел в Лондон к шефу — генеральному директору СИС Иорису Олдфрилду. Тир доложил план вербовочной операции, отметив, что создан достаточно прочный фон компрометации «Наполеона».

— А что он вообще за человек? — спросил шеф. — По-подробней не могли бы рассказать о нем?

— Трусоват, патологически жаден, неопытен. Увлекается нумизматикой и играми в казино. Собирает оловянных солдатиков. Неравнодушен к женщинам и сильным мужчинам, о чем я вам уже докладывал, — настоящий бисексуал. В особой коммуникабельности не замечен. Злопамятен. Отмечены в характере также элементы лакейства. Судя по молодости, на такую ответственную должность мог приехать только блатник. Кто-то его протолкнул в Женеву. Французский язык знает слабо, а вот к военной тематике тянется. Явно сотрудник советской военной разведки.

Шеф ещё раз пробежал глазами по справке с планом вербовки россиянина и, подняв очки на лоб, с выдохом заметил:

— Должно всё получиться. Да поможет вам Бог! Проводите вербовку — он созрел, и вы тоже, судя по интересным материалам. А судьбу Фурлонга решим после — отправим на пенсию. «Наполеон» нам нужен в Москве, в центральном аппарате ГРУ.

— У него скоро заканчивается командировка, сэръ, — уточнил Тир.

— Ну и хорошо.

Возвратился в Берн О'Брайн на следующий день и сразу созвал совещание, пригласив в кабинет своего заместителя Дерфила Сервила и оперативного сотрудника разведки Гордона Барроса.

— Господа, шеф санкционировал вербовку «Наполеона». Участвуем в операции только мы. Фурлонг привезет кандидата в Цюрих в редакцию журнала «Армада» якобы за очередной порцией материалов по вопросам вооружения стран НАТО. Согласие на поездку от Резуна уже получено. Фурлонг во время беседы отлучится под благовидным предлогом...

Теплым апрельским днем 1978 года «партнеры» Резун и Фурлонг выехали в Цюрих. Там всё происходило по сценарию англичан. В отдельной комнате редакции журнала «Армада» Резун получил от «хороших друзей» нужные материалы. Рональду предложили «погулять». Покинул компанию и Сервил.

О'Брайн представился Резуну, как доктор Фишер. На его визитке значилось: «Доктор наук. Институт геополитики. Цюрих».

Жена Резуна Татьяна
с дочерью и сыном

— Вы собрались уезжать? — спросил он Резуна.

— Да! Спасибо за материалы. Я тороплюсь.

— А не могли бы вы задержаться и посмотреть очень интересные видеозаписи, — с этими словами Фишер взял пульт и нажал на кнопку. На экране монитора появилось голое тело англичанки и соитие с нею героя беседы...

Резун закрыл лицо руками и проскулил:

— Ради Бога, выключите.

Вербовка состоялась...

Резун дал согласие сотрудничать с английской разведкой. Этот шаг дался не просто, он нервничал и переживал, а дома чуть ли не упал в обморок.

Резун продолжал встречаться с Фурлоигом, получая от него материалы по военно-политическим вопросам, которые высоко, на первый взгляд, оценивались местным начальством — руководством резидентуры. Но со временем из Москвы стали поступать данные, что материалы от англичанина не глубокие, поверхностные, а иногда и просто дезинформационные. Резиденту было высказано сомнение в добропорядочности англичанина и предложено тщательно проверить источник информации.

6 июня 1978 года эти указания генерал Александров разъяснил Резуну, что не могло не вызвать у него сильного беспокойства. Кроме того, начальник не поощрял труда «с ножницами», а требовал активизации работы с людьми.

— В отношении Фурлонга надо выяснить, наконец, кто же он? — потребовал генерал. — Да, чуть было не забыл, наши коллеги из КГБ получили данные о проявлении повышенного интереса к вам со стороны американцев. Будьте осторожны, вы ещё неопытны в разведке. Бдительность — прежде всего!

И наконец, 9 июня 1978 года, во время инструктажа Резуна по предстоящей встрече с Фурлонгом, в кабинет Александрову позвонил резидент КГБ. В телефонном разговоре шла речь о совместных мероприятиях по откомандированию в Советский Союз какого-то дипломата. Потом инструктаж был прерван вызовом генерала к послу.

Капитан долго ожидал возвращения начальника, но когда тот пришел, то, как показалось Резуну, быстро завершил беседу, что ещё больше насторожило его. Рабочий день не клеился, в голове всё шло кувырком. Холодный пот то и дело выступал на лбу и висках. В голове засела, как заноза, мысль — разговор идет явно о нём. Предположил, что его раскололи «ближние соседи» (т.е. сотрудники КГБ).

Резун так испугался, что его шатало, подташнивало, а привычную розовость лица сменила бледность, переходящая в мертвенную серость. Еле дождался конца рабочего дня и заспешил домой.

— Что с тобой, Володя? — вскрикнула Татьяна. — На тебе лица нет, на себя не похож. Что случилось?

— А, ну их к черту. Вызывал Александров, зло упрекнул меня за то, что я якобы общаюсь без дела с иностранцами. Отматерил, а потом выгнал из кабинета. Чувствуется, накапали гэбисты. Кстати, я слышал разговор, — наверное, офицера безопасности с шефом. Говорили о срочной отправке завтра неизвестного сотрудника в Союз. Речь идет наверняка обо мне. Я всё проанализировал, — кандидат на «вылет» из Женевы только я. А в Центре разбираться не будут, отправят в Сибирь или на Дальний Восток в армию.

— Кем? — спросила перепуганная жена.

— Ротным, а может, выгонят совсем.

— Как же так? Сходи к Александрову. Сколько ты помогал его жене. Объясни ему, что это сплетни.

— Поздно...

Он кричал, ругался, катался по дивану.

Вечером того же дня швейцарский агент английской разведки Шварцбергер вызвал срочно на связь своего хозяина О'Брайна. Встретились в небольшом ресторанчике. Местный контрразведчик поведал негласному шефу, что его техническая служба записала взрывной разговор в се-

мье подконтрольного. Начальники советского дипломата собираются откомандировать его срочно, завтра же в Москву.

— Не может быть! — вырвалось у Тира. Он понимал, что это и конец его карьеры. Было двенадцать часов ночи... Резидент бросился к машине. Через десять минут влетел в кабинет и вызвал Гордона. Рассказал ему ситуацию.

— Что будем делать?

— Есть сильный вариант — склонить Резуна с женой к невозвращению в Россию и сделать его политическим перебежчиком, — ухмыльнулся Гордон, явно довольный своим экспромтом.

— А если он не захочет?

— Помочь ему.

— Как?

— Соостряпаем якобы перехваченную и расшифрованную нами телеграмму советскому послу. Покажем её «Наполеону» — и весь сказ.

На том и порешили. Ночью они приехали на квартиру к перепуганному и изможденному Резуну и объяснили ситуацию. Показали телеграмму, в которой требовалось срочно откомандировать Резуна в Москву. Владимир не колеблясь принял план побега. Татьяна заупрямилась и стала возражать. Заплакала. Тогда он ей зачитал телеграмму.

— За что? Ты же не виноват... как такое могло случиться? А может, ты всё же что-то натворил?

— Клянусь!

Татьяна разрыдалась. Ей подали содовой воды с таблеткой неизвестного успокоительного препарата. Через несколько минут она впала в полусонное состояние и стала совершенно безразлична к происходящему.

— Быстрее, Володя, а то могут прийти за тобой, — припугнул россиянина Тир. — Вещей никаких не берите. Скорее в машину.

В полночь две автомашины отъехали от дома в неизвестном направлении...

Следует заметить, Резун был уверен, что англичане его примут, выдадут вид на жительство, а со временем он с семьей станет и подданным Великобритании, получит гражданство. В квартире остались водительские удостоверения,

дипломатические паспорта, одежда и другие предметы, свидетельствующие о торопливых сборах беглецов, а также коллекция любимых оловянных солдатиков.

После побега советского офицера несколько дней молчала западная пресса. Английские власти тоже не торопились обнародовать этот факт. Потом, спустя месяц, появилось сообщение о перебежчике Резуне, попросившем политическое убежище в Великобритании.

И началось... Сначала его робкие интервью, выступления со статьками в периодике. Потом тонюсенькие книжонки с потоками лжи о личном составе ГРУ, спецназа, КГБ, и вот уже всплывает 350-страничная, набранная крупным шрифтом «для солидности», книга «Ледокол», где много такого, с чем можно поспорить, не согласиться, отвергнуть с негодованием из-за клеветничества и пасквильства.

Именно спецслужбы навязали «круглолицему мальчику», «абсолютному пулю в разведке», трусоватому по натуре человечешке и сексуальному извращенцу, как писала одна из западных газет, в качестве псевдонима святое для россиян имя — Суворов.

Кстати, Резун ездил к Чертову мосту, который преодолевал настоящий полководец Суворов, а не «закавыченный стратег». Этот визит, по-видимому, тоже повлиял на выбор псевдонима.

Через некоторое время загадочный советский военный разведчик был представлен читателям одной из английских газет как «крупный знаток войск спецназа и всей системы ГРУ Генерального штаба ВС СССР». Постепенно он рос, а вернее, его «росли», — и вот он уже стратег, рассуждающий о тонкостях войны, на которой не был, и задним числом вносит коррективы в приказы полководцев.

«Стратегические исследования» Резуна, — подумал Стороженко, — фактически же не его мысли. Создается такое впечатление, что всё это уже где-то встречал, читал, — в книгах и статьях, вышедших на Западе. А книга «Ледокол» была нужна нашим противникам, — замаячили горизонты окончания «холодной войны» из-за активной работы пятой колонны внутри страны. Специалисты идеологических операций сделали ставку на «труды историка» Резуна.

Швейцарские Альпы,
где полководец Суворов
преодолевал Чёртов мост
(современный вид)

Почти вся «суворовская» стряпня писана под диктовку разных авторов. Не надо быть даже опытным лингвистом или профессиональным стилистом, достаточно внимательно читать, чтобы сделать утверждение: у книг «Аквариум» и «Ледокол», «Тень победы» и «Последняя республика», «День «М» и других — разные родители, пытающиеся создать оригинального мыслителя из маленького, случайного человека в разведке».

Как бы его не превозносили зарубежные «специалисты» по ГРУ, — как разведчика чуть ли не от Бога, — но самая объективная оценка самого себя у человека появляется в экстремальной ситуации. Так давайте поверим автору «Аквариума» В. Резуну: «Я знаю, что если меня в Аквариум (ГРУ — *авт.*) примут, то это будет большая ошибка советской разведки».

Эмоционально, но точно оценил в стихотворной форме поступок предателя его бывший коллега по Швейцарии. Вот фрагмент этого стиха, ходившего по ГРУ.

Когда «Аквариум» творил
И лгал без совести и чести,
Ты душу ложью отравил
И предал тех, с кем клялся вместе.
А сочиняя «Ледокол»,
Став предан Геббельсу без лести,
В грехах Иуду превзошел —
Живых и павших обесчестил.
Что представляешь ты собой,
Твои поступки показали —
Трус, лжец, разведчик никакой,
Не ты — тебя завербовали...

Хотелось бы ещё сказать несколько слов по адресу предательской «правды» Резуна. Вот он поучает: «Вербовка — сложное дело. Как охота на соболя. В глаз нужно бить, чтобы шкуру не испортить. Но настоящий охотник не считает трудностью попасть в соболиный глаз. Найти соболя в тайге — вот трудность».

Не нашел он «соболя» в Швейцарии, его самого, как зверя, подстрелили английские охотники. А в «Аквариуме» играет мускулами, показывает смелость и мужество в общении с иностранцами. Послушать этого петушка, — прямо-таки перед нами вундеркинд, навербовавший корзину негласных помощников из числа бизнесменов и военных. А как оказалось, ничего он не сделал как военный разведчик, а как предатель, — сдал людей, секреты и совесть.

Звучат пронизанные бахвальством слова: «...откуда Славе знать, что это я ему операцию придумал». Речь идет о планах вербовки офицера 6-го американского флота. Или же другой кивок в свою сторону: «Смотрит на меня шпионская братия, дорогу уступает». Ах, как хочется примазаться к тем, кто действительно своим умом, своей логикой, своим характером мог убедить процветающего американца развернуться в сторону военной разведки нашей страны. И таких, к счастью, в ГРУ — большинство.

Трижды прав бессмертный Сент-Экзюпери, сказавший, что истина — это не то, что можно доказать, это то, чего нельзя избежать. Измены можно было избежать, поэтому в доказываемую Резуном «истину» поверят только люди-легковеры.

В горбачевском Союзе и ельцинской России заказную идеологическую жвачку «суворовщины» стали производить некоторые издания. Критика и газеты того же толка захлебывались от восторга. В трех номерах журнала «Нева» печатался «Аквариум». В № 6 за 1991 год в предисловии к опусу Резуна есть такие слова: «Книга, которую сегодня предлагает «Нева», написана профессиональным разведчиком. Автор рассказывает о закулисной, черновой и порой весьма жесткой системе подготовки профессионального разведчика. Все это описано с детальным знанием дела...»

Другой специалист по ГРУ, предатель О. Калугин, тоже решил осчастливить автора книги своей оценкой. Он гово-

рит, что перед нами «добротная, написанная не без искры божьей книга, читаемая с интересом и сочувствием. Она раскрывает ещё одну малоизвестную сторону нашей жизни, долгие годы скрытую завесой секретности, мифической героикой и просто обманом».

А вот отзыв о «Ледоколе» германской газеты «Ди Вельт» от 23 марта 1989 года: «Эта книга написана профессиональным разведчиком, а не историком, и это резко повышает её ценность. Советские товарищи и их западные друзья будут в дикой ярости... Не слушайте их, читайте «Ледокол». Это честная книга».

Прочтя эти книги и отзывы на них, Стороженко вспомнил о словах Джона Кеннеди, сказанных им в запальчивости на одной из пресс-конференций: «Русских войной взять нельзя. Их надо разлагать изнутри, и для этого надо использовать три фактора: водку, табак, разврат». Забыл американский президент сказать о четвертом факторе — предательстве. Его, к сожалению, у нас было много.

Почти двадцатилетний стаж работы в ГРУ позволил Стороженко не только глубоко знать структуру, методы и особенности работы военной разведки, но и принимать непосредственное участие в розыскных мероприятиях по «писателю-разведчику», изменившему Родине.

«Ложь на каждом шагу. Сплошные попытки играть роль великого стратега в разведке при серой посредственности, путем одурачивания простаков-читателей, — размышлял Николай, закрывая последний номер журнала «Нева».

Не один год он знал войска спецназа, не один год общался с офицерами 5-го управления ГРУ, о которых «великий их знаток» написал: «Кукла — это преступник, приговоренный к смерти. Тех, кто стар, болен, слаб, кто знает очень много — уничтожают сразу после вынесения приговора. Приговоренных к смерти более продуктивно используют. Один из видов такого использования — сделать его куклой в спецназе. И нам хорошо, и ему. Мы можем отрабатывать приёмы борьбы, не боясь покалечить противника, а у него отсрочка от смерти получается».

Зайдя как-то на участок к офицерам этого управления, Николай показал данную выписку. Реакция у всех была однозначной:

— Шизофрения, чушь, наивность, злонамеренность! Расчет на простаков! Да и сам Стороженко, как юрист, знал, что это элементарный блеф.

Врет он и по поводу инструктажа в военном отделе ЦК КПСС. Николаю часто приходилось по роду службы общаться с начальником управления кадров ГРУ вице-адмиралом К. Лемзенко. Он назван Резуном в книге «генерал-полковником». В описанное «сочинителем» время он ещё работал в ЦК и действительно инструктировал капитана перед поездкой за рубеж. Тот инструктаж, какой описал Резун, Лемзенко не подтвердил, а только заулыбался, заметив при этом: «Что может сказать профан в разведке?»

А вот как повествует Резун: «Сегодня 23 августа. Эту дату, капитан, запомните на всю жизнь. С этого дня вы входите в номенклатуру, мы поднимаем вас на очень высокий этаж — в номенклатуру ЦК.

Помимо прочих исключительных привилегий вам предоставляется ещё одна, — с этого дня вы не под контролем КГБ. С этого дня КГБ не имеет права задавать вам вопросы... предпринимать какие-либо акции против вас. Гордитесь доверием... каждый, самый незначительный офицер ГРУ — сверхчеловек по отношению ко всем остальным. Пока вы в нашей системе, — вы обладаете колоссальными привилегиями... когда имеешь молодость, здоровье, власть, привилегии — об этом забываешь. Но вспомнишь об этом, когда ничего уже нельзя вернуть. Некоторые из них бегут на Запад в надежде иметь великолепную машину, особняк с бассейном, деньги. И Запад им действительно много платит. Но получив «Мерседес» и собственный бассейн, предатель вдруг замечает, что все вокруг него имеют прекрасные машины и бассейны. Он вдруг ощущает себя муравьем в толпе столь же богатых муравьев. Он вдруг теряет чувство превосходства над окружающими. Он становится обычным, таким, как все. Даже если вражеская разведка возьмет этого предателя на службу, всё равно он не находит утраченного чувства превосходства над окружающими, ибо на Западе служить в разведке не считается высшей честью и почетом...»

Да простит меня читатель за длинную цитату Резуна. Всё в ней поставлено с ног на голову, поэтому без комментариев.

Приехав как-то в ГРУ, Стороженко зашел к одному из начальников управления стратегической разведки, хорошо знавшего и Резуна, и попросил поделиться впечатлениями.

— Не скрою, ножницами работать умел. Ты послушай, сколько в этом пигмее злости на свою профессию, которая не пошла у него, и на тех далеких разведчиков, пострадавших в годы сталинских репрессий. Он пишет: «...кровавая чистка советской военной разведки не ослабила ее мощь. Наоборот, на смену одному поколению приходило новое, более агрессивное. Смена поколений — вроде как смена зубов у акулы... Чем больше становится мерзкая тварь, тем больше зубов в ее отвратительной пасти».

А сколько претензий на роль арбитра высочайшего ранга! Например, о книге маршала Жукова он говорит, что она написана для умственно неполноценных людей. А дальше — поучения, издевательства, бестактность по отношению к тем людям, которые не могут возразить желторотому мерзавцу. По существу, ему книги писали спецслужбы, и набиты они сталинскими изречениями и авторскими восклицаниями.

И ещё Стороженко интересовало мнение о «трудах» Резуна одного из умнейших людей в ГРУ, опытного аналитика, человека с широчайшим кругозором, доктора военных наук, контр-адмирала А. Римского. Встретились в его кабинете, тепло обнялись, выпили по чашечке кофе, закурили. Николай достал диктофон и начал записывать рассказ:

«Нет у меня веры ему, потому что книги писаны разными авторами. Автор «Аквариума» дошел в армии до командира взвода. Это очень низкий порог, чтобы рассуждать стратегически. Наша дипакадемия тех знаний не даёт, какие он выплеснул на страницы своих книг. Я прослужил более двадцати лет в центральном аппарате военной разведки и не знаю досконально структуры ГРУ и отдельных его подразделений. В разведке существует непреложное правило: знай только то, что от тебя требуют руководители, и не лезь в те вопросы, которые тебя не касаются. Поэтому в книгах Резуна — сборище всевозможных инсинуаций и спекуляций о ГРУ, имеющих широкое хождение на Западе не одно десятилетие... Книга «Аквариум» изобилует импортными данными с «бородой».

Даже учитывая определенное количество подонков, предавших свою службу, можно с уверенностью констатировать, что, во-первых, они многого не знали; во-вторых, что от них получает противник, не афишируется в целях сокрытия степени осведомленности о советской военной разведке. А вот то, что в их бульварных листках публикуется, как раз и составляет основу его книги «Аквариум».

Что же касается «Ледокола», то он её якобы задумал в 1968 году. А сбежал на Запад только потому, что хотел в спокойной обстановке поработать над книгой... В отличие от первой книги в «Ледоколе» затрагиваются серьёзные военно-стратегические вопросы, о которых говорили ещё во времена Черчилля. Подобных публикаций на Западе полно, поэтому идеи, скажу сразу, не Резуна. О них мне ещё в первой командировке рассказывали западные немцы — историки, лояльно настроенные к нам и не верившие желтой прессе. На эту тему за рубежом написаны сотни книг, где СССР выставлен монстром, жупелом, агрессором. Другое дело, мы их не знали, их не печатали у нас. Такой же «исторический» подход, как у Резуна, не выдерживает никакой критики.

Во-первых, Сталин после договора, подписанного Молотовым и Риббентропом, вообще уверовал в отсутствие угрозы со стороны Германии. Во-вторых, он ждал нападения Японии. А в-третьих, Гитлер создавал группировку своих сил на востоке в течение нескольких месяцев, и план «Барбаросса» претерпел несколько модификаций, но идея его осталась неизменной — в ходе блицкрига разбить СССР.

Могу четко сказать, что «Аквариум» — плод труда сотрудников английской разведки, а вот «Ледокол» готовили специалисты центров и институтов стратегических исследований. А сам Резун говорит, что у него «пустая душа» — с этим я согласен, а вот с тем, что у него «мозг переполнен номерами дивизий» — не согласен, просто блефует.

Есть, конечно, и личный вклад Резуна в книги: вставные междометия, пустые восклицания, ядовитые вопросы... Они — как дежурные улыбки.

Его источники информации не выдерживают критики: то он ссылается на письма читателей, которые не иденти-

фицируются, то идут ссылки на отца типа «мой папа в кругу своих рассказывал», то использует мемуары участников войны, выворачивая фактуру наизнанку. Ярким примером может служить фальшивая трактовка воспоминаний Константина Симонова.

Часто автор ссылается на работу в архиве ГРУ во время учебы в Военно-дипломатической академии. Архивы разведки — это святая святых любой спецслужбы. Они молчат десятилетиями, а то и столетиями. Так вот, ни в одном учетном журнале фамилии Резуна за время учебы обнаружено не было. Кто-кто, а архивисты военной разведки знают толк в допуске к своим материалам. Даже такой известный человек, гордость советского спорта, как Юрий Власов, прежде чем попасть поработать с документами своего отца — военного разведчика, прошел через десятки чиновничье-номенклатурных и режимно-правовых фильтров при прямой санкции министра обороны и председателя КГБ. И это при явной заинтересованности политического руководства страны иметь такую книгу, как «Особый район Китая». А тут никому не известный младший офицер легко и просто одолевает режимные препоны и работаете секретными архивами ГРУ стратегической разведки. Не нонсенс ли?

А чего стоят письма некоего Кадыгрова из Аргентины, служившего накануне войны «старшим лейтенантом на призывном пункте в Минске»! Именно он и «поведал» якобы автору о сенсационных пакетах: «Вскрыть в день «М». Пойди его найди...

Каждый военный знает, что конверты с мобдокументами являются совершенно секретными особой важности. Но ведь речь в них должна идти о более ранней дате, чем 22 июня 1941 года. Но где они, эти документы? Хотя бы один? С учетом наших неудач и повального отступления в начале войны, а иногда и прямого предательства штабных офицеров, не могло же так случиться, чтобы такой компромат о наших агрессивных планах броска на Запад не попал бы к немцам и остался до сих пор неостребованным ни западными журналистами, ни отечественными историками — исследователями войны.

А чего стоят утверждения Резуна, что плакат И. Таидзе «Родина-мать зовет!», песня А. Александрова «Священная

война» были созданы задолго до начала войны. А разве не плод досужих домыслов утверждение его, что писатели были призваны в армию заранее, опять же до войны. Документы того периода опровергают грязную стряпню предателя...»

Многие, с кем общался Стороженко в ГРУ, рассуждали примерно так: при его-то результатах «разведработы» надо годы отмываться, а может, и всю жизнь. Хранить гробовое молчание. Так нет, полез в стратеги военной разведки, поднатурился в своём укрытии и решил провести ревизию Великой Отечественной войны. Советский солдат поставил точку в этой тяжкой войне своей Победой. И этим гордиться надо, а не принижать её ради сомнительной славы ниспровергателя истории.

Поэтому Николай считал, что вся писанина Резуна заправлена ложью с добавками невежества и безграмотности в военном деле, в котором действительно он был профаном (подучить его могли только в Англии педагоги из тамошней разведки), если не считать полученных знаний от коллекционирования великовозрастным игруном оловянных солдатиков, которых тоже предал, оставив коробки с ними на квартире после поспешного бегства.

Сам Стороженко решил, что если он когда-либо будет писать книгу о своей службе, то обязательно выскажется и о Резуне для тех читателей России, которые приняли на веру варево подонка, от которого отказался даже отец.

«Мой отец, — пишет Резун, — был моей первой жертвой. Я у него просил прощения. Он меня не простил. И я снова прошу прощения у своего отца. Перед всей Россией. На коленях...» Отец не простил. Россия, которую он предал, тоже не сможет это сделать, ибо нет прощения изменнику, тем более в ипостаси разведчика.

Узнав о побеге за границу любимого внука, совестливый дед Резуна, Василий, не смог выдержать позора, выпавшего на семью, затосковал, стал больше молчать, с соседями перестал общаться. А потом закончил земную жизнь грехом христианским. Он, неожиданно для родственников, повесился, хотя всё время до этого был жизнерадостным.

Иредатель Резун в Англии.
90-е годы

Отец Резуна, зная не понаслышке, что такое армейская служба, никак не мог согласиться с известием, что его сын предатель, что сбежал к противнику во время боевой работы (для разведчика она такова всегда), что не захотел сын встретиться с отцом в Лон-

Д^оуе > «УД^а выезжал родитель. После этого он стал чаще хворать, сделался

ипохондриком, — тяжелые мысли грызли совесть. На пер-
ВЫС книжки сына реагировал болезненно. По поводу прось-
Оы Владимира простить его ответил коротко и резко: «Не могу!» А уже перед самой кончиной искренне заявил: «Сын принес семье больше горя, чем Гитлер».

Дочь Резуна, Оксана, поданным английских журналистов, стала в семье неуправляемой. Несколько раз ее задерживала полиция за хулиганство. Последний раз была поймана охраной супермаркета за воровство товара.

Жена Татьяна, хлебнув полной чашей позора и тяжело пережив «добровольный плен», несколько раз психологически срывалась. Она стала частой гостьей психбольницы. (!ам же «известный разведчик — писатель и знаток ГРУ» сейчас много пьёт, считая, что жизнь — это такая штука, из которой живым не выбраться.

Вот так Бог наказывает иудино племя!

Бывший диссидент Буковский, пытаясь показать сложность условий, в которых работает Резун в Англии, горит, что «приговоренный заочно к смертной казни, он Оыл вынужден находиться под постоянной охраной, считаться с требованиями своих ангелов-хранителей...». И тут ложь. Суд, и только суд, определяет меру ответственности и иыносит приговор. Никакого суда не было, — значит, и о приговоре не может быть речи! Его пока осудили его коллеги, отец и порядочные люди.

А охрану он заслужил. В передаче «Би-би-си» под названием «Шпионская война» швейцарский специалист по

разведке Карл Луонд в 1979 году так прокомментировал уход Резуна: «Говорят, что Резун перебежал с помощью своих британских друзей из МИ-6. Возможно... он знает имена... офицеров КГБ в Женеве. Одним из интересных фактов является то, что и сейчас, спустя более года после его побега, англичане продолжают получать от него ценнейшую информацию». Вот откуда деньги на охрану!

«Разведка — самая неблагодарная в мире работа, — пишет «знаток» разведки. — Тот, кто ошибался, кто провалился, кого повесили, — тот знаменит». Но сюда можно добавить ещё одну категорию «героев»: тот, кто предал «альма матер» — разведку, оказывается, тоже попадает в «знаменитости». Только вот вопрос: с каким ярлыком, надолго ли и всерьёз?

В «Аквариуме» есть примечательные для создавшейся ситуации слова, сказанные то ли самим Резуном, то ли кем-то другим и озвученные им, неважно: «У каждого человека в голове есть блестящие идеи, и каждый человек страдает в жизни больше всего от того, что его никто не слушает. Самая большая проблема в жизни для каждого человека — найти себе слушателя. Но это невозможно сделать, так как все остальные люди заняты тем же самым — поиском слушателя для себя. Главное в искусстве вербовать — умение внимательно слушать собеседника, слушать...»

Для того, чтобы абсурдная идея стала правдоподобной, надо её подать, кроме всего прочего, в красивой и невероятной упаковке, называемой кратким, но емким словом — ложь. Людям надоедает одна и та же пища, а поэтому хочется перемен. Именно на это рассчитаны «откровения» Резуна.

«Дурак льстит самому себе, умный льстит дураку» — гласит народная мудрость. Глядя на ажиотаж вокруг книг предателей Родины — Гордиевского, Резуна, Калугина и других, становится понятным, почему они избрали ложь в качестве своих аргументов.

«Лгать самому себе для своей выгоды — подделка, лгать для выгоды другого — подлог, лгать для того, чтобы навредить, — клевета, это худший вред лжи», — писал когда-то Жан-Жак Руссо.

Недавно Стороженко зашел в свой любимый магазин «Библио-Глобу», что на Мясницкой. Еще несколько месяцев назад в историческом отделе «Суворовское творчество» лежало на верхних полках, прямо на виду. На этот раз книг Резуна он не нашел,

Поинтересовался у продавщицы. Миловидная девушка, как бы извиняясь, заметила:

— Поищите там. Мы их отправили на нижнюю полку. Н последнее время нет никакой реализации.

После этих слов Николай взглянул под ноги и почти на полу увидел то, что претендовало на поиск «исторической правды», а обернулось желчным пасквилем в отношении многострадальной Отчизны.

«Пройдет ещё немного времени, — подумал Стороженко, — и все встанет на свои места. Многочисленные опусы Резуна превратятся в макулатуру, а Суворов для россиян будет только один — Александр Васильевич, с его одной, но бессмертной книгой «Наука побеждать»!

ДВОЙНАЯ ИГРА «КАИНА»

*Преступление нуждается лишь в предлоге.
Аристотель*

В сентябре 1980 года в одно из подразделений ГРУ Генштаба прибыл для прохождения дальнейшей службы высокий, стройный старший лейтенант Иванов Александр Васильевич. Военная форма ему шла. Очки в тонкой золоченой оправе придавали лицу интеллигентный вид.

«Такие мужчины должны быть в фаворе у женщин», — неожиданно для себя подумал Стороженко, впервые увидев новоприбывшего офицера на своем объекте.

Начальник направления, куда попал служить Иванов, полковник Лобанов охарактеризовал новичка положительно:

— Парень толковый, из него может получиться хороший специалист информационной службы. Усидчив, умеет анализировать материалы, неплохо пишет, хорошо поставлена устная речь. У него какие-то связи наверху. Мне его порекомендовали взять, хотя во время командировки в Болгарии у Иванова были неприятности. Он досрочно откомандирован из страны.

Первая ознакомительная беседа Стороженко с ним показала, что Иванов действительно обладает широким кругозором. О себе рассказал, что в 1978 году окончил Военный институт иностранных языков, специализация — английский и болгарский языки. В 1973 году был в месячной командировке в Конго. Откровенно поведал о сложностях семейной жизни. После завершения учебы на спецкурсах ГРУ в 1979 году выехал в длительную служебную командировку в Болгарию.

Начало службы в центральном аппарате ГРУ для Иванова было связано с семейными дразгмами и подготовкой к бракоразводному процессу, с персональным разбором поведения офицера на партячейке. Капризная жена, дочь

полковника Генштаба, как он утверждал, требовала оста-ми и» ей всё нажитое совместно имущество, вплоть до квар-ГИры. Иванов не стал мелочиться, понимая, — жена остаётся с ребенком.

Командование было на стороне офицера. А вот кадры И политотдел стояли за супругу, которая не без помощи отца существенно влияла на ход разбирательства в свою пользу. Он, конечно, мог подключить более мощные рычаги, но не хотел впутывать в грязную историю отца-фронтовика и его влиятельного друга в маршальских погонах.

И все же Стороженко не мог успокоиться из-за отсутствия информации о службе Иванова в Болгарии и истинных причинах его досрочного откомандирования.

Анализ имеющихся материалов и поступивших уже за период службы Иванова на новом месте позволил прийти к выводу о необходимости заведения на него сигнала. Вскоре согласие от руководства было получено, и Стороженко на «корочках» с материалами вывел черным фломастером кличку — «Каин». Она же стала в дальнейшем фигурировать и в делах оперучета: оперативной проверки, а затем и разработки.

В ходе изучения «засветившегося» Стороженко выяснил, как Иванов окончил один из престижных военных вузов. Туда поступали молодые люди после десятого класса, в основном по протекции. Правда, командование разбавляло курсы выходцами «из армии, от плуга и станка». Однако таких насчитывалось единицы. Существовал даже женский факультет, в шутку окрещенный острословами «пансионатом номенклатурных девиц». Они туда попадали по конкурсу мамаш и папаш. Генеральские и министерские, не говоря уже о маршальских дочках и удочеренных внучках, сдавали вступительные экзамены для отвода глаз, не боясь быть проваленными.

Из плеяды поднявшихся на слушательскую скамью через «отцовский лифт» был и Александр Иванов. Отец его и один из маршалов Советского Союза вместе воевали на фронте. Как не помочь чаду сослуживца? Один звонок — и просьба выполнена. Именно таким образом Иванов стал слушателем.

Учился неплохо, схватывал знания на лету, однако столичная жизнь сильно манила своей привлекательностью.

Баловала отцовская опека. Очень хотелось после получения лейтенантских погон остаться в Москве. Женитьба на дочери полковника ГРУ Генштаба и решение квартирного вопроса позволили ему сделать если не шаг, то уверенный шаг к столичному трудоустройству. Остальные шаги в службе помогали делать отец, тесть и тень маршала.

Быстро пройдя спецкурсы военной разведки, он сразу же получил неплохое место в центральном аппарате ГРУ и через несколько месяцев с женой убыл в первую длительную командировку в Болгарию.

Многие сослуживцы завидовали молодой семье, хотя все понимали, что новоиспеченному разведчику, сотруднику военного аппарата военного атташе за границей будет крайне трудно без соответствующего образования и необходимого опыта военной службы.

Офицеры-кадровики не могли противостоять приказу сверху, доказывая, что все великое совершается медленным, незаметным ростом, а тем более утверждать о таящихся опасностях начатой таким образом служебной карьеры молодого офицера. Маршальский гнев мог загнать любого смелого и принципиального кадровика далеко от Москвы. А кому хотелось лишаться должности в Генштабе? Таких, к сожалению, не нашлось.

Служба для помощника военного атташе Иванова началась относительно удачно. Встречал его собственной персоной начальник аппарата Скалов — маленький, щупленький полковник-общевойсковик, четко угадывающий скрытые потоки кадровых перемещений. Он давно подготовился к встрече протеже маршала и зятя полковника Генштаба. В софийском аэропорту он с угодливой улыбкой на лице обратился к своему подчиненному не по званию. Обласкал его теплым словом — Сашенька!

— Я приветствую вас на болгарской земле. Думаю, не пожалеете, что выбрали эту прекрасную страну нашего боевого содружества. Квартира вам готова, обмобилирована. Магазины рядом. Сашенька, садитесь с женой в мою машину, а сумки и чемодан увезет майор на «Волге», — он бросил взгляд в сторону офицера-водителя.

Первые месяцы службы для Иванова прошли спокойно. Он как бы стажировался, вращаясь в обстановку. Привы-

Кия к такой загрузке, считал «вкалывание» уделом работяг, а не представителя «белой кости». Но так долго продолжаться не могло — захребетника скоро раскусили сослуживцы. Поднялся справедливый ропот. Скалову поначалу удавалось сдерживать коллектив, но противостояние зашло так далеко, что на партийных собраниях стали «разделять под орех» и нетребовательного начальника, и безынициативного подчиненного. Полковник, боясь попасть в немилость к руководству Центра, после почти пятилетнего пребывания за рубежом добился перевода в Москву. Он почти вычислил вероятность «взбрыков» прибывшего блатника,

Вместо Скалова в Софию прибыл генерал-майор Кивков — зять одного из членов Политбюро ЦК КПСС. Если прежнего военного атташе никто не мог упрекнуть в мздоимстве, то новый начальник с первых шагов стал мелочиться, обманывать Центр, допуская валютно-финансовые злоупотребления. Иванов прекрасно понимал «непробиваемого броненосца», потому что сам ходил при таком же панцире. Многие странные вещи творились у него на глазах. По молодости он посчитал, что начальник у него в кармане, — тем более узнав, что его партийный родственник отправился к праотцам.

Жена уехала в Москву рожать. Александр ударился в вольную жизнь, которая не осталась без внимания американских разведчиков.

...Стояло жаркое, душное лето. Близился вечер субботнего дня. Иванов лежал на диване, размышляя о перипетиях жизни. Надвигалась гроза. Вдруг комнату озарила вспышка молнии, резанула по глазам, и тут же последовал сухой, как артиллерийский выстрел, близкий раскат грома. Крупные капли дождя замолотили по листве деревьев, подступающих к окну. Голова офицера гудела от вчерашнего перепоя. Осушив бутылку минеральной воды и стакан огуречного рассола, он ждал окончания непогоды. Назначенное свидание с внучкой одного из бывших руководителей компартии Болгарии обещало быть интересным.

Ливень затих так же быстро, как и начался. В открытую фрамугу ворвался запах влажной теплыни. Полосонули по глазам лучи заходящего солнца. Соломенно-золотистые

оттенки светила затекали в окна, лакируя позолотой листву комнатных цветов, стоящих на подоконниках. Иванов резко поднялся с дивана, потянулся руками к потолку и подошел к телефону. Постояв несколько мгновений в раздумье, решительно набрал номер дамы.

Вечеринка на даче у дедушки подруги, несмотря на позднее время, не думала завершаться. Баловни и виновники торжества резвились. Из магнитофона доносились мелодии группы «Абба», лились рекой болгарское вино и русская водка.

Александр с девушкой, прилично захмелев, сидели в огромном кресле из натуральной кожи. Говорили на отвлеченные темы. Он приглашал её в Москву, она его — в путешествие по стране. Хмель всегда делает людей смелыми и радушными.

— Знаешь, мне тут хорошо... такое ощущение, что знаком с тобою давно. Всё это не случайно, потому что в нашей первой встрече были закономерности...

Этот дешевый приём ловеласа подействовал на девушку сильнее, чем вино и водка. Недаром говорят, что женщина любит ушами. Она прижала щеку к его плечу, представляя, что скоро будет бродить по улицам Москвы с Шуриком, — так она называла советского офицера. У него самого мысли ходили по одному и тому же кругу, характерному для молодого мужчины в таком состоянии.

Вместе с тем его мозг искал ответ на вопрос: где достать деньги для таких кутежей в дальнейшем? Именно поиск ответа заставлял его иногда отвечать девушке невпопад на задаваемые ею вопросы. Она знала, что он военный дипломат, а люди его профессии, тем более молодые, в такие минуты любят расслабиться, отходя от строго вычерченной условиями службы линии поведения. Поэтому она прощала его, хотя из-за приличия надувала губки и принимала вид обиженной невнимательностью собеседника.

Вечеринка продолжалась. Позолоченный циферблат напольных часов показывал около пяти утра, когда гости решили искупаться в бассейне. Александр плавал прекрасно, но девушка не уступала ему в технике, особенно в брассе.

— Подруга, у тебя не школа, а скорее академия, — польстил он пассиве, когда та стремительно проплыла двадцатипятиметровую дистанцию.

— Просто давно плаваю. Брасс — мой любимый способ. Да и учителя были хорошие, — ответила она, лукаво улыбнувшись, словно почувствовала его неискренность.

Солнце вошло уже достаточно высоко, когда гости стали разъезжаться. Прощаясь с Александром, девушка грустно улыбнулась и, отведя взгляд в сторону, тихо промолвила в ответ на дежурное «до встречи»:

— Может быть, и встретимся. Не знаю, не знаю...

После этих слов она направилась в кабинет дедушки.

...Прошло несколько недель после той памятной вечеринки. Подруга на звонки не отвечала. Он уже стал её забывать. Появились новые объекты внимания, свежие впечатления. Обычной чередой проходили представительские мероприятия. Жена не подавала никаких признаков желания вернуться к супругу. Он понимал, что причиной молчания жены могли быть «доброхоты», просигнализовавшие в Москву о его загулах.

И вот, как гром среди ясного неба, команда... на досрочное откомандирование. Состоялся крутой разговор у начальника. С перепуганным видом тот распекал своего проштрафившегося помощника.

— Ты что наделал? Как ты мог покуситься на честь внучки такого великого человека? Ты что, сожительствоваешь с нею? — кричал разъяренный генерал, надеясь сразу же деморализовать волю к сопротивлению подчиненного.

— Товарищ генерал, у меня с нею были вполне нормальные отношения. Вы же сами требовали расширять круг связей, вращаться в обстановку, быть коммуникабельнее и напористее в работе. Как же иначе исполнять обязанности офицеру военно-дипломатической службы? — одновременно с нотками испуга и юмора Александр парировал натиск начальника.

— Хватит, из-за тебя пятно позора ляжет на весь здоровый коллектив. Кто тебя учил так работать? Ты прекрасно знаешь — у них, как и у нас, партийная власть неприкосновенна. Куда ты полез армейскими сапожищами? — громыхал Кизяков, приподнявшись над большим письменным столом.

— Я сапогами не лазил...

— Хам, вон из кабинета... негодяй, испачкал и мою биографию, — кричал вдогонку генерал.

Иванов выскочил, как ошпаренный. Несмотря на испуг, хотелось смеяться. Офицер прекрасно понимал, что подруга не могла опуститься до роли жалобщицы. Она была слишком избалована жизнью, чтобы останавливаться на каком-то русском военном, тем более имеющем семью. «Это друзья-завистники настучали, — подумал Иванов, — делился ведь с некоторыми из них пикантными впечатлениями».

Сборы были недолгими. Вещи уместились в двух сумках и одной коробке. Квартира, к которой он успел привыкнуть, теперь показалась неудобной, и ему хотелось поскорее покинуть её. «Да, чем больше я познаю людей, — философствовал Иванов, — тем больше мне нравятся звери: у них отсутствует зависть и предательство. Что плохого я сделал? Ничегошеньки! А со мной поступают как с законченным негодяем. Прощай, непрочитанная Болгария. А как хотелось поработать еще здесь! Был бы Скалов, а не этот дуралей, события бы повернулись, наверное, по-другому. Я, конечно, виновен, но не в такой степени, чтобы без расследования ломать судьбу офицера. Не могу простить своей болтливости...»

Он верил в силу «отцовского лифта»...

Москва встретила Иванова холодным морозящим дождём, а жена, тесть и теща — ледяными взглядами с упреками в неспособности его быть достойным семьянином. Ссора закончилась грозным окриком тестя, чтобы он убирался из квартиры. Разъяренная жена собрала нехитрый скарб мужа в чемодан и выставила его за дверь. Не без влияния родителей она решила, что в дальнейшем совместной жизни у них с Александром не получится. Прошел грязный бракоразводный процесс. На нём всплыли такие сценки из бытовых будней, что у слушавших их показания пропало всякое сочувствие к обеим сторонам судебного разбирательства.

Он поселился в комнате друга, убывшего в заграничную командировку. Жизнь стала дорожать с расширением диапа-

зона развлекательных мероприятий. Рестораны менялись кафе, кафе — забегаловками. Квартира открыла настежь двери собутыльникам. Нужны были деньги, и большие деньги, чтобы прилично одеваться, жить на широкую ногу с друзьями, хорошо питаться, платить алименты. Таких денег на службе Он не смог получить. Разгружать по ночам вагоны было не в но натуре. Да и сколько он мог таким образом заработать — гроши. Большие деньги он видел в другом месте...

22 июня 1981 года Иванов приехал на службу раньше обычного. По радио звучали фронтовые песни. Сослуживце» по кабинету, на счастье, не было: один находился в отпуске, второй приболел. Он взял ручку и чистый лист бумаги и начал писать текст, заставивший его вздрогнуть от неестественности поступка для сына фронтовика, офицера и сотрудника военной разведки:

«Господа! Предлагаю свои услуги по обеспечению Вас И Вашего руководства секретной, совершенно секретной и предназначенной для ограниченного круга лиц информацией, касающейся деятельности центральных органов Министерства обороны, КГБ и МИД СССР. Обладаю широким кругом информационных знакомств...

Я четко представляю то, что Вы вправе считать это письмо провокацией...

Призываю Вас самым серьезным образом отнестись к моему предложению, ибо я сознательно иду на этот шаг. Последние случаи провалов Вашей агентуры в центральных аппаратах заставляют задуматься о качестве подготовки и проведения Вами оперативно-разведывательных мероприятий...

В случае принятия Вами решения работать со мной, очень прошу тщательно спланировать операцию по выходу на встречу...»

Из-за страха быть застигнутым кем-либо из сослуживцев он дописал письмо дома, уложив его в коробку из-под сигарет «Мальборо», которую осторожно положил в кейс. У него созрела мысль установить связь с американцами, став таким образом продавцом секретного товара, за который можно получить неплохие деньги.

26 июня 1981 года кейс с письмом и другими документами Иванов утерял в районе ресторана «Советский» после

очередного «банкета для души». Но и после этого не отказался от преступных намерений. Вместе с друзьями выехал на пляж Николина Гора, что в районе Серебряного Бора. Он знал, что там, на красивом берегу Москвы-реки, иностранные дипломаты давно облюбовали себе место отдыха. Кстати, об утере не переживал, почему-то веря, что кейс у него умыкнул элементарный ворюга.

В компании была девушка, понравившаяся Иванову. Перед тем как отправиться купаться, она робко процедила, что проголодалась и не отказалась бы от бутерброда.

— Какой бутерброд, пойдем попробуем шашлычок. Здесь его делают отменно, — проговорил Александр, понимая, что придется платить за всех собутыльников. Друзья редко когда раскошеливались.

«Скупердяи, любят дармовщину. На халяву всё норовят. Сколько раз я рассчитывался за них! А ведь деньги есть, я видел. Лариска понравилась, надо выдержать роль денежного и нежадного офицера», — подумал Иванов.

Шашлык запили шампанским. Напиток ударил в голову. Вскоре хорошее настроение сменилось сплином. Нахлынули тягостные мысли о бытовых последствиях развода, ожидаемых сложностях в служебной карьере и многочисленных долгах.

Неожиданно перед столиком появился мужчина среднего возраста в крупных очках. Тяжелая темно-роговая оправа придавала лицу интеллигентный вид.

— Разрешите? — обратился он к Александру по-английски. — Я нечаянно подслушал, как вы сказали даме фразу на английском языке — «Чего хочет женщина, того хочет Бог!» У вас прекрасное произношение. Типичный тегасский акцент. Вы случайно не учились у нас в Штатах?

— Нет. Кто вы?!

— Меня зовут Питер Сэмлер. Я американец, поэтому приятно был поражен таким высоким уровнем знания нашего языка, тем интересней — молодым человеком, — с небольшим акцентом говорил иностранец.

— Нет, нет, я учился в Москве. Качеству языка я обязан только своей преподавательнице. Меня зовут Александр.

Завязался непринужденный разговор. Настроение снова поднялось. Захотелось блеснуть эрудицией и произ-

Сотрудник посольства С Ш А
в Москве П. Сэмлер

через неделю, — улыбчиво ответил Питер. — Кстати, принесу вам кое-какую литературу. Совершенствовать язык надо — он любит тренировки.

Иванову польстили комплименты янки. Лариса, ставшая свидетельницей события, тоже осыпала словами восхищения знатока английского языка, оцененного так высоко американцем. «Случайный человек — и тот подметил мои языковые способности, — с удовольствием подумал офицер. — А на службе не ценят. Думаю, всё от зависти... Судьба даёт мне шанс. Зачем искать кого-то, когда через Питера смогу выйти на посольского разведчика? Обязательно надо встретиться...»

Через неделю на пляже Александр быстро отыскал Сэмлера, удобно разместившегося под креповым зонтиком. Рядом лежала кипа каких-то брошюр и журналов. В стороне стоял голубой «Форд» с дипломатическим номером американского посольства. «Человек слова, не забыл обещанного», — подумал Иванов, направляясь к знакомцу, стоящему с каким-то молодым человеком.

вести эффектное впечатление на иностранца.

— У вас, Саша, — можно я вас так назову? — несомненный талант лингвиста. Мне редко приходилось встречать иностранцев с таким прекрасным произношением. Вас ждет отличная карьера, — как мёдом мазал Сэмлер. Говорил он мягко, подчеркивая искреннее расположение к собеседнику. Вскоре американец извинился и распрощался, выразив надежду когда-нибудь снова встретиться. Именно здесь, на отдыхе.

— А почему бы нет?!

— Ну, тогда до следующего выходного — ровно

После обмена приветствиями Сэмлер, как бы сглаживая неловкость появления третьего человека, быстро проговорил:

— Разрешите, Саша, я вас представлю коллеге. Он закончил университет, прекрасно знает русский язык. Специализируется по культурным памятникам СССР и, в частности, России. Кроме того, у него есть хобби — собирать русский фольклор.

— Дэннис Макмэхен, — быстро представился молодой человек, а затем сразу же предложил называть его «просто Володей».

Новый знакомый был неплохим рассказчиком.

Говорил по-русски чисто, знал массу анекдотов, подчеркивал внимание к собеседнику. Александру Володя всё больше и больше нравился. В процессе общения Иванов сообщил ему данные о себе и сведения о месте службы. В очередной выходной уже сетовал на тяжесть армейской жизни, семейные неурядицы. Не забыл упомянуть о долгах. Совсем не удивился, что Володя не только посочувствовал ему, но и пообещал помочь с финансами. Договорились встретиться 9 августа 1981 года в районе станции метро «Речной вокзал» — в лесопарковой зоне возле улицы Дыбенко.

Иванов понял сразу, что от него требуется. Он собрал первый шпионский товар для продажи, упаковав его, как когда-то письмо, в пачку — только теперь из-под сигарет «Пэлл-Мэлл».

В условленный день ровно в 16.30 советский офицер встретился с американским разведчиком.

— Привет, Александр! Ты «хвоста» за собой не привел?

— Нет... проверялся.

Вербовщик офицера А. Иванова

Д - Макмэхен

— Пройдем по аллее, — Макмэхен указал на асфальтированную дорожку лесопарковой зоны. С минутой шли молча. Инициативу вскоре взял Володя:

— Не будем терять зря время. Ответь мне на вопросы. Говорить будешь сюда, — он показал на очечник, где был закамуфлирован диктофон. — Говори спокойно и четко. Итак, в каком учреждении ты работаешь?

— Я всё написал.

— Не имеет значения. Ты должен всё равно ответить.

— Ладно, но ты... вы обещали...

— Я понял, Саша, твой интерес. Деньги я не забыл, — он достал из кармана пакет и протянул его офицеру. — Здесь пять тысяч, как я и обещал.

— Спасибо, Володя, но я хочу сказать...

— Этого мало? Вообще плата — это не повод для дискуссий. Этот вопрос мы с тобой ещё в деталях обсудим. Запомни одну истину: большие деньги в начале такой карьеры так же опасны, как опасно переедание после длительного голодания. А пока прошу продолжить ответы. Времени у нас мало, давай будем пособранней...

В конце беседы Володя передал Александру спичечный коробок и предложил ознакомиться с содержимым дома. На этом личная встреча закончилась.

Придя домой, Иванов открыл коробок. В нем оказалось несколько листков тонкой бумаги размером 18x26 сантиметров, на которых имелся текст. Он стал читать:

«Дорогой друг! Мы очень рады, что нашли общий язык и установили с вами контакт. Глубоко уверены, что наши отношения по мере их развития будут искренними, взаимно уважительными и, конечно, взаимовыгодными. Мы предлагаем вам 5000 рублей, зная, что вы нуждаетесь в деньгах. Они помогут поправить материальное положение и рассчитаться с долгами...»

На другом листе излагалась просьба ответить на некоторые вопросы, интересующие ЦРУ: каков точно ваш адрес и индекс, в каком именно учреждении вы работаете и что оно из себя представляет, в какой должности служите, чем занимаетесь, имеете ли автомобиль и радиоприёмник, их марки, есть ли у вас фотоаппарат, умеете ли фотографировать, к какой информации имеете доступ, перечислите со-

служивцев, их должности, точно укажите место своей службы и сделайте привязку его к местности...

Были в этом перечне и другие вопросы. В конце письма шли рассуждения о личной безопасности — ему, мол, не предлагают более крупной суммы лишь потому, что он может привлечь к себе ненужное внимание органов военной контрразведки.

Иванов понял: он практически завербован и уже выполняет задания разведки иностранного государства. Пройдет несколько месяцев и, будучи арестован, он скажет в своих показаниях: «Я много думал о мотивах, в силу которых стал изменником Родины. Задумываться стал об этом вскоре после того, как со мной установила связь американская разведка... Оценивая совершенное мною деяние... на путь преступления я встал в силу целого ряда обстоятельств субъективного характера..»

У меня были искаженные представления о ценностях жизни. Мне были присущи высокомерие и болезненное самолюбие, излишние самоуверенность и самонадеянность, честолюбивые амбиции, переоценка своих способностей и качеств...»

Но это всё было потом, а пока он перечитывал последний листок с расписанием последующих встреч, составленным профессионалами посольской резидентуры ЦРУ сразу на четыре месяца вперед. В инструкции предостережительно указывалось, что в случае если на встречу придет не Володя, а кто-нибудь другой, Александр должен будет держать в левой руке свернутую газету и на пароль: «Вы друг Володи?» — ответить отзывом: «Да, и прошу передать ему привет!»

Запланированные на 17 и 23 сентября 1981 года личные встречи не состоялись из-за невыхода на связь разведчика. Потом он объяснит срыв встречи болезнью — разбил радикулит. Встретились лишь 27 сентября, и агент передал два шпионских сообщения. На следующее свидание Дэннис Макмэхен пришел не один, а в сопровождении незнакомой Александру женщины лет 25-ти, худощавой, неброской, с правильными чертами лица. В беседе она участия не принимала, внимательно смотрела по сторонам — страховала. Это была жена американца — Лесли Макмэхен.

Иванов получил в тот день в полиэтиленовом пакете шпионскую экипировку: специальный миниатюрный фотоаппарат «Минокс», десять кассет к нему с пленкой на 230 кадров каждая, тайнописную копирку, шифрблокнот, инструкцию по составлению тайнописных сообщений и обычную авторучку, на стержне которой была намотана пленка с новым планом связи.

Пройдет время, и уже после ареста на допросе «Каин» так поведает о той встрече: «Подробно рассказав, как обращаться с фотоаппаратом (выдержка и диафрагма у него были заранее установлены, рассчитаны на слабое освещение и изменению не подлежали), Володя несколько раз подчеркнул, что больше с ним в районе улицы Дыбенко — код «Дыб» — встречаться не будет. «Здесьудобно, безлюдно», — попытался воспротивиться я. Но он заверил, что новое место встречи тоже надежное. Мне показалось, что он что-то не договаривал. Или боялся, что место раскрыто органами советской контрразведки».

А в шпионской инструкции уточнялось новое условное место «Роща» — близ входа на Даниловское кладбище. Место довольно пустынное и глухое.

Следует заметить, что на этой встрече американец ещё раз «подкормил» своего агента, выделив на сей раз всего лишь 2000 рублей. «У, жмот, — подумал продавец товара и внимательно посмотрел на своего покупателя. — Понимаю, товар не первой свежести, но хотя бы из-за перспектив моего использования не мелочились. А может, Володька сам приворовывает, как когда-то мой «достопочтенный» Кизяков. Все, кто связан с господеньгами, одним миром мазаны, — утаить, урвать, списать. Одним словом, надуть руководство».

Разошлись быстро и незаметно, словно растворились в пространстве. Иванов отправился пешком до станции метро, а парочка вскочила в подошедший автобус. Прошло несколько минут — и уже ничего не напоминало о детективной встрече — «круги потухли, снова гладь воды зеркалит поднебесье», как говорил поэт.

Чтобы понять яснее причины и обстоятельства предательства молодого офицера, вернемся к службе Иванова в

Болгарии в период «кизяковщины». Головокружительная карьера генерала Кизякова (вчерашнего выпускника института физкультуры) на военно-дипломатическом поприще, за счет связей жены и тещи, Александру была известна. Смрадная обстановка того времени нет-нет, да и напоминала о себе, будоражила сознание, рвала нервы. Ему казалось, что «кизяковщина» не ушла в прошлое, а «живёт и побеждает» как в армии, так и в других институтах советской государственности.

Вот несколько строчек из материалов того времени, не вошедших из-за боязни «сердить гусей» в материалы уголовного дела в отношении зятя бывшего крупного партийного функционера. «Кизяков, занимаясь преступным обменом в крупных размерах советской валюты на болгарскую в корыстных целях, неоднократно побуждал меня действовать в нарушение законов. Заставлял меня путем различных противоправных способов с использованием моей изобретательности закупать для него в большом количестве дублинки. Порой мне казалось, что он хочет одеть в них всю Москву...

После очередного представительского приема благодаря моей экономии сохранилось 95 бутылок коньяка, водки и вина, много остродефицитных продуктов. Всё это было отвезено на виллу Кизякова по его указанию, а затем беспардонно списано».

Или вот ещё перл воспитательной работы. Однажды, зайдя в кабинет Кизякова, Иванов представился:

— Товарищ генерал, разрешите доложить о плановой встрече?

— У тебя что — дырка в памяти?

— Всё нормально... я прибыл по вашему вчерашнему приказанию доложить служебный вопрос, а вы меня встречаете оскорблениями.

В ответ, отбросив карандаш в сторону и налившись кровью, тот стал визгливо, почти с женской истерией, кричать. Он обвинил офицера, что тот уже неделю не может приобрести для него обувной крем и ему приходится ходить в нечищенных туфлях.

— Товарищ генерал, светло-коричневого крема нет в магазинах. Я весь город обошел, — пытался оправдаться подчиненный.

— Вон из кабинета, бездельник! — заорал в новом порыве ярости Кизяков...

Видя необузданность характера и непредсказуемость поступков военного атташе, офицеры стали ловчить, обманывать дилетанта, заботящегося не о службе, а о своем благе за счет государственных средств. Он обманывал Центр фиктивными документами, прикрывая финансовые злоупотребления.

— Гниение империи начинается с головы, — как-то заметил Иванову его друг капитан Воробьев. — Этот придурак чувствует на себе защиту Москвы. Там же идет настоящая агония власти. Дряхлеющий генсек и его прихлебатели словно забыли о людях, об армии, о государстве. Они упиваются только властью. Это страшно, мы так можем страну потерять. «Кизяковщина» охватывает страну своими щупальцами, а законы молчат, не действуют, а если действуют, то только избирательно — находят стрелочников, а крупных воров прокуроры не трогают.

Ни в коей мере не оправдывая предательства Иванова, Стороженко потом придет к выводу, что на этот трагический шаг молодого офицера толкнул помимо субъективных черт характера и деформированный социальный фон, созданный прогнившей номенклатурой в центре и на местах, а не рядовыми коммунистами, которые, как говорилось раньше, вместе «с блоком беспартийных» сделали страну сверхдержавой.

Часто в кабинете, оставшись один, Николай прокручивал версии. Вот и сейчас он получил информацию, что Иванов активно ведет себя на партсобраниях, служебные вопросы решает четко, дисциплинирован при решении информационных задач. В то же время от агентуры поступали данные о его широких внеслужебных связях, в которых предстояло ещё разбираться.

Начальник 1-го отдела 3-го Управления КГБ полковник М. Кудряшов на оперативном совещании заслушивал руководителей отделений. После его завершения он предложил задержаться начальнику 2-го отделения подполковнику Кондратову.

— Владимир Петрович, а теперь поговорим о нашем общем знакомом. Вы захватили материалы?

— Да, вот папка. Все документы свежие.

— Ну, тогда прошу, доложите.

— Старший лейтенант Иванов, — начал Кондратов, — прибыл на объект с приличной «компррой»: злоупотреблял спиртным, имел неразборчивые связи с женщинами, мягко говоря, легкого поведения. В последнее время живёт не по средствам. Нередко приезжает на службу на такси, часто посещает рестораны, питается с рынка и при всем этом платит бывшей супруге алименты. Через несколько дней собирается вылететь в Ялту на десятидневный отдых с собутыльником, который нами установлен. Позавчера устроил грандиозную попойку в ресторане «Союз», где расплачивался сам...

Кудряшов внимательно слушал Кондратова — опытного профессионала, с мнением которого считалось даже руководство Управления. Он знал: у подчиненного тонкая оперативная интуиция и мертвая хватка в деле.

— Говорите, большие деньги водятся? Где же он мог их добыть? Болгарские уже давно просадил. Не исключено, что уже работает на супостата. Что ж, будем искать истину. Деньги — интересный признак! Если мы узнаем хотя бы приблизительные суммы трат в Ялте, то можно будет работать более продуктивно.

— Я уже дал команду Стороженко на получение более глубоких документальных материалов о его поведении как на службе, так и в быту, — ответил Кондратов.

— Сейчас работать надо тонко. Не спугните шпиона. Он осторожничает — инстинкт самосохранения включил на полную катушку. Надо ответить на главный вопрос: как он сопрягается с разведчиком. По всей видимости, встречается с американцами лично, и те подкармливают его деньгами. Вот он на эти сребреники, вероятно, и жирует.

— К крупному товару этот купец не в состоянии подобраться, — успокоил Кудряшова начальник отделения.

— Владимир Петрович, это не ответ профессионала. Если захочет, он найдет нужный товар в вашей конторе. Ставку сделайте на Ялту, — заметил Михаил Петрович. — Срочно ориентируйте тамошних чекистов с целью организации постоянного наружного наблюдения за «Каином».

— Прошу вашего разрешения отправить подполковника Коновалова для координации действий с территориаль-

ными органами КГБ в Ялте и местным особым отделом. Стороженко нельзя посылать, «Каин» его знает в лицо.

— Согласен. Только тщательно проинструктируйте его.

— Обязательно. У него будут большие полномочия и нам информация из первых рук.

Долго ещё сидели два оперативника за большим столом, выдвигая деловые версии, внося коррективы в намеченные агентурно-оперативные мероприятия.

— Надо, надо искать вещдоки его причастности к шпионской деятельности. Когда они будут у нас, тогда можно думать о реализации дела, — напутствовал Кудряшов подчиненного. — Действуйте только в рамках закона и нормативной базы, чисто, а прав у нас достаточно...

Ялта встретила Иванова с другом Ибрагимом Исламбековым ласковым солнцем и толпами отдыхающих. Долго квартиру искать не пришлось. Старушка с превеликим удовольствием согласилась сдать комнату двум молодым людям, обещавшим деньгами её не обидеть.

С первого же дня «Каин» включился в обычный марафон курортных развлечений. Легко и быстро сходился с дамами, проводя с ними время на *пляжах*, в ресторанах и постелях. Деньги не жалел — сорил ими налево и направо. За семь дней пребывания в Ялте промотал около 8000 рублей, что по тем временам было фантастической суммой. Двадцать пять рублей платил таксисту за трехрублевый показатель счетчика и отказывался брать сдачу. За пакет черешен, стоимостью в червонец, давал опять-таки 25 рублей. Это только два зафиксированных случая, а их было значительно больше. Гулял, как говорится, на широкую ногу.

— Ибрагим, ты чего приуныл? Делай, как я. За десять дней мы должны отдохнуть номенклатурно. Считай комнату бабки дачей на весь период нашей оттяжки в Городе Солнца. Свобода действий — вот божественная потребность настоящего человека. Она у нас в наличии, и мы должны её использовать на полную катушку, — подбадривал собутыльника Александр.

А приуныл Ибрагим не оттого, что ему было невесело в Ялте. Его мучила мысль: как бы избавиться от «благородной болезни», подхваченной в столице и заявляющей всё

ярче и ярче тревожащими симптомами. Этого Иванов не знал, как не знали и те горячие дамы — объекты внимания Ибрагима, которым предстояло в скором времени обратиться в венерологические диспансеры.

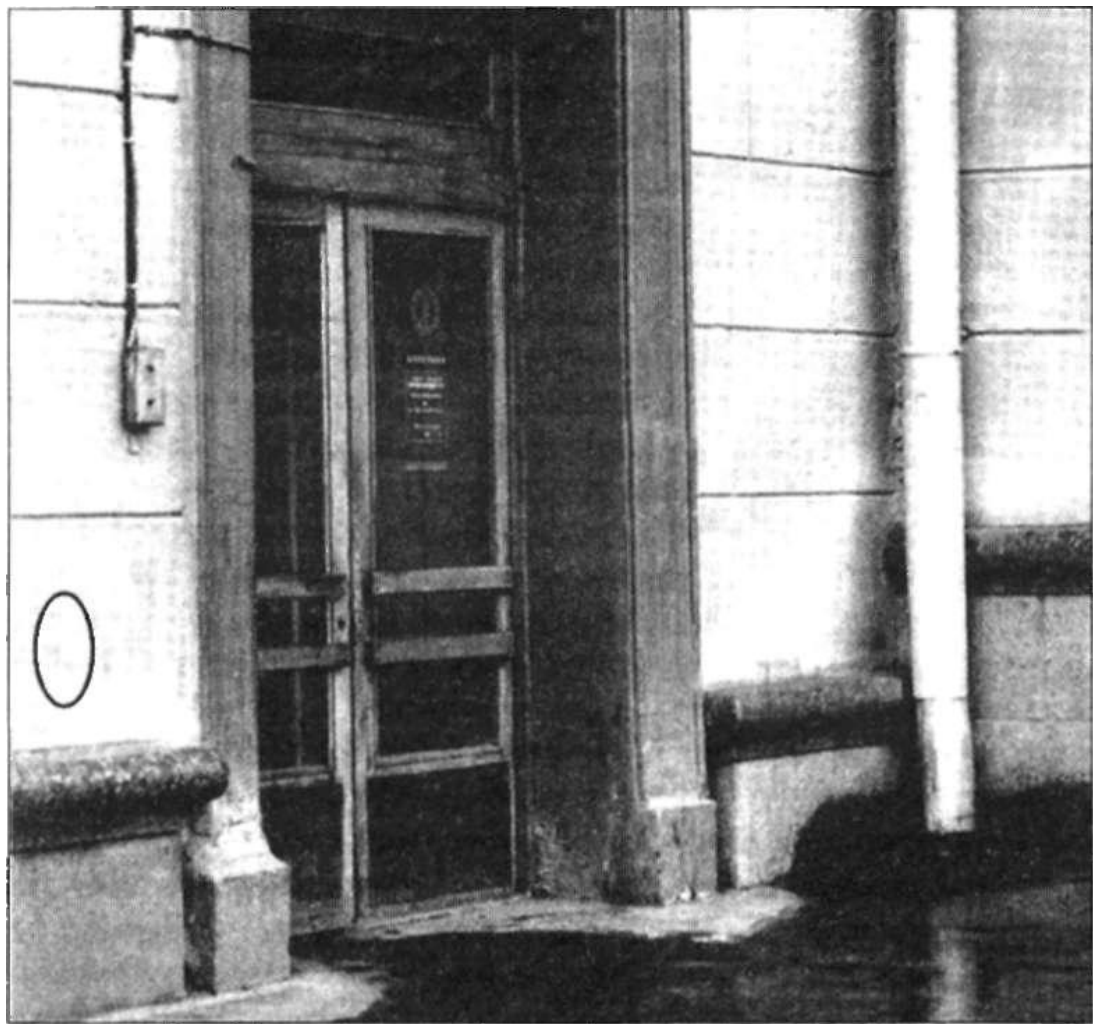
Расчет чекистов полностью оправдался. В ходе контрразведывательной операции под кодовым названием «Кипарис» в отношении фигуранта дела удалось получить неопровержимые доказательства наличия у него большой суммы денег. Оставалось раскрыть источник их появления.

По прилете в Москву «Каин» был взят в плотное изучение, показавшее ведение им двойной игры: на службе — степенность и послушание, в быту — необузданность и разгульность. Думал ли он об опасности попасть в поле зрения контрразведчиков? Да! Основание — постоянные проверки. Так, в метро станции «Баррикадная» он продемонстрировал классический способ отрыва от «наружки». Войдя в вагон в числе первых пассажиров, он сразу же прижал ногой половину двери, а когда они стали закрываться, то ужом проскользнул на перрон станции. В другом случае, мчась на автомашине подруги с приличной скоростью по Ленинградскому шоссе, он неожиданно рискованно бросил машину круто влево и, влетев на полосу встречного движения, быстро развернулся и помчался в обратном направлении.

Тогда ему померещилась слежка, поэтому он внимательно наблюдал за перестроениями других машин. Успокоился, когда убедился в полном отсутствии «опеки». После таких «художеств» оперативники решили вести круглосуточное наблюдение за Ивановым.

Такое решение было принято на совещании в кабинете у начальника отдела и оказалось оправданным. 6 октября 1981 года оперативники установили, что Иванов поставил метку на стене дома № 13 по Ленинскому проспекту у стенда газеты «Правда». Сигнал о готовящейся встрече «Каина» с иностранным разведчиком был нанесен губной помадой вишневого цвета.

Прохаживаясь после работы, он как бы случайно зашел к брату — сотруднику КГБ. На самом деле Александр хотел выудить у него хоть что-то. Но несолоно хлебавши вынужден был удалиться, прихватив пенал с губной пома-

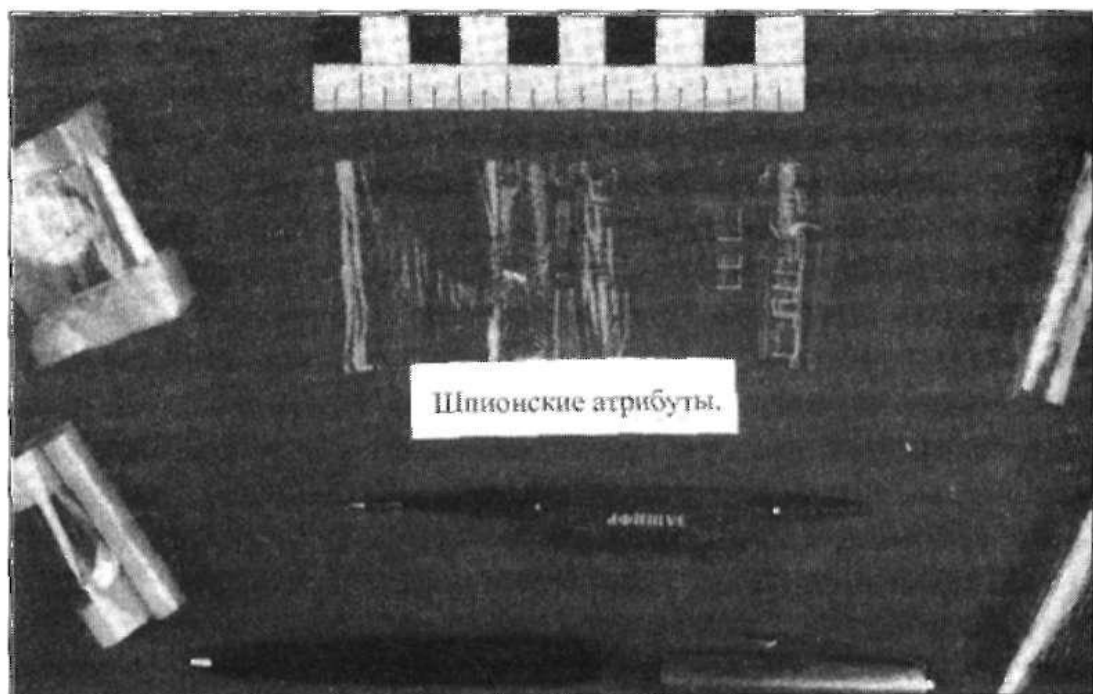

Метка шпиона «Каина» по Ленинскому проспекту, дом № 13

дой. Объяснил просто — подарить знакомой женщине на день рождения. Родственник, конечно, не догадывался, что перед ним под личиной коллеги — агент американской разведки, которому было наплевать на судьбу брата...

Раскланявшись с родственниками, «Каин» быстро нырнул в метро. Несколько раз проверился и вышел с противоположной стороны станции. Сел в автобус и проехал две остановки. Затем проследовал пешком по Ленинскому проспекту. Дойдя до многоэтажки и поравнявшись с газетной витриной, слева от неё на уровне груди незаметно начертил овал величиной в солидный огурец. Осмотрелся и тут же удалился. На такси быстро добрался до дома. Несколько раз прошелся по двору — проверялся.

Усиленное наблюдение за местом постановки метки показало, что проезжавший по этой трассе утром амери-

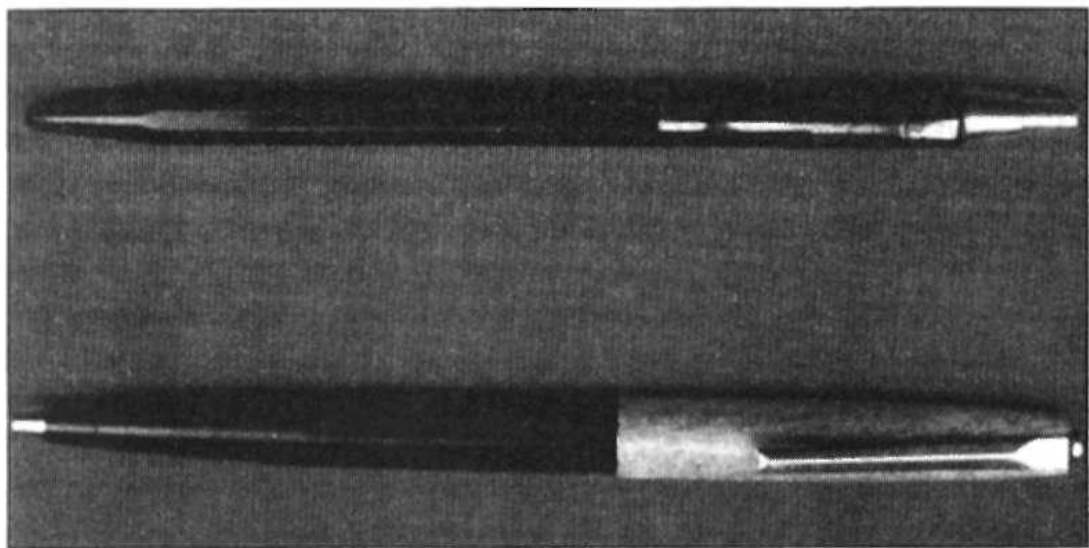
Авторучка с пленкой текста операций по связи
и инструкциями по шпионажу

канский дипломат-разведчик «снял» визуально поставленный знак. Все факты говорили о том, что готовится очередная операция по связи: личная встреча или закладка-выемка тайника.

Дальнейшая работа показала, что на следующий день «Каин» провел очередную встречу с Володей в условленном месте «Роща». Не зная, естественно, места встречи и боясь расконспирации, наружная разведка дала ему возможность «оторваться». В тот день он проверялся особенно тщательно.

К концу 1981 года оперативникам стало окончательно ясно, что в ГРУ действует «крот». Это подтвердило и письмо из потерянного кейса, которое поступило в КГБ из милиции. Экспертиза показала, что послание написано рукой Иванова. Встал вопрос о поимке его с поличным вместе с дипломатом-разведчиком. Очередная встреча могла быть последней для «Каина» и Макмэхена, но судьба распорядилась иначе.

Дело в том, что вскоре командование приняло твердое решение убрать Иванова из центрального аппарата ГРУ из-за злоупотребления спиртным и нарушений служебной дисциплины в последнее время.

Вверху: ручка для нанесения тайнописи.
Внизу: ручка с инструкцией внутри корпуса.

Инициатива, как считал сам Иванов, исходила от политотдела и бывшего тестя. Окольными путями он узнал, что его хотят направить в одну из частей в поселок Яковлевка Дальневосточного военного округа. Однако ему ещё не верилось, что придется скоро расстаться с Москвой, закрепиться в которой стоило огромных усилий. Благодаря двум зарплатам, получаемым от ГРУ и ЦРУ, жилось безбедно. Он рассчитался с долгами. В его окружении появилась любимая женщина.

Именно в этот период «Каин» вошел в пик предательской деятельности: он буквально «шакалил», собирая любой информационный мусор и передавая американцам. Важных материалов он уже выудить не мог, находясь под «колпаком» органов госбезопасности.

Через несколько дней начальник направления сообщил, что ему предстоит новое место службы. «Неужели подозревают или узнали о связях с американцами? Не может быть!.. Иначе загремел бы в Лефортово. Вся вонь идет из политотдела и тестя. Вот суки, никак не успокоятся», — скривился в гримасе Александр.

На очередной личной встрече с Макмэхеном «Каин» доложил ему о готовящемся переводе его на Дальний Восток. Американец выслушал сообщение без особой радости, так как прекрасно понимал, что руководством тут же для него будет поставлена задача поиска нового источника информации.

— Саша, мне твое заявление никак не прибавило спокойствия. Скорее огорчило. Мы уже сработались, стали понимать друг друга на полуслове. Сегодня придется «убить» таким известием шефа, — быстро заговорил Володя. — Встретимся через неделю здесь же. Я тебе кое-что принесу. От фотоаппарата срочно надо избавиться. Лучше всего выброси его в какой-нибудь водоём, естественно, без свидетелей. Расскажи подробно, как и почему тебе неожиданно предложили поменять место службы, — поинтересовался разведчик.

Иванов без утайки объяснил сложившуюся ситуацию. Макмэхен поверил словам своего агента. На этом и разошлись, предварительно договорившись о месте встречи.

Неделя прошла быстро: сборы в дальнюю дорогу, снятие с партийного учета, сдача дел новому работнику и уйма других забот в быту, не менее важных, чем служебные. И вот прощальная встреча. Володя находился, казалось, в хорошем настроении — шутил, призывал офицера не расстраиваться, не паниковать, взять себя в руки и сделать всё возможное, чтобы со временем вернуться в Москву. Он передал «Каину» план связи путем личных встреч и через тайник «Гараж» (план связи был исполнен на специальной пленке и закамouflирован в корпус шариковой авторучки), инструкцию с рекомендациями, шифровальный блокнот и 1000 рублей.

На этой встрече договорились о продолжении сотрудничества и оценили возможности получения гражданства США при условии активной работы. Макмэхен назвал какую-то сумму в долларах, якобы лежащих на счету Иванова в одном из банков Швейцарии. В конце беседы он ещё раз напомнил о секретной информации, которая ему нужна.

— Нас интересует информация политического и военного характера. Особенно данные о ракетных войсках стратегического назначения, местах дислокации и способах маскировки средств ядерного нападения, лицах в США, работающих на советскую разведку, сведениях, получаемых из Штатов разведками КГБ и ГРУ Генштаба, планах советского руководства в отношении Польши, причинах провала агента ЦРУ в МИД СССР Огородника и помощника военного атташе посольства США в Москве майора Холбука.

Метромост, где «Каин» избавился от фотоаппарата «Минокс»

Да, чуть было не забыл, — интересно было бы получить телефонные справочники Министерства обороны СССР, любые материалы о космической разведке.

Что же касается Яковлевки, то мы бы хотели иметь материалы по Китаю. Они там должны быть. Если встретитесь с какими-нибудь данными на перелетевшего в Японию летчика Беленко, будем рады их получить. Кстати, хотелось бы знать причины провала вашего коллеги Филатова... Когда приедете в часть, сразу настраивайтесь на сбор и хранение, естественно, конспиративное, таких материалов: чем конкретно занимается ваша часть, кому подчинена, сколько в ней личного состава, чем вооружена, характеристики боевой техники и частоты радиосредств.

В первый же приезд в Москву, поставив метку, согласно новому плану связи, выйдите на встречу с нами...

«Неужели американцы ничего не знают о Яковлевке? Скорее всего, будут перепроверять меня, да и свои сведения не прочь таким образом обновить. Понятно, я им здесь нужен, в Генштабе, а заинтересованность в яковлевском периоде моей службы понятна: боятся потерять меня — видеть, нужен!» — размышлял шпион.

Разошлись на этот раз надолго. После беседы стало ещё тревожней на душе, в которой гнездились нехорошее предчувствие, нарастающее снежным комом с каждым часом. Возвращался Александр опустошенный. Дома его ни-

кто не ждал. С друзьями-собутыльниками встречаться не хотелось, мимолетных красавиц приглашать не желал. Такси долго не попадалось. Он вскочил в троллейбус и покатил в холостяцкое жилище. Грели только сребреники, переданные «новыми друзьями». Предстояли нехитрые сборы. Завтра он пойдет приобретать билеты на поезд...

Когда чекисты узнали о переводе Иванова на Дальний Восток, то приняли решение задержать «Каина» в вагоне поезда. Для этой цели уже готовилась оперативная группа, на которую возлагалась задача конспиративного ареста шпиона в районе Рязани. Цель — избавить американцев от испуга и «поиграть» с ними. Радетели благополучия своего агента могли негласно его «проводить». У оперативников к тому времени уже имелись неопровержимые доказательства причастности офицера к агентуре ЦРУ. Ставка делалась на то, чтобы заполучить улики в виде шпионской экипировки.

Однако к вечеру оперативная обстановка изменилась. По докладу бригады наружной разведки «Каин» в районе Метромоста выбросил в Москву-реку какой-то предмет размером примерно 150x70 мм. Проверившись, он быстро удалился по направлению оставленной недалеко машины, взятой у подруги. Выходило, что он, возможно, срочно избавляется от улик, что встревожило не на шутку контрразведчиков. Как потом выяснилось, таким образом он избавился от «Минокса» и кассет к мини-фотоаппарату.

Другим обстоятельством, потребовавшим внесения корректив в план операции по задержанию шпиона, явились его непредсказуемые действия. В последний момент он решил лететь самолетом, чтобы выкроить пару дней для исполнения «лебединой песни» в Москве.

«Что это, замечание следов или предчувствие катастрофы?» — подумал Кудряшов, рассматривая план действий на случай вылета подозреваемого самолетом. Оба плана были отработаны до тонкостей и могли быть легко реализованы при любом варианте действий «Каина», не сдавшего в кассу железнодорожного билета.

«Агент чего-то опасается и пытается скрыться незамеченным из Москвы, — подумал Стороженко. — Наверное, шпионская экипировка при нём».

Личный обыск А. Иванова в аэропорту

Заместитель начальника отдела полковник. Моляков предложил смелое решение: арест «Каина» произвести в аэропорту до посадки в самолет с тщательным досмотром его вещей и личным обыском. Он верил: шпионские улики будут при шпионе.

Два резервных дня Иванов провел в обществе милой женщины, которой верил. С нею он мог говорить на любые темы, кроме той запретной и опасной для неё... Утром 2 ноября 1981 года он выехал на такси в аэропорт. Машина проскочила часть кольцевой дороги. По обочинам шелестели деревья с чуть держащимися на полуголых ветвях ржавыми листьями. Они бежевыми бабочками летели прямо по курсу машины, падали на ветровое стекло и уходили затем в причудливых виражах под колеса. От выпитого вчера у Иванова шумело в голове. Но приятные воспоминания прошедшей ночи создавали душевный комфорт, появлялась словоохотливость. Он стал беседовать с водителем на пустяковые темы... Вот и аэропорт!

При регистрации билета возникли какие-то «сложности» с его оформлением. Дежурный администратор предложил утрясти вопрос у военного коменданта, где Иванов и был задержан оперативной группой.

Первый допрос А. Иванова

В ходе личного обыска удалось обнаружить две подозрительные авторучки. В корпусе одной находилась свернутая специальная пленка с подробным описанием операций по связи на период службы в ДВО и во время возможных приездов в Москву. Корпус второй ручки был предназначен для нанесения тайнописных текстов.

Шпион не сопротивлялся. Единственное, что он сказал:

— Сегодня я чертовски устал. Я сейчас не в форме, поэтому никаких показаний давать не буду. Поговорим завтра. Заявлений и протестов делать не собираюсь. Всё вы сделали профессионально. Дайте мне отдохнуть.

После этого он ещё глубже погрузился в кресло, словно надеялся отдохнуть именно в нем, и закрыл уставшие, красные глаза...

Негласное задержание «Каина» диктовалось необходимостью проведения оперативной игры с американской разведкой. И действительно, сотрудники ЦРУ в Москве в течение почти года «питались» информацией своего агента, «приезжавшего» в командировки из Дальнего Востока в Москву.

Военные контрразведчики снабжали янки «добротной» информацией, получая за неё деньги. Агент «работал активно» — ему верили.

ИЗ МЕТРО "ПРОЛЕТАРСКАЯ" ВЫЙДИТЕ НА ВОРОНЦОВСКУЮ УЛИЦУ. ИДИТЕ ПО ЛЕВОЙ СТОРОНЕ ВОРОНЦОВСКОЙ, К ТАГАНСКОЙ ПЛОЩАДИ. КОГДА ВЫ ПЕРЕСЕЧЕТЕ ЛАВРОВ ПЕРЕУЛОК, ВЫ ПОДХОДИТЕ К ДОМУ NO. 30, КРУПНОЕ ЗДАНИЕ, СЕРЕДИНА КОТОРОГО В УСЛУЖБЕНИИ ОТ УЛИЦ. НАД ЦЕНТРОМ ЗДАНИЯ КРУПНАЯ ВЫСТАВКА "ПАРИКМАХЕРСКАЯ". ЧУТЬ ЗА ЭТОЙ УГЛУБЛЕННОЙ ЧАСТЬЮ ЗДАНИЯ, ГДЕ СТЕНА ЗДАНИЯ ВЫХОДИТ К УЛИЦЕ, НА СТЕНЕ УВИДИТЕ КРУПНЫЙ НОМЕР ДОМА "30", И СРАЗУ ЗА УГЛОМ, УВИДИТЕ "ОБЪЯВЛЕНИЕ" ДОСКУ. ОСТАНАВЛИВАЯСЬ ПРОЧИТАТЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ И КОГДА В РАЙОНЕ НЕТ ПЕШЕХОДОВ, ПОСТАВЬТЕ ВАШ СИГНАЛ НА СТЕНЕ ЗДАНИЯ, ЧУТЬ ПОД ЦЕНТРОМ ДОСКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ. ВАШ СИГНАЛ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ 10 СМ. ВЫСОТОЙ, БЕЛЫМ МЕЛОМ ИЛИ ПОДОБНЫМ СВЕТЛЫМ КАРАНДАШОМ. ПОСТАВИВ СИГНАЛ, ПРОДОЛЖАЙТЕ ПО ВОРОНЦОВСКОЙ УЛ. К МЕТРО "МАРКСИСТСКАЯ" НА ТАГАНСКОЙ ПЛОЩАДИ, И ПОКИНЬТЕ РАЙОН НА МЕТРО. ПОМНИТЕ ЧТО ПРОСИМ ПОМЕТИТЬ СИГНАЛ ТОЛЬКО КОГДА СТЕМНЕЕТ, КОГДА КАК МОЖНО МЕНЬШЕ НАРОДУ В МЕСТНОСТИ.

Так американцы «разжевывали» агенту постановку очередного сигнала в операции по связи (изъято при обыске)

Примером тому может служить одна из операций, проведенная 3 марта 1982 года. Известив поставленной меткой, согласно плану по связи, своих хозяев о «прибытии» в столицу, агент вышел на встречу в условленное место. Он надеялся встретиться с Володей — Макмэхеном. Однако по указанию резидента ЦРУ на встречу был направлен второй секретарь экономического отдела посольства, установленный нашей контрразведкой разведчик Джозеф Макдональд.

Накануне операции американец специально мельтешил перед охраной посольства в белом плаще и серой кеп-

В зале Верховного Суда СССР
оглашается приговор А. Иванову

ке. В этом же одеянии он выехал на машине в город на встречу с «советским другом». В 20.30, держа в левой руке условный сигнал, — свернутую в трубочку газету, Иванов стоял недалеко от входа на Даниловское кладбище. Он ждал Володю, озираясь по сторонам. В сгущающихся сумерках он пытался в прохожих разглядеть знакомую фигуру своего патрона. Однако к агенту подошел не Володя. Это был незнакомый мужчина, выше среднего роста, в темном пальто и черной меховой шапке из кролика, с белой полиэтиленовой сумкой в руке.

— Вы друг Володи? — обратился он к Александру.

— Да, и прошу передать ему привет, — ответил на пароль агент.

— Меня зовут Алик, — представился незнакомец, внимательно разглядывая своего помощника.

Иванову показалось, что американец нервничает и чего-то остерегается. Он постоянно крутил головой, озираясь по сторонам и уводя своего агента в глубину темной аллеи. Там начался буквально вопросный прессинг: когда приехал, что привез, как послужит...

Д. Макдональд обокрал агента
на 8000 рублей

Беседу записывал на диктофон, который после опроса спрятал во внутренний карман пальто. Из бокового кармана он достал авторучку и передал её Александру.

— Здесь новый план связи, новые задания по сбору информации, — на лету скороговоркой рассказывал о предназначении «хитрого самописца». Потом он снова вытащил диктофон и стал записывать дополнительные ответы. Когда же агент напомнил обещание передать ему 10000 рублей, Алик выключил диктофон и опять положил его в карман, а Александру

вручил пакет с деньгами.

— Сколько тут? — спросил агент.

— Столько, сколько просил, — последовал ответ.

— Ну спасибо, а то я совсем на мели. Поиздержался. Передайте привет Володе.

После утвердительного кивка Алик порекомендовал разумней тратить деньги и ускорить процесс перевода в Москву.

— Вы нам здесь нужнее, особенно сейчас и завтра...

В кабинете следователя Иванов пересчитал деньги — 2000 рублей. «Что это, вместо десяти тысяч целковых передал только две? Забывчивость или прикарманивание? Не случайно же Макдональд не называл в беседе цифру, уклонялся от разговора на эту тему и спрятал диктофон, когда заходил разговор о финансах, — рассуждал подследственный. — Явно обманул он своё начальство. Оказывается, крохоборы и у них есть».

Передав через Макдональда агенту шпионские инструкции, американцы невольно «позаботились» о профессиональной подготовке не столько своего помощника, сколько военных контрразведчиков, — естественно, не зная, что тот уже под чекистским колпаком. Вот что было написано в инструкции для пользования авторучкой: «Внешне авторучка ничем не отличается от обычной, и ею можно писать, как любой другой. Для нанесения тайнописи необходимо убрать вовнутрь пишущий стержень, а концом корпуса наносить тайнописный текст на листах чистой бумаги или полях книги. Писать следует только на бумаге хорошего качества. В случае сильного давления могут появиться коричневые следы...»

В ожидании уголовного процесса Иванов часто предавался философствованию. Он считал свой суд над собой, несомненно, выше суда державного.

Обиды на чекистов он не таил. Пройдет еще несколько месяцев — и в 1982 году в зале судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР он скажет, что глубина его падения велика, но она была бы неизмеримо большей, если бы военные контрразведчики на ранней стадии не пресекли зло, не остановили его падения.

Трудно было понять, чего было больше в таком неожиданном пассаже: искренности на исходе душевной разрядки или скрытности в тактике самообороны.

Вместе с тем как человеку, работавшему по этому делу, анализирувавшему материалы падения незадачливого «бизнесмена от секретов», Стороженко было жалко, в хорошем понимании этого слова, сломанной судьбы молодого, способного, но, к сожалению, избалованного человека.

Самое главное в рассуждениях Иванова — то, что вину за случившееся он взял полностью на себя. Значит, прозрел и покаялся!

Позади остался кошмар плавания по морю Предательства, впереди текла река Искупления, по которой ему надо будет плыть. Упавший да сумеет подняться, чтобы идти дальше!

ТЯЖЕЛЫЙ УРОК

*Сравнить предателя не с кем и не с чем.
Я думаю, что даже тифозную вошь
сравнение с предателем оскорбило бы.*

М. Горький

Стороженко сидел в кабинете за стопкой очередной чекистской почты. Много было шифротелеграмм по обстановке в зарубежных аппаратах ГРУ, ответов на запросы, агентурных сообщений и прочих материалов.

Раздался телефонный звонок. Майор Пашкин из ГРУ ошарашил начальника отделения «чепэшной» вестью — в посольстве СССР в Афинах исчез сотрудник военной разведки полковник С. Бохан. Поиски офицера в течение суток не дали никаких результатов. Местная полиция тоже в неведении, хотя сразу же подключилась к розыску. Иностранные посольства, в том числе и американское, в категоричной форме отрицали факт обращения к ним советского дипломата.

— Михаил Иванович, — спокойно сказал Стороженко Пашкину, — по приезде в отдел доложите все материалы по беглецу. Мне кажется, он уже где-то попадал в наше поле зрения, — не вспомните?

— Да, проходил по первой командировке, но подробно я вам доложить сейчас не могу.

— Свяжитесь с командованием, ознакомьтесь с результатами разбирательства в ГРУ, установите служебные и бытовые связи беглеца. Позвоните куратору этой резидентуры по линии внешней контрразведки. Меня больше всего интересует один вопрос: с какими документами, особенно по людям, — надеюсь, понимаете, о чем идет речь, — Бохан соприкасался, где эти люди? — Он долго перечислял ему необходимые дополнительные меры, нужные для проведения качественного анализа и выдвижения вероятных оперативных версий...

Полковник Бохан в Греции был второй раз. Обстановку в стране знал прекрасно. Завел широкие связи среди бизнесменов, журналистов, политологов, что ему было необходимо по «крышевой» должности — первого секретаря посольства. В Центр он посылал материалы, которые оценивались по-разному, чаще всего невысоко, однако нахождение в командировке он умело прикрывал видимостью постоянной черновой работы с якобы перспективами приобретения новых источников информации. По наблюдениям сослуживцев, у него водились большие деньги. Семья жила не по средствам — это замечали многие. Одни считали, что он ворует из сумм, предназначенных для оплаты агентуры, — недодает помощникам. Другие подозревали его и жену в крупных спекулятивных сделках, в том числе и на ниве нумизматики. Третьи, — их было мало, — считали, что прирабатывает где-то на стороне, причем грязным путем, вплоть до предательства.

Были у него и какие-то личные связи среди местных спекулянтов-дельцов. Общался с богатыми нумизматами Афин. За первый год второй командировки приобрел несколько комплектов дорогой видеоаппаратуры, мебели, автомашину «Волга» с дизельным двигателем и много «шмоток», как любил выражаться сам исчезнувший.

Вещизм, страсть к накопительству поглощали всё остальное. Мысли его выстраивались в одном направлении: жить лучше других любыми путями. Эти пути, естественно, торил супруг, державший жену практически в роли служанки. Он был лидером в семье.

Ярким майским утром, захватив жену, Бохан отправился на машине прогуляться по окрестностям древнего города. До Эгейского моря было рукой подать. Он двинулся по этому маршруту, согласовав его с местными властями и своим начальством.

Греция нравилась ему климатом и богатой историей. Он с интересом рассказывал жене и сыну о далеком былом этого живописного края. Еще в первой командировке он показывал семейству древние стены Акрополя, легендарную гору Олимп. Ездили по стране много и часто. Вот и сейчас из окон машины они любовались крутыми склона-

ми невысоких гор из сланца и гранита. Межгорные котлованы утопали в зелени садов и парков. Реки, коротенькие, с быстрым течением, напоминали Кавказ. Проплывала сказочная растительность: мирт, древесный вереск, земляничные деревья.

Сколько бы они не колесили по стране, жена всегда с наслаждением любовалась прелестями окружающего. Она умела искренне удивляться, заражая этим других членов семейства.

— Сережа, ты чего такой кислый? — зашебетала жена, обращаясь к молчащему супругу. — Со мной не хочешь общаться? Вещь в себе — и только! Обиделся или нет настроения?

— Нет, жизнь не по той колее идет. С начальством никак не могу установить рабочего контакта. Работа валится из рук.

— Сейчас ты мне скажешь, что видишь дальше и глубже, чем твои начальники. А ты приземлись, живи проще, по принципу — день пережит и слава Богу! Они не стоят твоих подмётков. Чего переживать? Квартиру новую получили, машина есть, купим дачу и заживём, как следует. Не понравится — уйдешь на пенсию. Осталось немного.

— Нет, надо выбрать тут всю валюту. Доскрести до доньшка. Домой успеется, — он нажал на тормоз, отчего жена от неожиданности по инерции резко подалась вперед.

— Вот сволочь, подрезал. Чуть было не задел лихача. Слава богу, тормоза не подвели, а то попал бы в аварию.

Вскоре Боханы уже подъезжали к большой воде. С близкого расстояния море казалось пятнистым: голубое, синее, желтое, даже с красноватым оттенком в некоторых местах. Всё в пятнах разноцветных бликов огромных размеров. Особенно жене понравились те части поверхности моря, которые имели фиолетовый цвет. Они напоминали раскраску фиалок в бабушкином саду.

У берега города Пирея стояли яхты разных типов, размеров и окрасок, покачиваясь с борта на борт, когда мимо них стремительно проносились быстроходные катера.

Супруги погуляли пешком по городу-порту.

— Кстати, это третий по величине город Греции после Афин и Солоник, — пояснял внешне с безразличным видом

Сергей. — Первоначально здесь было небольшое поселение, а в пятом уже веке до нашей эры была заложена военная гавань, превратившаяся вскоре в мощную морскую крепость, обнесенную стенами. Эта линия укреплений соединялась с зоной обороны Афин так называемыми «длинными стенами». Укрепления города были разрушены Суллой в 86 году до нашей эры. После изгнания турок в 19 столетии начался расцвет Пирея. Во время минувшей войны многие портовые сооружения немцы уничтожили. Сейчас это крупный промышленный и политический центр Греции.

— Мне показалось, что из Афин в Пирей мы ехали как по греческой столице. Прошлая мимолетная поездка у меня такого впечатления не создала, — поделилась супруга.

— Дело в том, что расстояние между Пиреем и Афинами всего лишь восемь километров, и оба города сегодня практически соединились. Застраивается Греция быстро. Ты же сама говоришь, — райский уголок, а кто от рая откажется?

Жена внимательно слушала монолог мужа.

— Наслаждайся. Может, уже никогда не придется созерцать таких красот, — буркнул Бохан не то по инерции своих мыслей, не то просто так, из-за бахвальства сотворенного им для супруги путешествия.

Подъехали домой вечером. Они разгрузили машину и вошли в дом...

К ночи, когда супруги улеглись спать, Сергей долго ворочался, вздыхал и был неестественно напряжен.

— Что с тобой, Серёжа? Влюбился, что ли?

— Просто нет настроения...

— Выпей снотворного. Он в холодильнике на дверной полке.

— Если не смогу уснуть ещё полчаса — приму.

А через час он встал с кровати и прошел на кухню. Жена, встревоженная бессонницей супруга, машинально взглянула на индикатор электронных часов. Ярко-зеленым цветом на экранчике высвечивалась цифра 02.00.

Бохан же в это время включил приемник и что-то внимательно стал слушать. Супруга не вытерпела и решила всё же пригласить в постель непослушного мужа. Она решительно встала и мягкой походкой подошла к кухонной две-

ри. Её взору предстала картина: Сергей, сидя за столом спиной к ней в наушниках, слушал, по всей видимости, какую-то радиопередачу. Он вначале не заметил посторонних глаз, но когда супруга тронула его за плечо, испуганно вскочил и обернулся. Тут же выдернул штекер из гнезда в приемнике и стал сбивчиво объяснять:

— Мне это надо... крайне надо по службе. Я не получил всего объема информации. Не мешай, прошу тебя, дай мне сосредоточиться. У меня большой объем работы завтра... надо докладывать руководству... иди, пожалуйста, отдыхать.

— Так бы и сказал, а то чего-то темнишь, — она увидела, как он побагровел, как заходили желваки за пухлыми щеками, однако продолжила: — Такой нагрузки у тебя раньше не было. Получается, ты один отдуваешься за всех. Что они, твои подчиненные, все бездельники?

— Всё ты знаешь... подобная напряженка была всегда, — Сергей стал по-мальчишески запальчиво втолковывать ей то, что жене военного разведчика за рубежом должно быть понятным. — Просто ты не видела всей изнанки моей службы.

Супруга повела плечами и направилась в спальню с мыслями: «Нет, тут что-то не то. Такой депрессии у него никогда не было».

На службу полковник ушел рано. Покидал квартиру каким-то взъерошенным, объясняя усталость бессонницей и постоянными думами о службе, которая делается для него с каждым днем всё тягостнее и изнурительнее. Супруга не на шутку встревожилась: он всегда был сдержанным, а в последнее время стал срываться, хотя и пытается подавлять в себе эмоциональные выбросы. Его поступки свидетельствуют о необъяснимой депрессии.

Не надо забывать: Бохан был опытным и зрелым военным разведчиком, поэтому, как мог, сдерживал себя в коллективе. Расслаблялся только дома, в семье, перед женой — умной и наблюдательной, которой удавалось улавливать то, что пряталось им от сослуживцев. Одолевавшую его недоверчивость считал вовсе не пороком, а наступлением мудрости. Настороженность он мастерски прятал, продолжая представляться работягой на службе и дома.

С женой был ровен и люб, однако на похвалы скупился, считая, что они, подобно золоту и алмазу, имеют цену только из-за их редкости. Женщины другого мнения по этому поводу. Они воспринимают уважение и любовь к себе не столько сердцем, сколько ушами. А вот в правдоподобность этого психологического постулата он не верил. Заблуждался и в другом, пытаясь провести женскую наблюдательность, забывая, что часто женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность.

В дом тащил всё, как хомяк за щеку и в норку: покупал, доставал, выменивал... всё про запас, на черный день. Квартира постепенно превращалась в склад — коробки с запчастями для машины, радиотовары, обувь, одежда, безделушки. Часто приобретал без советов с женой, по принципу: понравилось — взял!

Однажды он принес видеосистему, хотя одна уже стояла в комнате, а две находились в московской квартире. Стоила она в Греции по тем временам немалые деньги. Супруга возмутилась.

— Дурочка, я получил её почти даром. Взял для продажи. Деньги вернутся с наваром, — резко оборвал он жену.

Женщина косвенно, по только ей ведомым признакам стала догадываться о существовании у супруга дополнительного источника финансов, хотя он и пытался безуспешно навязывать ей мысль о прибыльных операциях с нумизматикой. Но она почему-то не верила этому объяснению.

Через месяц упали в цене некоторые вещи, приобретенные Сергеем для перепродажи. Другие из-за дороговизны в Союзе никто не брал. И вот тут-то супруга дала волю издевке:

— Коммерсант нашелся... самоучку видно сразу. Понимаешь, Сережа, у тебя для бизнеса нет навыков предпринимателя.

— Замолчи, мне и так тошно, — гаркнул супруг. На обострение семейной перепалки у него не хватило сил.

Он любил роскошь квартиры, кабинета, гардероба. В ней он находил удовольствие, созерцая себя как бы со стороны. Счастье — как здоровье: когда его не замечаешь, значит, оно существует. Он же упивался радостью жизни за границей, особенно не обремененной тяжестью в добыва-

пии куска хлеба, как это часто видел среди земляков — селям на Украине. Они — эти рабы двора и огорода, колхозного поля и трактора — за более тощий кусок хлеба, чем Греческий, трудились от зари до зари, набивая мозоли и спиваясь.

Ему же на службе везло. Там, где многие перенапрягались, ему удавалось проскочить легко: то господин Случай поможет, то Пронырливость, то Заискивание. Поэтому у него не было оснований жаловаться на жизнь. Миловидной женой, с которой приятно было появляться в обществе, он открыто восхищался на людях, хотя дома ей никаких комплиментов не дарил. На представительских мероприятиях жена была в центре внимания дипломатических пар. Женщины ей завидовали, мужчины — восхищались. Всё шло размеренно и комфортно. И всё же для жены не остался не замеченным процесс какого-то перерождения души супруга. Вторая командировка проходила у него более напряженно, чем та — первая, будившая приятные воспоминания.

Вот и сейчас Сергей ушел, а она стала у окна наедине с тревожными раздумьями: «Что его так угнетает? Отчего у него такая дикая бессонница? Участились неожиданные отлучки в вечернее время, после которых он возвращается домой с плохим настроением. Объясняет раздражение усталостью. Но меня не проведешь, я чувствую в его ответах фальшь. Почему он молчит, если есть необходимость выговориться? Раньше такого никогда не было. Приходит со службы, как выжатый лимон. Чего-то остерегается, а чего — не пойму никак...»

Пашкин докладывал Стороженко материалы на Бохана. По первой командировке в Греции на исчезнувшего были сведения о каких-то сомнительных, до конца не выясненных, контактах с американским бизнесменом. Эта связь объяснялась служебной необходимостью, но только частично. По заявлению сослуживцев, Бохан излишне нервничал, организуя встречи с этим респектабельным американцем, с которым установил доверительные отношения. Руководство резидентуры вскоре потеряло американца из вида.

Следует заметить, что Бохана однажды видели выходящим из гостиницы в центре Афин. Тогда не придали этому значения, да и командование взяло под защиту тот визит Бохана в отель, объяснив оперативной необходимостью. Теперь нельзя исключать, что подобные визиты он делал не раз.

— Это уже интересно. А почему такие материалы лежали без выяснения истины столько времени? Вы запрашивали дополнительно внешнюю контрразведку? — спросил Стороженко.

— Нет, тогда не успел. Накатился ком других, более интересных материалов, отодвинувших бохановские на второй план.

— На второй план, на второй план... Что-то мы с вами обленились донельзя. Прекратили думать и анализировать. Это ведь очень интересный субъект уже в то время был. Им тогда следовало бы заняться всерьёз. Дай такие материалы на периферию — они были бы «обсосаны» до косточек, а мы с вами, получается, слишком богаты, поэтому бросаем их легко и просто. А задумывались ли вы о возможных тяжелейших последствиях для военной разведки? — спрашивал подчиненного Николай. — Нет, не задумывались! А должны были...

— Николай Семенович, кто-кто, а вы должны понять, что сил у нас нет тащить полную арбу таких сигналов. Сами знаете, что в последние годы мы задыхаемся от наплыва подобных материалов. Сегодня атака на военных разведчиков идет и слева, и справа. Их бьют, кому не лень, — и наши безголовые руководители, и головастый противник, — пытался оправдаться подчиненный.

— Прости за кнут, не всегда же пряником кормить. Мы оба виноваты с тобой, особенно я, — подытожил Стороженко. Он никогда не позволял себе повышать тон на подчиненных и привык ответственность брать на свои плечи. Михаила он знал давно как предельно честного человека, исполнительного оперативника. Он был волом, тащившим одно из важнейших подразделений ГРУ. Правда, ему время от времени требовалось давать подробные инструктажи, а иногда и подстёгивать в срочных делах.

— Согласись, Боханом надо было плотно заниматься сразу по возвращении из первой загранкомандировки.

— Принимаю критику... виноват я.

— Ну, если принимаешь, тогда слушай: рабочий день начинай с доклада о ходе розыскных мероприятий. Прошу подготовить обобщенную справку по всем имеющимся материалам. Кстати, кто вылетает руководителем комиссии в Афины?

— Полковник Новиков.

— Вот и прекрасно. Ты его хорошо знаешь, поэтому попроси в ходе работы на месте обратить внимание на такие моменты... — он стал перечислять их.

Через несколько дней ведущие информационные агентства мира — Рейтер, Ассошиэйтед Пресс и другие — передали сообщение, что советский военный разведчик полковник Бохан попросил политическое убежище в США. Американские власти положительно отреагировали на просьбу офицера ГРУ. Через сутки после обращения якобы в американское посольство в Афинах его вывезли на военнотранспортном самолете из Греции на одну из военных баз в Западной Германии, а затем спешно доставили в Штаты.

В Афины из Москвы вылетела комиссия ГРУ, которой удалось пролить свет на факт исчезновения полковника-дипломата. Правда, эту информацию надо было ещё тщательно просеять оперативникам военной контрразведки, отделив истину от лжи. Начальник одного из управлений ГРУ ознакомил чекистов со справкой, подготовленной вернувшейся из греческой столицы комиссией. В секретной тетради Стороженко появилась выписка из справки: «...Бохан за период командировки с 1983 по 1985 гг. жил явно не по средствам... Перечень его связей и их характер позволяет сделать однозначный вывод, что он мог попасть в поле зрения спецслужб противника...»

Далее шло перечисление признаков, под которые подпадал беглец, как агент ЦРУ, испугавшийся разоблачения. Дополнительная проработка материалов показала, что страсть к нумизматике уже не ограничивалась желанием иметь приличную коллекцию, а втянула его в крутой бизнес. Свершилось перерождение офицера в дельца. По характеру он был трусоват, хотя перед женой стремился про-

демонстрировать сталь в голосе, а перед сослуживцами — натуру трудоголика.

Накопительство, стремление больше взять, чем кому-то отдать, постепенно сформировали в нем эгоиста, давно не считавшегося с чужим мнением, даже если оно претендовало на истину. В армейском единоначалии виделось ему посягательство на личность. Увлечшись бытоустройством, он отодвинул на задний план вопросы трудной и ответственной работы. Заграничную командировку считал за главный источник наживы.

В последние месяцы Бохан чего-то боялся. Пытался наладить хорошие отношения с офицером безопасности посольства. Он страшился выезда в СССР.

Прибывший из Афин полковник Николаев в беседе со Стороженко и Пашкиным поделился личными наблюдениями:

— Анализ всего того, что я там прочел, услышал и увидел, позволяет сделать вывод: он сбежал, будучи завербованным. Бохан рогами упирался, чтобы только не ехать на совещание в Москву. Я думаю, он боялся вашего колпака, боялся быть арестованным на Родине. Его дважды вызывали в Центр. В первый раз он сослался на болезнь, а второй раз — «опоздал» на самолет...

Через несколько дней на стол Стороженко легла справка о принадлежности американского «нумизмата» к ЦРУ. Он являлся разведчиком — вербовщиком, специализирующимся по разработке советских граждан. Его деятельность такого плана фиксировалась нашей внешней контрразведкой в Заире и Сомали.

Посольство СССР в Вашингтоне. Консульский отдел делал всё возможное и невозможное, чтобы власти разрешили встречу с Боханом как гражданином Советского Союза. В прошлом отмечались случаи насильственного захвата наших сотрудников с последующим объявлением в прессе о добровольном их переходе на сторону противника с одновременно активным процессом перевербовки.

По заявлению представителей США, русский якобы отказывается от встречи с советскими дипломатами. Однако через несколько месяцев в результате решительного воз-

действия советской стороны на правительственные структуры США, они, стремясь избежать общественного резонанса в связи с подозрениями о насильственном удержании гражданина СССР, наконец представили возможность встретиться с перебежчиком...

Прибыл Бохан на встречу с соотечественниками в сопровождении двух дюжих штатских. Они внимательно слушали. Полковник открыто заявил об отказе возвращаться на Родину, отметив, что попросил политическое убежище в США добровольно на основании продуманных шагов. После этих коротких фраз он быстро удалился, отказавшись, таким образом, отвечать на приготовленные советскими дипломатами вопросы...

А через несколько месяцев начала «сыпаться» закордонная агентура ГРУ, которую знал перебежчик по документам или работал с нею. Стало предельно ясно, что Бохан сдает святая святых разведки — своих помощников, зарабатывая доверие новых хозяев.

Приехавший из Греции офицер ГРУ полковник Багров поведал Стороженко, что сразу же после побега предателя во вражеский стан в Греции поднялась такая волна шпиономании и антисоветского психоза, что в одночасье была парализована работа всех служб посольства. В каждом россияне видели «глаза и уши» Москвы. «Вот уж истинно справедливы слова, — подумалось Николаю, — о том, что дурные последствия преступлений живут гораздо дольше, чем сами преступления, и призраки убитых, а в данном случае преданных, всегда следуют по пятам за злодеем».

Последовавшие затем почти поголовные аресты подозреваемых, задержание и изучение связей наших даже «чистых» дипломатов как раз и свидетельствовали о наступлении тех тяжелейших последствий предательств, о которых подозревали оперативники...

Рабочий день на Лубянке заканчивался. В настенных электронных часах что-то щелкнуло. Стороженко бросил взгляд на белый циферблат серого квадрата часов: было десять часов вечера.

— Ну ладно. Пора и меру знать. Домашние, небось, заждались. Пока доеду — будет как раз двадцать три. А завтра в шесть надо встать.

Он собрал документы и положил их на верхнюю полку сейфа. Там у него лежали самые важные и срочные материалы, требующие продолжения работы с ними на следующий день. Как-никак в разведке с перебежчиком такого высокого ранга — полковником ГРУ — он встретился впервые, и нужны были консультации со специалистами территориальных органов контрразведки. Именно назавтра намечена встреча с розыскниками — профессионалами высокого класса.

Следственный отдел КГБ СССР возбудил уголовное дело по факту побега военнослужащего, квалифицируя его действия как измена Родине.

Для Стороженко это был трудный урок.

Вышестоящее руководство упрекало его в том, что он не смог предупредить предательства. Уже первая командировка изменника должна была пролить свет на личность офицера. Николай во многом соглашался. Вину на подчинённого не перекладывал, хотя прекрасно понимал, что первую тревожную информацию на Бохана должен был доложить оперативник — непосредственный куратор греческого участка ГРУ..

Пройдет время — и чекисты станут получать сведения, что предатель, изменив внешность, стал ездить по Штатам с миротворческими лекциями. Надо отметить, что особого доверия со стороны ЦРУ и ФБР он на тот период не получил. А потому его надо было зарабатывать ценой дальнейших унижений и предательств, что он делает, наверное, и по сей день.

Семья его осталась в Союзе.

СКОЛЬКО СТОИТ СЧАСТЬЕ «КОММЕРСАНТА»

*Предательство, может, кому и нравится,
предатели же ненавистны всем.*

М. Сервантес

Полковника Васильева и его семью на Киевском вокзале столицы провожали родственники и друзья. Он был назначен на должность помощника военного атташе советского посольства в Будапеште. Как принято в таких случаях, все желали ему успехов на служебном поприще, а заодно и материального благополучия. И без того скудный бюджет семейства, как считал «бедный» полковник, подтачивали в последнее время подросшие дети, кусающиеся цены и личные возрастающие запросы.

Васильев слушал провожающих с какой-то отрешенностью. Он понимал, что эти люди пришли сюда в основном ради приличия.

— Ну а теперь «погладим» дорогу, — с этими словами он откупорил бутылку и стал разливать в пластмассовые стаканчики пахуче-терпкий напиток. Посыпались советы, пожелания, напутствия.

Несмотря на радость, вызванную отъездом, Васильев чувствовал себя обойденным. Многие его однокашники уже по третьему заходу съездили в командировки в престижные страны, а он, летчик первого класса, окончивший Военно-дипломатическую академию, который год сидел на приколе. Правда, был один выезд. В начале семидесятых годов он попал в Канаду, но вскоре был выдворен оттуда в ходе начавшейся кампании против сотрудников советских спецслужб.

Долго, очень долго пришлось ждать предложение выехать в очередную командировку. Хотелось попасть в капиталистическую страну, однако предложили Венгрию — без долларов, марок, фунтов.

Тесть его будущего непосредственного начальника в Венгрии носил маршальские погоны. С одной стороны,

это радовало — за таким руководителем, как говорится, не пропадешь, с другой — настораживала непредсказуемость поведения очередного баловня судьбы.

Возгласы провожающих вывели его из задумчивости. Приближалось время отхода поезда. Наконец электровоз плавно сдвинул с места зеленый состав, и вагоны, поскрипывая, покатались на запад. Он с семьей в купе. Позади Москва, впереди Венгрия — незнакомая страна.

Лежа на вершей полке, Васильев предавался сладостным мечтаниям. Ему казалось, что после трех лет пребывания за границей он обязательно приобретет машину, кооперативную квартиру, дачу на берегу речушки и заживет так же, как и его друзья-удачники. Он им почему-то всегда завидовал.

Будапешт приветствовал Васильева разливом рекламных огней, многоголосьем восточного вокзала Келлети. Встречали будущие сослуживцы. Они же отвезли семейство в приличную, со вкусом обставленную квартиру: живи — не хочу, хозяин!

На следующий день с утра полковник Васильев в форме авиационного офицера предстал перед военным атташе полковником Зобиным...

Служба вначале понравилась: протокольные встречи, представительские мероприятия, банкеты, экскурсии, дипломатические знакомства, несложные отчеты о проделанной работе — всё же дружественная страна. Они с супругой вновь обрели мир, подслащенный, как было во все времена, дипломатическими любезностями, дежурными улыбками, искусственными жестами, за которыми стоял холодно-трезвый расчет с неистребимым желанием выудить «нужную» информацию. Они окунулись в мир, где лицемерие превратилось в дань, которую порок постоянно платит добродетели. Благородные сердца там трудно уживаются, так как они говорят только откровенно, искренне, от всей души.

Дни, недели, месяцы летели незаметно. Получаемые форинты и филеры быстро таяли, грозя несбыточностью задуманным планам.

На протокольных мероприятиях он видел совершенно иные манеры западных дипломатов, отмечая про себя их внешнюю безукоризненность и внутреннюю раскованность, которых так недоставало нашим людям. «У нас какая-

Полковник Р. Бакнер,
вербовщик В. Васильева

то закомплексованность, мы до конца не выдавили из себя рабов. Как жалок вид наших людей, какие они затурканые!» — размышлял Васильев. В круговерти повседневности он всё чаще и чаще ощущал себя униженным человеком, несмотря на принадлежность к супердержаве.

Американцы вели себя нагло, напористо, порой даже дерзко. Они всячески подчеркивали свою исключительность. Ведя с ними диалог, Васильев, как ни странно, не чувствовал скованности. Он с порази-

тельной откровенностью обсуждал на протокольных встречах мировые проблемы, уровень жизни в своей стране, подчеркивал любовь к авиации и принадлежность к воздушным асам, даже поругивал после очередного «бесплатного» тоста порядки в государстве и армии, особенно охотно беседовал с американским военным атташе полковником Ричардом Бакнером. Его непринужденность в общении, начитанность, знание русского языка притягивали Васильева.

Ричард всячески подчеркивал, что ему интересно беседовать с советским пилотом, так как он сам собирался стать летчиком, но из-за неудовлетворительного состояния здоровья не был допущен к сдаче экзаменов.

Васильев оказался на любимом коньке. Фантазия отменного рассказчика воодушевляла бывшего летчика. Были и небылицы будоражили воображение. В свою очередь бывалому «летуну» казались искренними откровения Бакнера. Частые представительские мероприятия так «сдружили» двух полковников, что они вскорости перешли на «ты».

Однажды МИД Венгрии организовал для дипкорпуса, аккредитованного в Будапеште, поездку по достопримеча-

тельностью столицы. Автобус часто делал продолжительные остановки в живописных и исторических местах. Бакнер и Васильев общались, как давние знакомые: вместе курили, «травили» анекдоты, дивились увиденному, попиwali фройчи и палинку.

В районе многочисленных охотничьих и рыбацких забегаловок нашли корчму с оригинальным интерьером — сетями, муляжами рыб и раков. Уселись у самого окна. Заказали по погару холодного с газом фройча — удивительной смеси сухого вина и содовой воды. Выпили с удовольствием, закусили пахучими горячими сардельками со сладковатой местной горчицей.

Уже при выходе Васильев неожиданно задал Бакнеру нелепый на первый взгляд вопрос:

— Ричард, что тебе не хватает для полного счастья?

— Денег! — нашелся с ответом американец.

— А как бы ты поступил, если бы неожиданно вдруг получил миллион? Вот так, вдруг... получил, понимаешь, и всё?

Бакнер на мгновение замешкался. Он сразу понял, куда клонит советский друг. Интуиция опытного разведчика подсказала, что рыбка начала клевать на голый крючок — значит, голодна. И он нашелся:

— Я бы пустил миллион на бизнес! Открыл свое дело. Ну а теперь мой вопрос: а чего тебе не хватает для полного счастья? — ввернул янки.

Ответ был ошеломляюще прост:

— Мне не хватает пяти тысяч рублей! Я бы их потратил на покупку машины, а может, на приобретение какого-то заброшенного дома в деревне, где после увольнения со службы можно было бы коротать пенсионное время. Люблю возиться с землей — огородничать, садовничать.

— Так мало ты хочешь?

— Больше мне не нужно. Понимаешь, сейчас я хочу реализовать программу-минимум в ходе заграничной службы.

— Трудно на зарплату её осуществить? Я имею в виду вашу, — заострил Ричард.

Как показалось вначале Васильеву, разговор дальнейшего развития не получил. Однако совсем по-иному оценил намёк опытный американский разведчик.

Прошло несколько дней. На приёме в одном из посольств по случаю национального праздника они встретились снова. В конце вечеринки американец, проходя мимо советского офицера, стоявшего в отдалении от коллег, совершенно открыто вручил ему коробку конфет. Передавая сладости, Бакнер с улыбкой заметил:

— Нижайший поклон супруге. Передай ей мой небольшой презент — здесь конфеты, а внутри есть кое-что и для твоего счастья.

После этих слов он отошел в сторону и вступил в беседу с военным атташе Италии. Васильева заинтриговали слова, сказанные Ричардом, относительно счастья. Он прошел в туалетную кабину, открыл коробку. На конфетах лежал конверт с деньгами. Ровно 5000 рублей. Ни меньше, ни больше. И записка: «Милый Володя, не обижайся. Для меня в рублях это не сумма — пустяк. Пока деньги в Советском Союзе в цене — делай счастье. Не пытайся сглупить. Впереди ещё много времени. Разбогатеешь — отдашь. С искренним уважением Ричард».

Сначала он обрадовался материализованному ответу на его в целом абстрактный намек, но когда деньги оказались в кармане, разволновался. «Всё, я влип. Это вербовка. За этим последует перевод внешне дружественных отношений в русло оперативных контактов, а затем прочной шпионской связи, — обожгли вначале мысли. — Нет-нет, я всё верну, всё до копейки, ведь это просто долг», — через мгновение начал успокаивать себя Васильев. Он искал оправдание промаху.

Приём закончился. Он сел с сослуживцами в автобус, который быстро довёз до посольства. Васильеву казалось, что коллеги догадываются о подозрительных контактах с Бакнером. Выдавал, как ему казалось, карман брюк, в котором лежали деньги. Улучив момент, он переложил пакет во внутренний карман плащевой куртки и успокоился. Вот и дом. Поднялся по ступенькам к квартире, позвонил в дверь. Открыла улыбающаяся жена.

— Что-то вы, синьор-помидор, запоздали. Программа, наверное, была интересной? Жаль, что из-за хвори я не смогла поехать с тобой, — с улыбкой произнесла супруга, назвав мужа ласковым словом, которое всегда вырывалось у неё при хорошем настроении.

— Ну, так как с ужином? Осилим вдвоём?

— Я сыт, но с тобой с удовольствием посижу.

— У меня сегодня гречневая каша с молоком — твоя любимая.

— Тогда не откажусь, а то уже надоели изысканные блюда, — он сделал ударение на последнем слоге ради шутки, — в чужих посольствах. Да, кстати, тебе большой привет от Бакнера и... подарок. Ты уж извини, не утерпел, посмотрел на конфеты, исполнив в первую очередь чисто саперную работу. Всё в целости и сохранности — мин нет. Не мог же я рисковать своей благоверной. Вот только на зуб не пробовал.

О деньгах он не проронил ни слова. Пакет с ними отнес в кабинет и спрятал в личный сейф.

Несколько дней прошли в глубоких раздумьях. Что же получалось? Он, Васильев, становится платным агентом иностранной державы и поэтому обязан будет продавать секреты, боевых друзей, данные оперативного характера? Что его ждет дальше? На последний вопрос он отвечать самому себе не хотел — боялся.

Однажды мелькнула мысль — вернуть деньги, но тут же потухла. Жажда наживы оказалась сильнее здравого смысла. Он вдруг «забыл», что вырос в трудовой семье, на руках матери, потерявшей мужа на Великой Отечественной войне. Запомнил о нелегком детстве, летном училище, верных друзьях-товарищах.

Васильев судорожно искал аргументы в оправдание случившегося...

Плавно несет свои воды Дунай. Будапешт в предутренней дымке, обещающей хорошее утро и знойный день. Сегодня впервые Васильев выходит на конспиративную личную встречу со своим коллегой, полковником военной разведки США Ричардом Бакнером. Встреча ответственная, «боевая», поэтому он заранее решил провести рекогносцировку местности, где они «обменяются» информацией.

Такой сценарий обещал американец, заявивший на очередном представительском мероприятии:

— Володя, давай встретимся одни в спокойной обстановке. Обговорим, как лучше организовать наше взаимодействие.

Васильев прекрасно понял намек — надо отрабатывать «любезность», которая при кажущейся безобидности таила в себе страшный подвох, способный круто изменить жизнь. С одной стороны, он надеялся на порядочность, что в вербовочных делах бывает редко. С другой — мечтал, что эта самая «отработка» не займет много времени и он ещё успеет искупить свой грех перед семьей, коллегами, наконец, перед страной.

Под предлогом посещения одной из воинских частей, с командиром которой он когда-то учился в летном училище, Васильев выкроил себе минут сорок для контакта с американцем. И действительно, вначале он побывал у друга, а через двадцать минут уже напряженно изучал на одной из окраин Будапешта предполагаемое место встречи. Всё было спокойно. Ничего подозрительного.

Удовлетворенный результатом, он поехал для доклада руководству о проделанной работе в подшефной части. А вечером сел на местный автобус...

Вот и место встречи. Он посмотрел на часы: было ровно 20.30. На углу дома его уже ждал Бакнер — странный, загримированный, трудно узнаваемый.

— Добрый вечер, Ричард, — выдавил из себя Васильев.

— Добрый вечер, — строго ответил американец. — У нас есть минут тридцать времени. Надо успеть многое. Я введу тебя в курс оперативной обстановки.

Как показалось Васильеву, в голосе собеседника зазвучали властные нотки. Бакнер выдал полный курс практической конспирации в условиях венгерской столицы. Долго инструктировал. Прелюдий почти никаких, иллюзии о добропорядочности отброшены. Инстинкт самосохранения подсказывал необходимость безропотного подчинения «лектору-практику», рекомендующему в суровой игре «в кошки-мышки» оставаться невредимым в двух ипостасях: советским разведчиком и американским шпионом. Правда, прощались тепло, договорились встретиться через десять дней в пригороде Будапешта на улице Вираг.

Возвращаясь домой, Васильев анализировал свои действия на встрече. Он словно был загипнотизирован доводами собеседника. То, что им совершено пакостное действие, сознавал, но выхода из создавшегося положения не нахо-

Место наблюдения за тайником «Открытка»

дил. Или не желал искать, — впереди маячили, как он считал, большие деньги.

Дежурный по военному аппарату посольства встретил Васильева с полным безразличием. Никто им не интересовался, а шеф уехал на Балатон в дом отдыха Южной группы войск.

Успокоившись, Васильев отправился домой, чтобы уже утром следующего дня приступить к отбору «товара» для американцев. Он делал выписки из секретных документов, выводил коллег в беседах на темы режимного характера, подбирал материалы, представляющие, по его разумению, интерес для новых хозяев.

Собранную информацию агент передавал в основном на личных встречах, маскируя письменные сообщения в пачках сигарет, книгах. Сначала совесть частенько стучалась в его душу, а потом о ней забыл. Бакнер никогда не корил за легковесность передаваемой информации. Он просто нацеливал на получение «интересного информационного штриха».

— Только тот, кто ищет, способен первично оценить важность документа и отобрать его для доклада, — убеждал не раз Васильева американец.

Он искренне заботился о безопасности и сохранности приобретенного агента, которому в ЦРУ дали высокую оценку, разработали перспективы его дальнейшего исполь-

зования, в первую очередь, на территории СССР в Генштабе — «десятке мишенной системы», о которой когда-то молодому оперативнику Стороженко рассказывал майор Деев.

Личные встречи и тайниковые операции были основными методами работы американцев с Васильевым на территории Венгрии. Кстати, к последним тщательно готовились, особенно к закладке и выемке. Так, место наблюдения за тайником под названием «Открытка» может служить примером высокого профессионализма. Любой подход к нему контролировался с одной точки, а человека, ведущего контрнаблюдение, скрывали густые кроны приземистых деревьев и декоративных кустарников. Четко описывались места постановки меток перед «боевыми» встречами: «Поэт», «Сокращение», «Парламент», «Угол» и другие.

Инструкции и задания агент получал от разведчика на растворимой бумаге, уничтожавшейся сразу после её использования. На одну из встреч Ричард принес в качестве «тридцати сребреников» 30000 венгерских форинтов.

— Возьми, Володя, они тебе пригодятся на расходы и угощения.

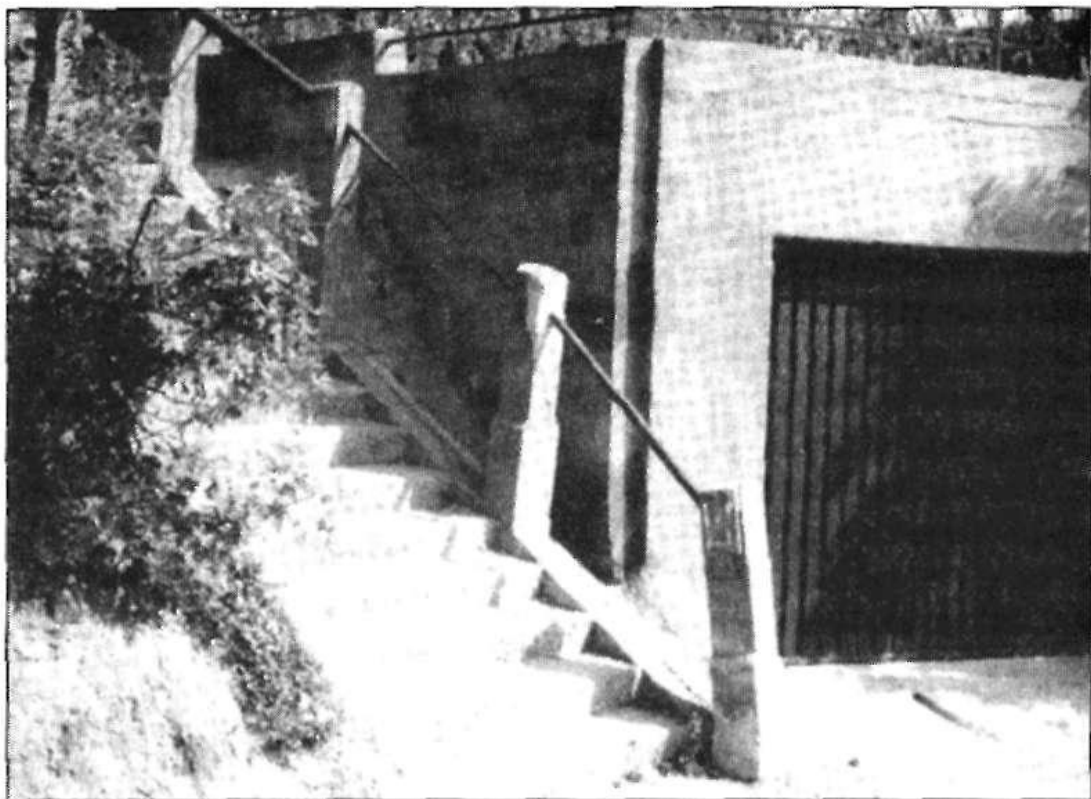
В ответ прозвучало:

— Спасибо за заботу.

Вскоре американцы сообщили агенту условия безличной тайниковой связи на территории ВНР, которая предусматривала шесть полных рабочих циклов и один рабочий сигнал. Указанная связь по линии агент-разведчик включала шесть тайников, семь сигналов и была рассчитана на год.

И всё же основная работа с Васильевым планировалась по возвращении его в Союз. Для этой цели он загодя снабжался шпионской экипировкой. На одной из встреч Бакнер предложил агенту приобрести в магазине Будапешта миниатюрный микроскоп с подсветкой для чтения микрограмм.

В погожий сентябрьский день в условном месте «Ступеньки» произошла моментальная встреча Васильева с неизвестным ему разведчиком ЦРУ — вице-консулом посольства США в Венгрии. Они обменялись совершенно одинаковыми кейсами. Агент передал дипломат с секретными документами, разведчик — дополнительное устрой-

Условленное место «Ступеньки»

ство для чтения микрограмм, закамуфлированное под шариковую ручку, 600 долларов, разведздание и план по связи на территории Советского Союза.

Как впоследствии выяснилось, американцев интересовали, прежде всего, сведения о высшем командном составе Вооруженных Сил СССР и тактико-технические характеристики высокоточного оружия.

На одной из встреч Бакнер, анализируя «совместную» деятельность, дал высокую оценку своему агенту и сообщил, что тот может в перспективе получить с семьей права гражданства США. На вопрос американца, сможет ли Васильев продолжить работу с его коллегой, тот, после небольшого колебания, ответил:

— К чему этот вопрос? Слишком далеко зашли наши отношения, чтобы отступать или противиться разумным предложениям. Назад пути уже нет — Рубикон перейден.

— Полковник Мэй опытный работник. У нас запланирована встреча на восьмое мая. Давайте изменим место её проведения. Увидимся в гостинице «Панония». Кстати, вы когда-нибудь были в ней?

Полковник К. Мэй

— Нет, не доводилось,— ответил Васильев.

Последовало подробное описание места встречи с перечислением деталей и очередности действий.

В назначенный день Васильев и Бакнер прошли в подъезд порознь, но у лифта оказались «случайно» одновременно. Поднялись в номер, где, к удивлению агента, ещё никого не было. В роскошных апартаментах люкса сели за журнальным столиком в холле. Беседа началась на абстрактные темы. Васильев

почувствовал, что Бакнер умышленно оттягивает разговор на «служебную» тематику, ожидая преемника. Так оно и вышло. Не прошло и пяти минут, как в замочной скважине что-то щелкнуло, дверь легко отворилась. Вошел высокий с продолговатым лицом и вьющимися темными волосами мужчина.

— Извините, пожалуйста, подвела машина, а тут ещё, как назло, дорожная пробка, — оправдывался вошедший, обнажая белый ряд крупных верхних зубов. Раздевшись, он прошел к креслу в вишневом чехле и плюхнулся на него.

— Представляю вам, — Бакнер повернулся в сторону Васильева, — мой коллега полковник Карл Мэй. Он заменит меня. А это хороший наш друг Владимир.

Знакомство произошло.

— Ну а теперь перейдем к делу. Володя, честно, мне было приятно общаться с тобой, человеком, далеким от идеологической зашоренности, воздушным асом и профессионалом разведки, — лицемерил Ричард. — Приятно то, что мы с самого начала понимали друг друга с полуслова. Такое понимание помогало служить делу прогресса. Твою помощь, прости за высокопарность, Америка никогда не забудет. Я говорю об этом смело потому, что заручился именно такой

оценкой со стороны высшего руководства. Дни совместной работы я буду помнить всегда. Мы занимались большим делом — оберегали мир от неожиданностей. Прошлое готовит будущее, но между вчера и завтра есть сегодня, с реальными тревожностями и радостями, — это сама жизнь. Хочу поднять тост за настоящее — живое и действенное, и в нём — за Владимира с его счастливой судьбой. Да поможет нам Бог!

После неприлично длинного монолога с довольно плоской философской подоплекой Ричард Бакнер поднял рюмку с виски высоко над головой и добавил:

— За удачу, господа!

Стали пробовать бутерброды. Мэй после первого тоста сострил:

— У вас, русских, закусывают только после третьей. Мы, похоже, нарушили традицию?!

— Я думаю, эта привычка по ошибке приписывается русским, они охочи до еды и после первой, — парировал шутку Карла Владимир.

Все трое заулыбались, налегая на венгерский бекон. По мере осушения бутылки настроение поднималось быстро.

Сценарий дальнейшей беседы Васильев вполне разумно просчитал. В нём четко обозначились два полярных исхода: большие деньги, красивая жизнь — и позорище, смерть. Правда, последнее полковник отбрасывал, так как не думал о поражении. Он был уверен в успехе. Ему хотелось поиграть до определенного предела, а потом «слинять в кусты», как он выразался. Да так, чтобы его никто, никогда не нашел. Деньги не пахнут, победителей не судят! Он же, после заграничной командировки, будет спокойно отсиживаться где-нибудь на своей даче.

С середины беседы инициативу незаметно захватил Мэй. Он излагал азбучные истины, что вызывало если не раздражение, то, в всяком случае, потерю интереса к собеседнику. Словно почувствовав нотки невнимания в ответах Васильева, тот вдруг заговорил искренне:

— Я говорю прописными истинами только для того, чтобы злой рок не вторгся в вашу жизнь, чтобы не только Бог, но и мы с вами хранили личную безопасность. Поймите, я не хочу вас учить... Мы с вами в одинаковом звании, с одинаковым, приблизительно, опытом работы. Обвести

вокруг пальца контрразведку — тут нужна особая осторожность. Со стороны виднее. Пусть это вас не обижает.

Владимиру после этих слов показалось, что Мэй действительно проявляет неподдельную заинтересованность в его благополучии и безопасности. Затем начался контрольный инструктаж с новыми условиями по связи. Вручили деньги, сувениры. Договорились встретиться через неделю, на окраине города.

Васильев понимал, что новый его хозяин хочет получить более свежую и важную информацию, по сравнению с той, которую передавал Бакнеру. Зная об интересе американской разведки к частям Южной группы войск, он смекнул: соберу-ка материал по авиации. Сказано — сделано! Это был его инициативный шаг.

Через своего друга, командира авиационного истребительного полка, он получил некоторые данные, обобщил их и подготовил к передаче в течение недели. Он любил педантизм в подобной работе.

Как разведчик, Васильев видел проколы в работе своих хозяев, но никогда не упрекал американцев, боялся гнева. Так, например, в одном из планов связи в Будапеште предусматривалось заложить тайник в дупле дерева, стоящего на одной из центральных площадей города. Причем это дупло находилось довольно высоко. Вынуть из него закладку было проблематично: любому случайному прохожему бросилась бы в глаза попытка добраться по толстому стволу каштана до дупла. Надо заметить, что Стороженко после ареста Васильева вылетал в Будапешт и при решении других вопросов по шпиону сфотографировал это дерево.

Васильев прекрасно осознавал свою роль. Он втянулся в преступную связь, завяз в ней глубоко и не собирался прекращать работу на цээрушников. Более того, Васильев почувствовал даже какой-то азарт в этой сатанинской игре. Не случайно игроку тяжелее всего перенести не то, что он проиграл или может проиграть, а то, что надо перестать играть. С Мэем Васильев провел пять встреч. Но всему есть конец... Командировка заканчивалась, и надо возвращаться в Москву.

Вот и последнее «свидание» с Карлом. Прощались так же тепло, как когда-то с Бакнером. На этот раз американец подарил Васильеву разные сувениры.

— План связи получите через нашего фельдъегеря, — ошарашил агента Мэй.

— Как???

— Согласно договорённости с вашими руководителями, он доставит завтра в советское посольство газеты и журналы США. Прибудет ровно в десять утра. Встречайте у входа. Сделайте это как бы случайно. В пачке с корреспонденцией найдете журнал «Национальная география», в котором и будет находиться план связи на период работы в СССР.

Мэй ухмыльнулся, а затем стал объяснять, что и как искать в этом журнале.

Дело в том, что во втором номере за 1983 год этого популярного в мире журнала на определенных листах размещался микротекст. Военные контрразведчики впервые встретились с таким ухищрением: черный краситель некоторых линий тончайшим лучом лазера был вытравлен в форме русских букв, составлявших предложения с текстом операции по связи. Считывание таких текстов могло производиться через миниатюрные микроскопы с подсветкой. Такой прибор у Васильева уже имелся.

План связи начинался словами: «Дорогой друг! По прибытии в Москву не предпринимайте попыток выйти на нас. Выждите одиннадцать месяцев и тогда начинайте слушать наши радиопередачи, считая месяц вашего отъезда как нулевой.

Если у вас появилась возможность добывать важные материалы или они у вас уже находятся, поставьте сигнал готовности выйти с нами на связь в месте «Дом»...

Далее шло подробное описание места, времени и специфики постановки сигнала. Здесь же давался подробный инструктаж по проявлению секретных сообщений, методике прослушивания и расшифровки радиопередач из Франкфурта-на-Майне, описывались места закладок и выемки тайников, объяснялись способы использования «писем-прикрытий» и нанесения на их страницы тайнописных текстов.

Приводилась также таблица заменителей русского и английского алфавитов. На случай внезапного выезда за границу в назидательном тоне рекомендовалось немедленно связаться по двум номерам телефонов в США. Звонить рекомендовалось из телефонной будки или из крупного

Место постановки сигнала «Поэт» у магазина в Будапеште

почтамта. По этим номерам, гласила инструкция, можно звонить в любое время суток и передать необходимое сообщение. Лучше заплатить самому за вызов, но при надобности заплатит вызванный номер.

Васильев прибыл в Москву с семьей теплым сентябрьским днем, отмеченным всеми признаками бабьего лета. Ступив на перрон Киевского вокзала, он вспомнил свой отъезд четыре года назад: уезжал он с розовыми надеждами, а вернулся с животным страхом и почти что выпотрошенной, опустошенной душой. Он взглянул на чистое небо, и ему сделалось немного спокойнее.

Идя за носильщиком, споткнулся о камень, лежавший одиноко на привокзальном асфальте. «Не ласково встречает меня родная земля, — подумалось Васильеву. — Споткнулся с первых шагов на Родине. А может, это и есть прообраз того камня, который я привёз ей за пазухой». Об этом факте он расскажет на суде.

В подразделении ГРУ Генштаба, куда он прибыл для прохождения дальнейшей службы, его не очень-то ждали. Сослуживцы и раньше недолюбливали Васильева за

*Definitive and authoritative —
the one great private library brought together
by the experts of Oxford University*

THE OXFORD LIBRARY of the World's Great Books

In quarter-leather volumes of classic distinction —
the leather inlaid with 22 karat gold.

Printed and bound for direct subscribers exclusively.

OXFORD, ENGLAND For the first time in the history of England's oldest university, a board of eminent dons has come together to select The Oxford Library of the World's Great Books.

From out of the many thousands of books written over the centuries, the board has chosen a collection of fifty universal literary masterpieces, the

each volume in the classic design tradition recommended at the turn of the century by the English Society of Arts.

Craftsmen of exceptional skill will bind the spine of each volume in genuine leather. They will carefully work the leather to achieve the handsome raised ribs so prized by book

Линия в журнале «Национальная география»
с лазерной протравкой **для** зашифрованного текста

высокомерие и колючий характер, когда с ним сталкивались по работе.

В других управлениях руководители тоже что-то «темнили», не выказывая особой радости иметь под боком человека с капризным нравом. Давала о себе знать гордость, кружило голову себялюбие. Он с пренебрежением относился к не престижной службе вдали от важных кабинетов. Не любил черновую работу, привык крутиться на виду у начальников и в «нужный» момент плакался о перегрузках. Небольшое дельце, которое успешно решал, выдавал за превеликое. Сослуживцы отторгали «назойливого летуна» ещё и по причине постоянных рисовок: Васильев переоценивал свои успехи в небе, называл их не иначе как подвигами.

К сожалению, жизнь наша соткана из парадоксов. Трудно до сих пор объяснить, почему чиновники управления кадров (не в благодарность ли за сувениры?) предложили Васильеву должность в святая святых любой разведы-

нательной службы — в подразделении нелегальной разведки. Этот объект и был вождеденной мечтой американцев.

Согласно плану связи, ровно через одиннадцать месяцев Васильев должен был войти в рабочий контакт с разведцентром США. Но он пренебрёг рекомендациями: торопился побыстрее получить очередную порцию сребреников. Как он считал, зарплата, даже полковника Генштаба, была мизерная по сравнению с той, которую он получал в Венгрии. Вдобавок подвернулась деревенская изба в хорошем состоянии — с банькой, садом, приличным огородом и большим сараем, который можно было без особой перестройки приспособить под гараж и мастерскую.

Уже через месяц он связался с американцами и получил первое задание. Инициативности и изобретательности в добывании информации ему было не занимать. Наряду с хищением секретных документов он выпытывал такие же сведения у сослуживцев, использовал любые возможности для ускоренного сбора шпионской информации. Так, за время пребывания в новой должности Васильеву приходилось несколько раз присутствовать на разборах учений, подведении итогов и постановке задач в ГРУ Генштаба. Он записывал на диктофон содержание этих мероприятий, спрятав технику под рубашку.

Когда все кассеты были «нашпигованы» разведывательными данными, он поставил метку о готовности заложить тайник. Торопился получить обещанные 30000 рублей.

В начале октября 1985 года агент в условленном месте «Звонок» поставил синим красителем знак в виде буквы «Р», говорящий о закладке шпионского контейнера. В него он поместил 15 кассет с записями совещаний руководящего состава ГРУ, сведения на помощника военного атташе — своего сослуживца по Венгрии, разработанные им лично наиболее безопасные условия дальнейшей связи в Москве, записку с просьбой передать ему новый магнитофон с большим объемом записи, а в конце просил ускорить выплату обещанных денег.

Но произошла осечка... Не получив ответного сигнала об изъятии американцами заложенного им контейнера, агент поздно вечером изъясил «товар», а утром отнес на работу и положил в сейф.

Военный атташе посольства США в Будапеште
К. Мэй (второй справа) и помощник советского военного
атташе В. Васильев (крайний слева) на официальном приеме
в посольстве СССР

подтверждена многими поступками военного офени, торговавшего секретами. Они стали известны как в ходе оперативно-технических мероприятий, так и в результате следственно-судебных разбирательств.

В тот год май выдался жарким. Москвичи спешили на дачи. Васильев рано утром отправился на дежурство. Картина земельного ажиотажа горожан вызвала в его душе нездоровую зависть. «Как же так, — юродствовал «Коммерсант», — я, полковник Генштаба, гол как сокол. А соседка по лестничной площадке, продавщица овощного магазина, имеет не только дачу. Недавно приобрела машину для мужа-алкоголика. Где же справедливость?» Об этих мыслях он расскажет на следствии.

Проехав на троллейбусе, а затем несколько станций на метро, он, проверяясь и внимательно наблюдая за прохожими, проходными дворами вышел к КПП военного объекта, где предстояло отдежурить сутки.

У него созрел грандиозный план подготовки классического письменного агентурного донесения, благо вахта выпала на выходной день. Руководства не будет, поэтому он и решил пренебречь ухищрениями конспирации и напечатать на пишущей машинке пространное донесение в раз-

ведцентр. Ему захотелось удивить американцев объемом собранных шпионских материалов.

Васильев спешил заработать большие деньги, но и чекисты были начеку. Контроль всех его действий обеспечивала спецтехника.

Приём дежурства прошел сравнительно быстро. У чекистов, наблюдавших за «Коммерсантом», создавалось впечатление, что он проявил к сдающему вахту полковнику максимум любезности. Такое поведение Васильева при заступлении на дежурство было удивительным, так как обычно он всё принимал по описи. На этот раз очень торопился. Вынув из сейфа секретную рабочую тетрадь, а из кейса блокнот, он принялся за работу. Начиналось донесение такими словами: «Господа! В дополнение к ранее собранной и переданной вам информации сообщая другие данные, возможно, представляющие интерес для ЦРУ США...»

И вот уже допечатана последняя страница. Документ был изготовлен на восьми листах. Васильев закрыл глаза, распрямился. Он надеялся за эту работу получить тысяч десять, не меньше. Оперативники так оценят этот труд изменника: информационные «потроха». Но это будет потом.

Зазвонил телефон. Службу проверял дежурный по Главку. Он сделал замечание Васильеву: почему не доложил, согласно инструкции, о ходе дежурства. «Фу, черт, совсем заработался. Не дай бог капнет начальству, начнется разбирательство, — подумал Владимир, — надо закрыть глаза».

Через минуту после звонка его взгляд остановился на листах донесения. Он внимательно их перечитал. Затем аккуратно сложил бумаги в стопку и быстро, словно пряча от посторонних глаз, сунул в большой импортный конверт желтого цвета, какие ходили в то время в ГРУ. Постоял, подумал и решительно направился в угол дежурной комнаты: там была хозяйственная сумка с личными вещами и продуктами. Одним движением руки он выгреб из неё содержимое и положил конверт на дно. Затем снова упаковал вещи. Наконец успокоился.

Открыл пакет молока и одним залпом его осушил. Включил телевизор, прошелся по программам и остановился на последних новостях. Утолив чувство голода, до-

Машинка, на которой «Коммерсант» печатал донесения для ЦРУ, диктофон, микроскоп и предметы шпионской экипировки

стал порнографические журналы и стал их внимательно просматривать. Он любил эотику, любил болезненно... Усталость снял чашкой кофе. Потом подошел к сумке, вынул конверт и положил под газетную прокладку на полку служебного сейфа в рабочем кабинете.

За окном стемнело. Весенние душистые сумерки медленно вползали в полуприкрытое плотной шторой окно. Он подошел к оконному проёму, раздвинул шторы и ещё больше приоткрыл фрамугу. Васильев с наслаждением смотрел на молодую зелень дворового газона и кусты сирени, дремлющие в майском безветрии.

Весна обычно пробуждает силы для здоровой деятельности. У «Коммерсанта» они проснулись для худой. Его активность в эти весенние дни порой поражала даже американцев. Только за март — май он провёл несколько операций по связи, которые потребовали мобилизации немалых сил и средств. Агент блестяще справился с моральными перегрузками. Как-никак перед ним маячила «великая» цель — деньги, ради которых он забывал об отдыхе.

На последней личной встрече с американским разведчиком Васильев предупредил о скором заложении тайника с важными материалами. Здесь же попросил о финансовой поддержке: якобы нужно срочно купить дом в деревне. Американец нагло, как показалось агенту, ответил, что всё будет зависеть от качества товара, но он непременно доложит о его просьбе руководству и постарается разрешить проблему.

После подготовки донесения ему надо было поставить метку на одном из домов по Ленинскому проспекту. По этому сигналу готовности заложить тайник американцы должны были изъять его через сутки.

После очередного дежурства он задержался на службе под видом доработки документов для якобы срочного доклада руководству. Однако сменивший его на дежурстве молодой офицер стал задавать уточняющие вопросы. Служебный кабинет пришлось покинуть.

Выйдя на улицу, «Коммерсант» стал усиленно проверяться. На станции метро «Октябрьское поле» он пропустил один поезд, а в вагон другого впрыгнул последним, придерживав ногой дверь. Доехал до станции «Октябрьская», попетлял в зале, выявляя вероятный «хвост», а затем, убедившись в полной безопасности, на эскалаторе поднялся наверх и пошел тротуаром вдоль Ленинского проспекта. Пройдя метров двести, вскочил в отходящий автобус, проехал на нём до спортивного магазина «Спартак», вышел и снова тщательно проверился.

Вышел к дому, на стене которого предстояло поставить сигнал. Васильев узнал это место по описанию в плане операции по связи. «Коммерсант» медленно прошелся вдоль стены дома, проверился и решительно шагнул вперед. Стена кончилась, показался угол дома. В правом кармане плаща он что есть силы сжимал мелок синего цвета. Лоб покрылся испариной, ладони вспотели, учащенно билось сердце. Он сильно волновался, несмотря на значительный опыт в подобных операциях. Оглянулся. Посмотрел в противоположную сторону проспекта — никого нет. Стремительно на шершавой штукатурке вывел знак в виде буквы «Т», размером 10x20 сантиметров.

Уходил от места постановки метки с трепыхающимся сердцем. Щеки и уши горели пунцовым огнём. Он и тут спе-

Последние шаги шпиона на воле
(оперативная фотосъемка)

шил, — поставил сигнал не вечером, а днем, рискуя проколотся. Вскочив с оледеневшей от страха душой в двери автобуса, «Коммерсант» поехал домой. По пути сменил ещё два вида городского транспорта. Пересел в троллейбус на последнем этапе проверочных действий и, стоя на задней площадке, внимательно наблюдал через «кормовое» стекло за перестроениями вслед идущих машин.

Сойдя на знакомой остановке, ещё раз проверился — ничего подозрительного! А вот и родной подъезд.

— Володя, что с тобой? На тебе лица нет! — запримечала жена, встретив на пороге квартиры мужа —

бледного, взъерошенного, с провалившимися глазами. Ей казалось, что это из-за напряженной работы в ГРУ здоровье мужа пошатнулось.

— Дел столько было, что не смог даже пообедать. Не служба, а сплошная нервотрепка, если не каторга. Отдежурил сутки, и ещё задержали. Приходится трудиться за троих. Ничего, выдержим! Труднее приходилось, — в который раз солгал Васильев супруге.

Что-что, а показать «мокрую» спину, «просоленную» рубаху, пожалеть себя он мог и любил — как перед начальством, так и перед близкими. Но волнение не проходило и после ужина. Не успокоился и после просмотра телевизионной программы «Время». Он долго лежал с открытыми глазами в темной спальне. С вечера предупредил жену, что рано отправится на службу, поэтому, мол, встанет в пять часов утра. Именно в этом раннем пробуждении таилась причина его вечерних переживаний — он шел на закладку тайника.

«Коммерсант» спешил получить деньги за товар. Конверт с донесением свернул в трубку и вложил в грязный обрезок резинового шланга, который затем завернул в целлофановый пакете,

— Господи, пронеси, помоги мне сегодня утром, — прошептали пересохшие губы иуды, уже проснувшегося, но лежавшего ещё в койке.

Вскочил ровно в пять. Выпил чашку крепкого кофе. Посмотрел в окно на медленно оживающую улицу с редкими прохожими и машинами. В пять тридцать вошёл в лифт с кейсом, в который переложил пакет. Место закладки тайника находилось по пути на службу. Петлять не хотелось, он был сегодня, как никогда ранее, уверен в удаче. Тем более знал, что и как должен делать.

Тайник под условленным названием «Крышка» находился в районе долгостроя. Местом закладки тайника была стальная плита круглой формы, приваренная к металлической горловине недостроенного канализационного колодца. В облущенном бетоне низкого качества — рабочие, по всей видимости, больше положили песочку в раствор, а цемент ушел налево — возле горловины образовалась, словно специально для закладки тайника, неглубокая, как бы замаскированная раковина. Именно в неё «Коммерсант» и должен был вложить нехитрое изделие.

Васильев знал, что вчера ровно в 19.30 по маршруту квартира — Ленинский проспект — посольство США проследовала иномарка вишневого цвета. Лимузин марки «Крайслер» принадлежал второму секретарю американской дипломатической миссии в Москве, который, по данным чекистов, являлся разведчиком. Он снял визуальную метку в виде буквы «Т». Больше от него ничего не требовалось.

g Васильев на скамье
подсудимых

Приговор оглашен, щелкнули наручники,
впереди — камера смертника

А тем временем Васильев спокойно подходил к месту закладки тайника, потому что предварительная проверка не давала повода к беспокойству. Ни впереди, ни сзади посторонних не было. Он уже открыл кейс, достал контейнер и тут услышал за собой топот ног... К нему стремительно приближались четверо дюжих молодых людей. Один из них предъявил удостоверение сотрудника органов государственной безопасности, отрекомендовался и предложил дать объяснение по поводу резиновой трубки.

— Какое вы имеете право так вольно обращаться с офицером военной разведки? Я здесь по служебным соображениям и выполняю спецзадание, — ответил бледнеющий Васильев.

Ему быстро заломили руки. Он пытался освободиться, дергался, но когда клацнули наручники — быстро успокоился. Резиновая трубка уже у оперативников. Через несколько минут они извлекли сверток со шпионским донесением.

В тот день Васильев на службу не попал. Летящий на большой скорости «рафик» направлялся в Лефортово. Шпиона ждал следственный изолятор и долгая работа следователей с ним. Военные контрразведчики своё дело сделали, задержав американского агента с поличным. Ве-

ществленные доказательства преступной деятельности другого плана предстояло добывать уже следственным работникам.

Васильев вначале пытался отрицать факт длительного сотрудничества с ЦРУ, но под воздействием всё новых и новых улик постепенно стал признавать эпизод за эпизодом своего преступления.

— Денежный дьявол меня попутал, жадность добила душу, — скажет он своему сокамернику.

На суде, с просящим видом глядя на судей и пытаясь сыграть роль человека, случайно, по неопытности попавшего в расставленные сети противника, он будет доказывать, что передал американцам «незначительный материал», а мог бы продать и большие секреты. Но его ложь опровергали факты.

Только жена — единственный человек — не сомневалась в словах мужа. Она оказалась действительно верной подругой в самом высоком смысле этого слова. Не отреклась от мужа даже тогда, когда он носил клеймо предателя. Женщина искренне не верила в его черные дела, обивала пороги различных партийных и правовых инстанций в надежде найти хоть соломинку для спасения того, с кем шла рядом не одно десятилетие, кого искренне любила.

Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила шпиона В.В. Васильева к высшей мере наказания — расстрелу.

Через месяц в газетах «Правда» и «Известия» появились коротенькие сообщения о том, что ходатайство предателя Родины В.В. Васильева отклонено. Приговор приведен к исполнению.

КРУШЕНИЕ ПЛАНОВ «СОМА»

*Предосторожность проста, а раскаяние
многосложно.*

И. Гёте

Майская ночь выдалась душной. Соловьиные трели полнили слух. Казалось, чернильная мгла пропитана песнями птиц. Один перещелк накладывался на другой. Звуки неслись со всех сторон.

Полковник Сметанин с женой, молодой и статной, вместе с друзьями отдыхали на природе. Бренчала гитара. Горел костерок, бросавший оранжевые сполохи на светло-зеленый скат палатки. Когда гитарист умолкал, сразу же усиливался соловьиный натиск.

— Как хорошо здесь! Приволье, свежесть, — промолвила Светлана, обращаясь к мужу.

— Нет, за граница лучше. Вспомни Францию: как там жилось! Разве там были хуже места? — парировал Геннадий.

Так получилось, что они незаметно отделились от компании, сидели в стороне и считали звезды, осыпавшие небосвод сплошным искристым конфетти. Соловьи не унимались...

Предстояла вторая заграничная командировка офицеру. Теперь он направлялся по линии ГРУ Генштаба помощником военного атташе посольства СССР в Португалии.

В Главное разведывательное управление Сметанин Геннадий Александрович был направлен в 1971 году сразу после окончания Киевского высшего общевойскового училища. Услужливый характер молодого офицера заметил начальник политотдела и взял его в порученцы. Мальчиком на побегушках он пробыл несколько лет. За период «приятной» службы у него появились гонор, леность, претензии на выезд за границу. Считая себя выше сослуживцев по интеллекту, он делал всё возможное и невозможное, чтобы

начальник узнал о его сокровенном желании. А в том, что со временем он поедет за границу, был больше чем уверен, — патрон поможет, стоит только заикнуться.

Однажды — это было ещё накануне первой заграничной командировки — генерал сам завел разговор на тему поездки за кордон, упрекнув его, Сметанина, за холостяцкий образ жизни и нетипичность поведения офицера военной разведки, думающего о завтрашнем дне.

— Дорогой, в заграничные командировки мы посылаем только семейных, так что обзаведись супружницей, но не спеши, не бери первую попавшуюся, — подсказал как-то ему начальник политотдела.

Когда за граница ему всё-таки улыбнулась, Сметанин срочно женился на вчерашней десятикласснице. Она была намного моложе, но разница в возрасте нисколько не смущала Геннадия. Вскоре молодая чета убыла в первую длительную заграничную командировку во Францию.

У военного атташе в Париже появился соглядатай из политотдела ГРУ. Поэтому с первых дней пребывания Сметанина в аппарате военного атташе его начальник держал подчиненного на определенной дистанции, редко пользовался его услугами как переводчика, тем более, что сам сносно знал французский язык. Сметанин почувствовал настороженность руководителя, но воспринял это как свою, пусть небольшую, «номенклатурную силу». «Ничего, я его заставлю со мной считаться», — часто повторял он про себя, упиваясь мыслями о всемогуществе московского патрона.

Командировка во Франции с 1974 по 1977 годы в личном плане прошла благополучно. Семья приделась, приобрела трехкомнатную кооперативную квартиру, автомобиль «Жигули» последней марки, молодые пополнили и освежили интерьеры комнат.

Приезжая в отпуск, Сметанин привозил дорогостоящие подарки своему покровителю. Начальник «сувениры» брал, но при этом наигранно возмущался, хитрил, как лиса:

— Геннадий Александрович! Ну зачем вы тратитесь? Мне совестно принимать от вас такие вещи.

— Пустяки, Петр Григорьевич, — лукаво отвечал подчиненный, — там стоит это всё копейки. Я же получаю сейчас прилично. Спасибо вам.

В разряд «сувениров» входили столовые наборы, радиоаппаратура, одежда, книги, письменные принадлежности и прочее.

По возвращении Сметанина из командировки начальник политотдела пригласил его с женой к себе домой. Расчет хозяина был тонок — подчиненный не трудоустроен, значит, не будет скупиться на дорогие подарки. Тем более он мечтает продолжить службу не где-нибудь, а в центральном аппарате.

Гости явились с двумя тяжелыми и объемными сумками. На скромном столике, который сервировала жена генерала, вдруг появились виски, французские коньяк и вина. Сели, выпили, закусили. Захмелевшая компания зашумела, стали обниматься, клясться друг перед другом в «вечной дружбе». Генерал пообещал найти приличное место для «дальнейшего профессионального роста перспективного офицера».

Вечер прошел для Сметанина, как он потом признался жене, на все пять баллов. Геннадий, хищник по натуре, понял нутром, что теперь шеф у него в руках. И действительно, даже жена генерала, просмотрев содержимое дарованных коробок и пакетов, заявила мужу, что Геннадия надо поддерживать.

Не без помощи всемогущего покровителя майор Сметанин попадает на участок стратегической разведки европейского региона. Он быстро сообразил, что это подразделение является своеобразным трамплином для очередной командировки в одну из центрально-европейских стран. Прогноз вскоре оправдался. Сметанин неожиданно для его непосредственных руководителей попадает в число первых кандидатов на поездку в качестве помощника военного атташе в Португалию. Поднявшийся поначалу ропот среди сослуживцев, недовольных незаслуженным поощрением очередного «перекати-поле», быстро затих. Через несколько месяцев, как и ожидалось, семья Сметаниных отправилась в очередную командировку за границу...

А тем временем Стороженко анализировал обобщенную справку, подготовленную подполковником Пашкиным. Он вызвал офицера.

— Почему же вы, Михаил Иванович, не докладывали мне по Сметанину раньше, до его отъезда за границу?

— Материал получен от человека, возвратившегося недавно из госпиталя. Это был единственный офицер, которого подпускал к себе Смстаин.

— Надо поправлять положение. Изучайте тщательно обстановку вокруг субъекта. Завтра подготовьте и доложите ваши предложения с учетом новых данных, полученных из-за рубежа от наших коллег.

Через дней десять после этого разговора «по душам» Пашкин доложил Стороженко, что жена Сметанина обратилась к своей матери с просьбой срочно продать мебельные гарнитуры из их спальни, кухни, прихожей, а также недавно купленную автомашину «ВАЗ» шестой модели.

В ходе дальнейшей проверки Сметанина военные контрразведчики узнали кое-какие подробности. Выяснилось, что нажитое было продано в спешке по смехотворно низким ценам. Свои действия супруги объясняли в письмах перед родственниками легкостью приобретения более модной хозяйственной утвари за границей и желанием обновить интерьер квартиры. Упор делался на наличие приличных сумм в инвалюте, заработанных в Португалии.

Жена Сметанина стала усиленно изучать английский язык, который в стране пребывания никогда не был ходовым. Она вдруг переходит на нижеоплачиваемую работу в посольстве, — новая должность открывает ей доступ к режимной информации.

В письме она попросила мать срочно прислать в Лиссабон все семейные дубликаты: мужа, свои и дочери. И это в страну, где ртутный столбик не опускается ниже тринадцати градусов выше нуля!

Подполковник Пашкин сообщил начальнику отделения об итогах углубленного агентурного изучения Сметанина по периоду его службы в Центре. Были отмечены его повышенная конфликтность в коллективе, элементы заносчивости, неудовлетворенность служебным положением и занимаемой должностью...

Вскоре по прибытии в Португалию Сметанин обратился к резиденту ГРУ с просьбой:

— Товарищ полковник, я хотел бы получить разрешение тренироваться на частных кортах. Там часто бывают

представители других посольств, в том числе и США. Можно было бы выйти на интересные связи.

Атташе внимательно выслушал соображения офицера, поинтересовался его спортивной формой, задумками о способах установления связей и предупредил:

— Разрешаю, только смотрите не поддавайтесь нашим соперникам. Будьте осторожны, там играют профессионалы-разведчики, они искусно обращаются не только с теннисными мячами, но хорошо играют и в другие известные вам игры. Без команды самостоятельно никакие связи не заводите. Помните о том, что вам сразу же будет брошен крючок с наживкой. Потом доложите о своих первых впечатлениях.

Если бы знал руководитель, что в голове у Сметанина уже созрел план предательства, что выходы на тренировки в теннис ему нужны как удобная ширма для прикрытия будущих встреч с американцами, а в личный блокнот он заложил к тому времени огромный объём секретной информации. Не ведал резидент и о том, что Сметанин собирается на основе этих материалов написать книгу и издать её в США, — конечно же, за «зелёные».

В голове Геннадия вызрел дерзновенный план личного обогащения: заинтриговать представителей американских спецслужб в Лиссабоне принадлежностью к советской военной разведке, используя для приманки некоторые секреты и посольские сплетни, разыграть роль проигравшего в рулетку. А затем запросить с янки тысяч триста долларов якобы для покрытия образовавшейся недостачи в оперативной кассе, откуда им будто бы взяты деньги.

Во время очередного посещения теннисного корта Сметанин вышел со своим предложением на военного атташе США в Португалии полковника Нортон, который тоже занимался игрой в теннис, подыскивая способных «спарринг-партнеров». Американец вначале не поверил удаче, неожиданно обрушившейся на него, — подполковник советской военной разведки, имеющий на связи агента из числа местных граждан и иностранцев, вдруг предлагает свои услуги!

Договорились предметно обсудить эти вопросы у него на вилле, куда Сметанин пришел на следующий день. Там он

и рассказал американцам свою байку: дескать, проигрался и задолжал 265 тысяч долларов.

— Господин Сметанин, я понимаю вас, — обратился Джон Нортон к советскому офицеру, — но вы должны войти и в мое положение. Сумма, запрашиваемая вами, достаточно велика, и её выдачу мне надо согласовать с Центром — при условии, если товар в дальнейшем окажется качественным. Кроме всего прочего, нужен аванс.

— Вас не постигнут разочарования, — почти торжественно ответил подполковник.

Качество товара высоко оценил представитель ЦРУ, как только Сметанин назвал часть того, чем он располагал. Договорились встретиться через неделю на этой же вилле.

Ровно через семь дней он снова навестил Нортон, который сразу же пригласил его в соседнюю комнату. Предатель опешил: в ней находилось двое неизвестных, сидевших за небольшим столом с какой-то аппаратурой.

— Господин Сметанин, — начал высокопарно Джон, — перед вами мои коллеги, опытные специалисты своего дела. То, что вы военный разведчик, нам известно, но пока не ясна ваша искренность. Поэтому, прежде чем вручить вам доллары, мы должны вас проверить на полиграфе. Слышали о таком агрегате?

— Да! Его у нас называют «детектор лжи».

— Вы согласны принять наши условия?

— Согласен. А чего мне бояться?! Я вам рассказал правдиво о том, кто я и что знаю, — ответил Сметанин и внимательно посмотрел на незнакомцев, которых Нортон так и не представил.

— В таком случае садитесь в кресло у столика, — американец указал на специально оборудованный уголок с аппаратурой, от которой разноцветными щупальцами расходились провода.

Началась проверка на шпионскую благонадежность. Ответы требовались мгновенные и короткие. Вопросов было около тридцати — ясных, четких, подготовленных опытными психологами. Боковым зрением он улавливал сосредоточенные взгляды соглядатаев — двух американцев, которые изучали его лицо. Вопросы задавал Джон. Они были

Агент разведки США
подполковник Г. Сметанин

«разнокалиберными»: от установочных биографических данных и до подробностей проигрыша в рулетку.

Вскоре поединок человека с электронной машиной завершился. Завершился победой первого — детектор не определил откровенную ложь проверяемого. В глазах Сметанина хвалёный заморский аппарат психологических отгадок был окончательно посра-

мл ен : и с дел э л э т о он > г е н " надии.

— Эту чудо-машину действительно не обманешь, — словно в насмешку бросил испытуемый оглуленной троице.

— Она нас ещё ни разу не подводила, — процедил скупко Джон Нортон. Когда процедура закончилась, он предложил Геннадию пройти в другую комнату. Там они были наедине. Американец открыл сейф, усадив предварительно «продавца товара» в кресло, и достал туго перевязанный крест-накрест целлофановый пакет. Дрожащими руками протянул его Сметанину.

— Здесь 265 тысяч долларов. Мы вас выручаем в тяжелую минуту. Америка ждёт от вас самоотверженной отдачи.

— Постараюсь оправдать ваше доверие и вернуть в последующем долг. Я его отработаю по частям, — отчеканил подполковник.

— Ну а теперь необходимо оформить передачу вам денег, напишите расписку в их получении.

Когда бумага была готова, Нортон, внимательно прочитав её, спрятал в коричневую кожаную папку. Обрадованный успехом, Сметанин поспешно уложил деньги в спортивную сумку. После этого американец объявил вновь обретенному агенту кличку «Сом», а затем продолжил выпытывать дополнительную информацию о жизни посольства и резидентур.

Всё случившееся не обескуражило офицера. Заботило одно: как побольше денег выторговать за подготовленные к выдаче врагу секреты. «Американцы будут получать от меня дозированную информацию. Какое-то время, — размышлял предатель, — подержу их на полуголодном пайке. Пусть знают, что добыча её стоит больших денег. Информации у меня немало. Буду торговаться...»

Возвращался Сметанин в посольство удовлетворенный «тренировкой» на теннисном корте. Войдя в квартиру, спрятал деньги в платяной шкаф. Продумал объяснение, если жена их неожиданно обнаружит: доллары взяты из оперативной кассы и предназначены для оплаты хорошо работающего агента-иностранца.

Прошло дней десять. Деньги он постоянно перепрятывал, но жена всё-таки на них наткнулась. Она потребовала честных объяснений. И Сметанин раскололся:

— Милая, я тебе давно хотел сказать, что у меня созрел план нового обустройства нашей жизни — остаться на Западе, не возвращаться в эту вонючую Россию, где за любой труд платят одинаково — копейки. Разве можно сравнить жизнь у нас и здесь?

— Но нам потом не будет так хорошо, как сейчас, — тяжело вздохнув, ответила жена.

— Вот ты и подошла к ответу на вопрос. Понимаешь, надо просто иметь деньги. Зарабатывать и зарабатывать их. Каким образом — это другой вопрос. Любые проблемы решаются быстро, когда кошелек тяжёлый. Я собираю материалы для книги, которую планирую издать через несколько месяцев после того, как мы останемся в свободном мире. Думаю, получу за неё немалый гонорар, причём в долларах. А пока, как ты догадалась, я кое-что отложил на чёрный день. — С этими словами он развернул пакет и в присутствии жены пересчитал «зеленые». Было ровно 265000! Светлана застыла каменным истуканом, из её груди вырвалось одно-единственное слово:

— Гена!!!

— Я работаю на ЦРУ, — расставил все точки над «i» супруг. — Будем считать эти деньги фундаментом нашего будущего дома. Получил я их от американцев.

— А они не фальшивые? — спросила супруга.

— Черт его знает, не проверял. Всё, конечно, возможно, но не думаю, чтобы янки так низко пали.

— Надо проверить несколько *кунюр*.

— Обязательно. Но есть опасность попасть в поле зрения местных спецслужб, а то и вляпаться в скандал с полицейским финалом.

Уверенность, которую продемонстрировал Геннадий перед женой, гипнотически подействовала на женщину: она согласилась со всеми доводами мужа, возмечтавшего «обновить» жизнь.

Прошло не так уж много времени, и Сметанин, поддавшись уговорам Нортонa, отвёз на конспиративную квартиру, в гостиницу «Паласио душ Сатеанш», супругу, которую американцы тоже завербовали: она дала подписку о сотрудничестве на добровольной основе. Закрепили вербовку молодой женщины получением от неё секретных материалов и вручением ей золотой цепочки. Дело в том, что, устроившись в консульский отдел советского посольства, Светлана Сметанина, по заданию мужа, копировала документы режимного характера. Именно эти материалы и передавались американцам.

В города Линда-а-Велья и Кашкайте Сметанин выезжал на своей машине, где и проходили его встречи с американскими разведчиками.

Встречаясь со своей агентурой из числа местных граждан, Сметанин не опасался португальской контрразведки, так как весь свой негласный аппарат он уже засветил перед ЦРУ. Агентуру советской военной разведки из португальцев начали арестовывать. Сметанин же докладывал руководству, что невыходы негласных источников на связь — это, дескать, результат некачественного их подбора предшественниками.

Взамен он предлагал подставленных американцами, якобы своих кандидатов, по всей видимости, работавших вместе с португальскими спецслужбами. Они были «живучи», однако никакой серьёзной информации не давали.

На службе «Сом» использовал любую возможность по сбору информации для американцев. То из раскрытой рабочей тетради сослуживца, вышедшего «на минутку» из общей рабочей комнаты, выудит установочные данные на

кандидата в агенты или доверенное лицо, то подсмострит адрес конспиративной квартиры, то в результате бесед с коллегами получит сведения о тактико-технических характеристиках отдельных видов оружия и боевой техники. Многие ведь офицеры до службы в ГРУ служили в боевых частях.

С особым старанием он делал выписки из шифротелеграмм, а иногда, в зависимости от их важности, переписывал полностью. Подробно описывал места закладки тайников для агентуры из числа иностранцев.

Одержимый страстью накопительства, он не останавливался ни на минуту в сборе секретной информации, боясь расслабиться и потерять навыки выживания секретов. Сметанин работал на «огромную» перспективу.

Супруга никогда ни в чём ему не возражала. Так было заведено с первых дней совместной жизни. Он подавлял жену авторитетом. В её же сознании укоренилось примитивное понятие: муж — кормилец, а она — слуга, которая должна готовить, одевать, обстирывать, ублажать благоверного.

Возвращаться Сметанины в Союз для прощания с родственниками поначалу не планировали. И всё же жена уговорила Геннадия съездить в отпуск: в одном из провинциальных городков России проживала его мать, которую он хотел давно навестить.

На очередной встрече с Джоном «Сом» сообщил о поездке на Родину, на что американец заметил:

— Геннадий, если останешься в Москве и не вернешься в Португалию, всякое бывает, то ты должен знать, что и как делать. Я подготовлю тебе план операций по связи и кое-что из экипировки. Следи за обстановкой вокруг себя, ты едешь уже в новом качестве домой, будь бдителен. Контролируй реакцию и действия начальства.

Договорились через неделю повидаться на конспиративной квартире. «Сом» был подготовлен к этой встрече как никогда: решил порадовать хозяина обширной секретной информацией, оставив у себя, как всегда, ещё больше про запас.

Он любил, как заправский спекулянт-ворюга, сплавлять товар порциями — оптом не продавал, боялся проделшевить. В блокноте, который он в шутку называл «погреб-

Машина «Сома» в Лиссабоне

ком», отмечал красным карандашом то, что уже продано американцам.

Нортон встретил «Сома» любезно, обнял его и усадил в кресло, а затем налил в рюмки виски.

— Геннадий, я тебе кое-что приготовил.

— Господин Нортон, — перебил его Сметанин, —

начнем, если это можно, с моей просьбы.

— Готов выслушать.

— Дело в том, что скопившиеся деньги я не хочу оставлять в пустой квартире, поэтому пусть они полежат у вас до нашего возвращения.

С этими словами он достал из сумки и передал Джону пакет, перетянутый полупрозрачным скотчем. В нём лежало 270000 долларов. «Сом» заявил, что деньги эти собраны им с женой за время работы на две разведки.

— Я думаю, ты правильно поступаешь. Без присмотра такую сумму держать нельзя, тем более если тебя неожиданно оставят для дальнейшей службы в Москве, — не без резона заметил Джон.

Выпили по рюмке виски и по чашечке кофе. Говорили тепло и откровенно, рисуя перспективы в розовом свете.

— Если ты не вернёшься в Лиссабон, то деньги я переведу в швейцарский банк на твоё имя. Название ты узнаешь потом. Там уже кое-какой капитал, тысяч двести, у тебя имеется. Конечно, ты нам нужнее в Москве, в Генеральном штабе. Сюда приехать всегда сможешь, я имею в виду не Португалию, а вообще Запад. Мы обеспечим тебе и твоей семье гражданство США. Большим трудом ты уже заработал это право, — хитрил американец.

На этой встрече Нортон передал агенту очечник и очки, которые были по существу двумя камуфляжами, искусно сделанными в лабораторных условиях ЦРУ. В первый был вшит план операции по связи на территории Москвы и в случае выезда за границу. В левой дужке очков находилась вмонтированная ампула с сильнодействующим ядом.

Интересно, что по этому поводу патрон заметил:

— Милый друг, в нашей работе могут быть всякие неожиданности, и ты не застрахован от них, поэтому имей в виду, что у тебя теперь будет оружие для защиты от советской контрразведки. Живым в руки чекистов себя не отдавай.

Слова американца буквально потрясли агента холодностью и безразличием к его судьбе. Он с испугом посмотрел на очки.

Последний отпуск перед заменой люди обычно используют для вывоза из страны пребывания приобретенных вещей. Сметанины же не тронули мебель в квартире, а перед самым отъездом даже купили японский телевизор, который в то время можно было использовать только в западных странах.

Рассказ об усердии «Сома» будет неполным, если не поведать о его стараниях подготовить себе двойника по предательству. Он в течение полугода искал подходы к угрюмому шифровальщику посольства капитану Агафонову, которого недолюбливал и считал закомплексованной личностью. С одной стороны, он это делал по просьбе Нортонна, которому хотел показать свои профессиональные качества, а с другой — заработать новую порцию долларов, понимая, что за подбор кандидата янки солидно заплатят.

И вот метаморфоза: Сметанина обуяла «любезность» к незамечаемому ранее офицеру. Он стал приглашать его с женой в поездки за город на отдых. Завязалась дружба между семьями: обменивались гостевыми визитами, жены посещали вместе лиссабонские магазины, а мужья навещали бары и ресторанчики. Наивный Агафонов не подозревал в Геннадии лукавства и коварства. Прозрение наступило в один из душевных августовских вечеров, когда Сметанин предложил Агафонову «сходить попить пивка».

— Пойдем, Петруха! Я нашел одно приличное заведение. Отменное обслуживание, прелестное пиво, — предложил «друг». — Не пожалеешь!

— Согласен, душно же! — заулыбался Петр Агафонов.

Шли какими-то улочками, проходными дворами и наконец увидели незаметный пивной бар, прилепившийся ласточкиным гнездом у цоколя старинного дома. Рядом располагался рынок, он был пустой почему-то в тот день.

Одна из явочных квартир ЦРУ, где со шпионом было проведено восемь конспиративных встреч

Заказали столик. Официант принёс пиво, креветки... Про остальное Агафонов ничего не помнил.

Так, во всяком случае, он по собственной инициативе рассказал оперативным работникам, беседовавшим с ним после ареста «Сома». Потом он изменит эти показания и заявит, что его пытались склонить на свою сторону американцы, но он вербовщику по имени Джон так двинул по скуле в ходе «вербовочной полемики», что тот впал в нокдаун.

Смутно помнился и второй эпизод, когда он нанёс другому американцу и Сметанину удары в область паха. Его потом пытались задержать, но он вырвался из цепких рук, оставив им «на память» свою куртку из натуральной кожи. Никому не доложив о происшедшем, на следующий день он набил физиономию своднику, после чего они мирно разошлись, дико боясь друг друга.

Тем временем Сметанин без помех оформил отпуск.

С женой и дочерью он подлетал к Москве. Через иллюминатор четко просматривались, словно подсиненные неведомым чародеем-художником, водоемы, разноколерные

В левой дужке очков — яд для самоубийства

участки полей, лесных массивов, голубые жилки речушек и русло Москвы-реки. Потом поплыли серые бетонные коробки домов. Самолет сделал разворот, стремительно понеслись навстречу аэровокзальные постройки и посадочная полоса.

— Ну, жена, вот мы и дома. Но не надолго. Я думаю, дней двадцать нам хватит, чтобы решить все проблемы и поскорей смыться.

— Всё будет зависеть от того, как скоро управимся, — ответила супруга.

— Тёща все сделала. Ну, почти всё. Останется навещать только мою мать, — дней десять хватит па прощание с ней, родственниками и родным краем.

Таможенный контроль прошли спокойно, хотя у Сметанина нервы напряглись при мысли непредвиденного досмотра. Однако он её тут же отогнал, ведь у него зеленый дипломатический паспорт. Затеяв черное дело, постоянно остерегался, не доверял оружающим.

На вторую ночь после приезда в столицу он пришел к выводу о необходимости провериться — нет ли слежки? На ошибочный звонок прореагировал довольно-таки ориги-

нально. Когда незнакомец понял, что не туда попал и сразу же повесил трубку, последовали короткие гудки, — линия занята. Хозяин моментально сообразил, что ситуация должна сработать на него, и он, как ни в чем не бывало, продолжал «беседовать»:

— Петя, дорогой мой дружище, привет тебе, привет... да, старик, мы приехали, а завтра уже уезжаем на мою родину к матери. Как я соскучился по России... Ну хорошо, если ты настаиваешь, буду минут через десять. Какой-какой, повтори, номер твоей машины? Понял. Будешь у метро. Вот и хорошо!

Ровно через минуту он покинул квартиру. Часы показывали 23.30. Вышел из подъезда, оглядываясь по сторонам, прошел вокруг своего квартала, используя для возможной фиксации «наружки» и отрыва от неё проходные дворы и открытые пространства скверов. Ничего подозрительного не заметив, возвратился домой.

Вызывали беспокойство полученные от американцев очки и очечник. Утром, подойдя к расшторенному окну, в стекла которого бархатным лучом уперлось солнце, Сметанин долго рассматривал левую дужку очков, исследуя её на просвет и запах. Очечник глубоко прощупал. Внешне в этих предметах ничего подозрительного не обнаруживалось. Очки и очечник он осторожно положил в кейс, с которым решил не разлучаться в отпуске.

В оборудованном наспех тайнике за платяным шкафом Геннадий спрятал черновик своей будущей книги — еженедельник «Аэрофлот», напичканный шпионской информацией.

— Света, — обратился он к жене на следующий день после ночного выхода из дома, — у меня такое чувство, что нас могут оставить служить здесь.

— А как быть с вещами?

— Их отправят контейнером или соберут в багаж.

— А почему так может руководство поступить?

— По оперативным соображениям. Есть такой термин в разведке, и ничем против этого не возразишь... Тогда ты одна сметаешься в Лиссабон, чтобы собрать вещи и отправить. Ребята помогут.

— А может, уедем?

— Может...

— А что в таком случае будем делать с деньгами, вырученными от продажи машины и мебели? — спросила жена.

— Потратим в отпуске, а оставшиеся раздадим родственникам. Это если за границу будем возвращаться вместе. Часть израсходуем на себя, — мы же должны достойно прожить последние дни в стране абсурда.

Она что-то ответила и стала возиться у кухонного стола.

Беседуя с тещей по телефону, Геннадий дал ей поручение: после убийства их в Португалию продать оставшуюся мебель и другие вещи, а деньги взять себе.

— Мы обеспечены. Привезём большие деньги и купим всё новое, — «пудрил» мозги старушке зятёк.

...Поездка на малую родину прошла для Сметанина по задуманной им заранее схеме. Покидая навсегда престарелую мать и отчий дом, он ничем не выдал себя. Возвращался в Москву с хорошим настроением. Не омрачал его даже находившийся при нём кейс со зловещим содержимым.

Военные контрразведчики вместе с другими подразделениями КГБ ко времени отъезда Сметаниных за пределы Москвы уже располагали необходимыми доказательствами их преступной деятельности.

На рабочем совещании в отделе, возглавляемом к тому времени опытным оперативником полковником А. Моляковым, было решено задержать подозреваемого в шпионаже Сметанина в пассажирском вагоне при возвращении его в Москву. Такая поспешность объяснялась тем, что всесторонний анализ имевшихся данных убеждал чекистов, что уликовые материалы в виде шпионской экипировки он носит с собой.

Операция по задержанию супружеской четы прошла успешно. В ходе личного обыска Сметанина, как и предполагалось, в кейсе нашли очки с ампулой сильнодействующего яда — средства для самоуничтожения в случае провала. Они лежали в кожаном очечнике, при вскрытии которого под подкладкой было обнаружено семь листов с планом шпионской связи, подготовленном сотрудниками ЦРУ. Обыск на квартире задержанных существенно расширил доказательную базу. Нашелся еженедельник «Аэро-

ЦИФРА. ЧТОБЫ НАЙТИ ИСХОДНУЮ ТОЧКУ ДЛЯ РАСШИФРОВКИ КАЖДОГО СООБЩЕНИЯ, ПРОСМОТРИТЕ КРАЙНЕ-ЛЕВЫЙ СТОЛБЕЦ ВАШЕЙ ТАБЛИЦЫ. ТАМ ВЫ НАЙДЕТЕ ПЯТИЗНАЧНУЮ ГРУППУ, КОТОРАЯ ИДЕНТИЧНА ПЕРВОЙ ГРУППЕ ЦИФР В СООБЩЕНИИ. ЭТО УКАЗАТЕЛЬНАЯ ГРУППА, УКАЗЫВАЮЩАЯ НАЧАЛО СООБЩЕНИЯ В ВАШЕЙ ТАБЛИЦЕ РАСШИФРОВКИ. ДЛЯ ПЕРВОЙ ПЕРЕДАЧИ, УКАЗАТЕЛЬНОЙ ГРУППОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРВАЯ ГРУППА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ТАБЛИЦЫ РАСШИФРОВКИ. ДЛЯ РАСШИФРОВКИ СООБЩЕНИЯ ВЫ ДОЛЖНЫ ТОЧНО СЛЕДОВАТЬ НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ УКАЗАНИЯМ:

(1) НАЙДЯ УКАЗАТЕЛЬНУЮ ГРУППУ В ТАБЛИЦЕ РАСШИФРОВКИ, ПЕРЕПИШИТЕ ЕЕ И НЕУБНОЕ ЧИСЛО ГРУПП (УПОМЯНУТОЕ ДИКТОРШЕЙ В НАЧАЛЕ ПЕРЕДАЧИ) НА ЛИСТ БУМАГИ. ПЕРЕПИСЫВАЙТЕ ГРУППЫ СЛЕВА НАПРАВО, В ТОМ ЖЕ ПОРЯДКЕ, В КОТОРОМ ОНИ ДАНЫ В ТАБЛИЦЕ.

(2) ЗАПИШИТЕ ГРУППЫ СООБЩЕНИЯ ПРЯМО ПОД ГРУППАМИ ИЗ ТАБЛИЦЫ ЦИФРА ЗА ЦИФРОЙ, НАЧИНАЯ С УКАЗАТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ. КАЖДАЯ ЦИФРА НАШЕГО СООБЩЕНИЯ ДОЛЖНА СТОЯТЬ ПРЯМО ПОД СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ЦИФРОЙ ИЗ ТАБЛИЦЫ РАСШИФРОВКИ.

(3) ПРОВЕДИТЕ ЛОЖНОЕ ВЫЧИТАНИЕ ПЯТИЗНАЧНЫХ ГРУПП НАШЕГО СООБЩЕНИЯ ИЗ ГРУПП ПЕРЕПИСАННЫХ С ТАБЛИЦЫ РАСШИФРОВКИ, ВЫЧИТАЯ СЛЕВА НАПРАВО. ЕСЛИ ВЕРХНЯЯ ЦИФРА МЕНЬШЕ НИЖНЕЙ, К ВЕРХНЕЙ ЦИФРЕ УМСТВЕННО ПРИБАВЬТЕ ДЕСЯТЬ И ВЫЧИТАЙТЕ БЕЗ ПЕРЕНОСА, НЕ ЗАНИМАЯ У СОСЕДНЕЙ ЦИФРЫ. ИНЫМИ СЛОВАМИ, ВЫЧИТАНИЕ ПРОИЗВОДИТСЯ НЕЗАВИСИМО ОТ СОСЕДНИХ ЦИФР.

(4) ЧТОБЫ ПРЕВРАТИТЬ РЕЗУЛЬТАТ ЛОЖНОГО ВЫЧИТАНИЯ В ТЕКСТ НАШЕГО СООБЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЙТЕ ПРИЛАГАЕМУЮ ТАБЛИЦУ ЗАКЛЮЧИТЕЛЕЙ. ВЫ УВИДИТЕ ПО ТАБЛИЦЕ, ЧТО НЕКОТОРЫЕ БУКВЫ ЗАМЕНЯЮТСЯ ОДНОЗНАЧНОЙ ЦИФРОЙ, А ДРУГИЕ БУКВЫ, РАВНО КАК И ЦИФРЫ И ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ, ЗАМЕНЯЮТСЯ ДВУЗНАЧНОЙ ЦИФРОЙ. ИНОГДА ЭТА ДВУЗНАЧНАЯ ЦИФРА БУДЕТ РАЗДЕЛЕНА, Т.Е. ОДНА ПОЛОВИНА ОКАЖЕТСЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЦИФРОЙ В ОДНОЙ ПЯТИЗНАЧНОЙ ГРУППЕ, А ДРУГАЯ ПОЛОВИНА БУДЕТ ПЕРВОЙ ЦИФРОЙ СЛЕДУЮЩЕЙ ПЯТИЗНАЧНОЙ ГРУППЫ. НАПРИМЕР:

02995	52452	16751	07770	44954	23561	07761	40230	(1)
02995	28504	35546	27302	62192	55390	09053	87667	(2)
00000	34956	81295	00470	82062	70271	08710	61671	(3)
	НО . ?	РН .	ПО Л	У ЧИ	ИМ В	А ШЕ	ЧЕТ В	(4)
50351	09118	67642	53094	02270	57595	04905	71966	(1)
40297	74771	69039	52153	99906	30366	75424	74687	(2)
10164	15447	00813	21941	13394	29239	39581	07309	(3)
Е РТО	ЕСОО	Б ШЕН	НЕ	Л З	И ШИ	Я . Р	А Д М	(4)
55451	43020	03064	45151	20672	11890	70060	62071	(1)
79013	26725	32357	40354	06078	43072	15473	62071	(2)
86640	27105	71517	07007	24004	70028	63495	00000	(3)
ЧТО	У ВАС	ВСЕ	Б ДА	ГО ПО	А У	ЧНО .		(4)

ТЕКСТ СООБЩЕНИЯ:

"НО. ГИМ. ПОЛУЧИЛИ ВАШЕ ЧЕТВЕРТОЕ СООБЩЕНИЕ 13 ИЮНЯ. РАДО ЧТО У ВАС ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО."

- (1) ГРУППЫ ИЗ ТАБЛИЦЫ РАСШИФРОВКИ.
- (2) 24 ГРУППЫ СООБЩЕНИЯ (ПРИМЕР ИЗ ЧЕТВЕРТОГО АБЗАЦА, ВЫШЕ).
- (3) РЕЗУЛЬТАТ ЛОЖНОГО ВЫЧИТАНИЯ.
- (4) БУКВЕННЫЙ ТЕКСТ. (ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ

Один из листков инструкции по связи,
извлеченный из очечника

флот» с записями, составляющими военную и государственную тайну.

Экспертиза вскоре подтвердила, что в ампуле действительно находится яд — цианистый калий, а еженедельник заполнен рукой Сметанина.

Извлеченный из очечника план связи предусматривал все стороны регулирования шпионской деятельности и

осуществления конкретной связи с представителями ЦРУ как на территории СССР, так и за границей.

Вот что говорилось в одном из разделов плана связи — «Как слушать и расшифровывать наши радиопередачи»: «Передачи разведцентра ЦРУ из Франкфурта-на-Майне будут передаваться в цифрах, разделенные на пятизначные группы, которые вы сможете расшифровать при помощи таблиц расшифровки. Ввиду того, что только у нас с вами имеется такая таблица, никто другой не сможет понять наши сообщения вам.

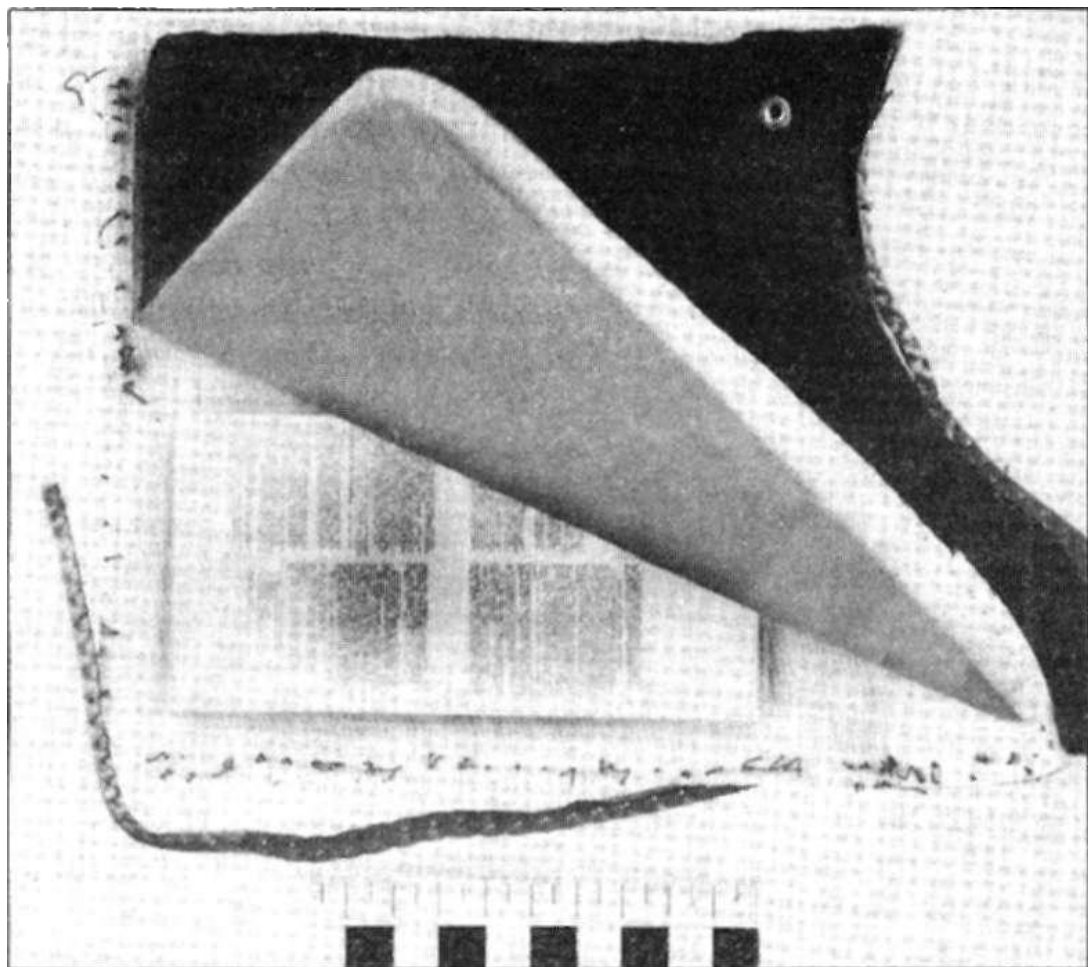
Обязательно слушайте наши передачи наедине через наушники, чтобы посторонние не знали, что вы именно слушаете...»

Далее в инструкции отмечалось, что включаться в активную работу следует спустя 10—11 месяцев после приезда на родину, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Агенту рекомендовалось за год адаптироваться к новым условиям: привыкнуть к коллективу, войти в доверие к руководству, а после этого начать слушать радиопередачи. Летом — с 1 апреля по 30 сентября — по средам с 22.00, по пятницам с 23.00 в диапазонах 4770/6920 кГц — 57.36.09 м; зимой — с 1 октября по 31 марта — по средам и пятницам с 22.00 в диапазонах 4770/6920 кГц — 62.89.43.35 м. Время московское.

«Вы будете знать, — говорилось в инструкции, — что передача «боевая», если цифра позывного сигнала будет 2, 5, 6, 7 и 9. Если передача «холостая», то первая цифра позывного сигнала будет 1, 3, 4, 8 или 0...»

В камере предварительного заключения у Сметанина было время продумать, как вести себя на следствии. Он выбрал путь лжи, на контакт со следователем не пошел. Пойманный практически с поличным, юлил, оправдывался, цинично заявляя, что сотрудничал с американцами из-за желания «поиграть».

По мере поступления новых материалов он отказывался от первоначальных показаний и приводил иную интерпретацию фактов. Показывал мнимое раскаяние, обеляя себя даже в тех случаях, когда изобличался в предательстве и жестокости по отношению к сослуживцам и агентуре.

Очечник-камуфляж, в котором размещалась
инструкция по связи

Жена Сметанина сразу же искренне созналась в преступлениях, которые совершала с мужем. Именно её показания помогли изобличить шпиона, а также сохранить жизнь нескольким помощникам ГРУ за рубежом. Их успели вывести из-под удара местной контрразведки.

Сметанин нервничал, нутром чувствуя, что следователь не очень доверяет его доводам, преследующим одну цель: побольше сбросить обвинений и поменьше вынести на процесс отягощающих обстоятельств.

Он охотно беседовал с адвокатом, искал хотя бы какие-то смягчающие обстоятельства, вёл записи своих объяснений и пояснений, чтобы не сбиться с лживой линии при защите. Однако она всякий раз ломалась после очных ставок, показаний жены и других участников следствия. Вещественные доказательства и элементарная логика рушили

все его умозаключения. Материалы экспертиз, допросов свидетелей из числа знакомых и коллег буквально потрясли подследственного. Иногда у него просыпалось чувство реальности, и он начинал говорить правду. Перечислял конспиративные квартиры, на которых его принимали американские разведчики. Называл магазины в Лиссабоне, где за доллары ЦРУ они с женой покупали ювелирные изделия и золото, — «Пимента», «Маршатан», «АСС» и др.

По мере приближения дела к завершению подследственный стал всё больше нервничать. Обвинительное заключение, предъявленное ему, он вынужден был, за малым исключением, признать полностью...

На процессе Сметанин начал с новой силой лгать, изворачиваться, делать вид, что подписывал некоторые протоколы под давлением, что его «попутал бес» из-за легкости полученных денег, которые он вначале мыслил «передать бедному государству». Однако под давлением неопровержимых доказательств ему оставалось только признавать и уточнять некоторые детали своей преступной деятельности.

На предложение председательствующего Военной коллегии Верховного Суда СССР опровергнуть или подтвердить его встречи на негласной основе с представителями ЦРУ Сметанин признался, что, будучи завербованным американской разведкой, он провел восемь встреч в доме № 1 по улице Партикуляр в городе Кашкайше, одну — в гостинице «Париж» в Лиссабоне, одиннадцать — в отеле «Сибра» города Эшториле... Он ещё долго перечислял места конспиративных встреч, на которых продавал секретный товар заокеанским «купцам».

Судебный процесс по делу Сметаниных установил объём секретной информации, которую они выдали американским спецслужбам. Вот неполный перечень выданного только супругом: кадровый состав заграничного аппарата ПГУ КГБ в Португалии, агентура резидентуры ГРУ, объекты оперативных разработок на иностранцев, конспиративные адреса, содержание 33 директив ГРУ, задачи и состав частей специального назначения СССР и многое другое.

Общественный обвинитель отметил, что основу предательства Сметанина составили его личные негативные качества, которые по вине непосредственных начальников

Оглашение приговора супругам Сметаниным
в зале Верховного Суда СССР

оставались долгое время незамеченными. Это прежде всего низкая мораль, корыстолюбие, неуживчивость в коллективе, зависть к успехам коллег и врожденное холуйство, позволившее ему щеголять и прикрываться связями особого характера с одним из руководителей ГРУ.

Суд установил истину и выдал шпионам по заслугам. Газеты «Правда», «Известия», «Красная Звезда» и другие за 1985 год сообщали о том, что Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела уголовное дело по обвинению в шпионской деятельности агентов американской разведки супругов Сметаниных и приговорила: Г. А. Сметанина к исключительной мере наказания — расстрелу, С И. Сметанину — к 5-ти годам лишения свободы в ИТК строгого режима с конфискацией имущества...

Прошло несколько лет. По московской улице идет молодая, красивая женщина, низко опустив голову. Её бледное лицо, знавшее когда-то французский и португальский загары, сосредоточено. Это идет домой супруга Сметанина, досрочно освобожденная, по ходатайству органов госбезо-

пасности, из места заключения. Она спешит к дочери. А в памяти ещё не стерлись воспоминания сытой и роскошной жизни за границей с престижным положением супруга, путешествиями по дорогам Франции и Португалии. Чего не хватало?

Проходит мимо своего бывшего дома и квартиры. Теперь там живут другие люди. Она направляется к отчому дому, где старики мыкают горе, позор и прозябание с внучкой, — её ребенком, ничем не виновным.

Где-то в душе просыпаются обида, злость, уныние, но они тут же и проходят, когда она открывает двери и к ней в объятия бросается вытянувшаяся и повзрослевшая дочурка.

— Мама, мама, как хорошо... теперь мы будем жить вместе?! Мы вместе — ура! Не расстанемся никогда, правда, мама?

Женщина плачет от счастья, слёзы катятся градом. В окно светит яркое весеннее солнце, предвещая наступление погожего дня. Впереди новая жизнь — трудная, но свободная и честная!

ЧЕРНАЯ ЗАВИСТЬ ИНИЦИАТИВНИКА

*Завистник сам себе враг, потому что
страдает от зла, созданного им самим.*

Ш. Монтескье

Майор Бушин* полтора года как возвратился из длительной заграничной командировки во Францию, где проходил службу в должности помощника военного атташе. Материально обеспечил семье вполне *сносную* жизнь: купил машину «Нива», приобрел мебель, придел семейство. Командование улучшило жилищные условия, предоставив на четверых трехкомнатную квартиру, определило его на службу в центральный аппарат ГРУ. Всё было прекрасно — миловидная жена, послушные дети. Жизнь текла целеустремленно и весело. Начальство обещало ему вторую командировку туда же, учитывая его высокий технический профессионализм.

Июньское воскресное утро зажглось рано, разбудив хозяина упрямыми лучами восходящего светила. Майор любил понежиться в постели.

— Зина, — обратился он к жене, — давай мотнем сегодня на Царицынские пруды — водичка там теплая.

— Чудесно, я согласна. Дети будут рады.

Выехали через пару часов. Солнце уже припекало, но через приоткрытые стекла дверок машины залетал сквознячок, бодривший разомлевших пассажиров. Две дочки сидели на заднем сиденье и забавлялись котенком Тимошей, который никак не мог привыкнуть к новым условиям обитания. Он то мяукал, то пытался просунуть мордочку в щель приоткрытого окна, то угрожающе испуганно шипел, забираясь под переднее сиденье. Мать тоже подключалась к забавам дочерей. Только водитель был невозмутим, сосредоточенно наблюдая за дорогой. По этому маршруту он ехал впервые.

* Фамилия заменена.

Вот и место отдыха с массой отдыхающих И не умолкающим шумом. Пруд местами рябил, облитый желтым солнечным маслом.

— Какая красота! — выдохнула жена.

— А разве в Париже нам было хуже? — заметил супруг.

— Там ощущалась временность проживания.

— Я ее не ощущал.

— Кстати, ты знаешь, как называлось раньше село Царицыно? — спросила Зина.

— Нет.

— Черная Грязь. Здесь работал великий Баженов, мечтавший связать архитектуру с природой.

Лужайку, которую они выбрали, покрывала трава. О берег едва плескалась вода. В настороженной неподвижности летнего полудня дрожала жестяная листва осинки, стоявшей рядом. В отяжелевших и склонившихся к пруду зеленых гривах кустов майору рисовались воды Версальского озера, на берегах которого он часто бывал с семьей.

— История царицынских строений, — продолжала жена, — восходит к правлению Екатерины. Именно она дала зодчему очередной заказ построить здесь загородный имперский дворец. Десять лет самозабвенно трудился Баженов, и в Царицыно появляются здания, мосты, беседки, где красный кирпич и белый камень соединились в причудливые узоры.

— Иностранцы приглашались к работам? — поинтересовался Петр.

— Нет. Стрельчатые пролеты, арки, зубчатые башни, летящие фигуры, фантастические звери — химеры, — всё это создано руками крепостных, умом великого архитектора и было похоже на удивительную русскую сказку. Постройка ещё не была закончена, но Екатерина пожелала взглянуть на плод императорского желания. В 1785 году она приезжает на стройку, но почему-то была не в духе. По одной версии, венценосной особе якобы донесли, что мастер стал на сторону ее недругов, замышлявших чуть ли не погубить её. Когда из-за густых деревьев показались первые строения, Екатерина остановила карету и, нахмурившись, спросила: «Что это за чудище? Это острог, а не дворец! Сломать его до основания!»

На следующий день те же самые крепостные каменщики, которые ещё вчера трудились над созданием дворца, начали его рушить. Поседевший за эти дни Баженов приезжал каждое утро в Царицыно и со слезами на глазах часами смотрел, как рушатся творения его души и рук мастеров. Скоро он слёг...

Вот такая история произошла на этой земле. Если бы осуществился баженовский замысел, мы бы с вами купались в великолепии не хуже версальского.

— Ну ты, Зинок, и даешь, рассказала не хуже опытного гида. А вообще пора искупаться.,.

Возвращались домой отдохнувшие, хотя и слегка разбитые дневным зноем. Под впечатлением рассказанного женой, сидя за рулем и ведя машину теперь уже знакомым маршрутом, Петр мог немного расслабиться. Он предался приятным воспоминаниям о времени, проведенном во Франции. Вспомнился Лувр, слившийся с изумительным садом Тюильри. Старые каштаны по весне молодо зеленели. Они с женой и детьми спокойно прохаживались по Елисейским полям. И опять каштаны, каштаны, каштаны. На ветвях — конусные соцветья, похожие на елочные свечи. Грезилась сумерки, окутавшие Париж фиолетовыми тенями, гребенчатые кровли с флюгерами, маленькие балкончики и стены старинных домов, увитые плющом и жимолостью. Как-то они шли по городу на исходе гаснущего дня. На фоне перламутровых облаков виднелся собор Нотр-Дам. Золотой лентой блестела Сена.

— Зина, ты помнишь наше посещение собора Парижской Богоматери?

— А как же! Там перед галереей королей и святых, стоявших в нишах портала, я присела на балюстраду, все представляя седое вчера.

— Нет, нет, я никогда не смогу забыть собора, — проговорил в задумчивости Петр. — Может, Бог даст, ещё раз съездим в Париж.

— Дай Бог. Как забыть статуи, — конные и пешие, коленопреклоненные и стоявшие во весь рост, королей древней Лютении в зубчатых коронах, епископов в трехъярусных тиарах, воинов в доспехах, грозно опирающихся на громадные мечи. А ты, я не знаю, обратил ли внимание на

то, что одни были изваяны грубо из простого камня, другие — из мрамора, успевшего пожелтеть. Эти фигуры мне казались тогда живыми, готовыми вот-вот сойти с постаментов.

— Париж есть Париж, лапуня, — подытожил муж, выходя на последний поворот по дороге домой.

— Мама, папа, посмотрите, наш дом, — закричали хором девочки...

В понедельник, придя на службу, майор Бушин узнал неприятную для себя весть. Руководство ГРУ запланировало на осень направить в Париж не его, как обещало, а майора Быкова, которого он считал намного слабее и в языковой, и в оперативной подготовке. Но как говорится, зависть — это сожаление о чужом благе. Зависть есть ненависть, поскольку она действует на человека таким образом, что он чувствует неудовольствие при виде чужого счастья, и наоборот — находит удовольствие в чужом несчастье.

«Что делать? Как действовать? На какие рычаги надавить, чтобы поломать планы руководства?» — роились вопросы в голове завистника.

Наконец план созрел. Бушин понимал, что для того, чтобы выезд состоялся, нужен агреман — предварительное согласие МИД Франции на назначение Быкова в качестве дипломатического представителя СССР. Ответы на такие запросы советской стороне задерживались месяцами.

«Мне надо сделать так, чтобы французы не пожелали его принять. Просто отказали. Только тогда кадровики вернутся к моей кандидатуре, — размышлял Бушин. — Мы с ним редкие специалисты. Есть два пути: связаться в Москве с представителем посольства Франции или написать в Париж знакомому офицеру центрального аппарата Министерства обороны Марселю Бонэ».

В своё время, когда у Бушина заканчивалась командировка и он на одной из встреч рассказал Бонэ о скором возвращении на Родину, тот, на первый взгляд, огорчился, а через несколько дней преподнес советскому офицеру уникальный подарок — книгу о Наполеоне, изданную в 19 веке.

— Прими, Петр, этот духовный сувенир. Пусть он тебе напоминает о величайшем человеке Франции, чей гений одержал победу более чем в шести десятках сражений, —

с пафосом проговорил французский полковник. — Я думаю, Бог подарит нам возможность встретиться ещё раз на этой земле.

Не остался в долгу и советский офицер. На следующей встрече он подарил французу чайный сервиз из Гжели. Бонэ был растроган и пригласил Бушина приехать в Париж туристом, а лучше снова по служебной линии.

— Марсель, я обязательно постараюсь быть хорошим и прибыть во вторую командировку в вашу столицу, воздухом и видами которой я живу и буду жить всегда, — ответил захмелевший Бушин. На том и расстались.

И вот вновь перед советским майором возник образ французского полковника, являвшегося, несомненно, представителем военной разведки. «Конечно, вариант с Бонэ более надежен, — подумал офицер, — но быстрее решится задача через посольство».

После этого он стал систематически появляться в районе расположения французской дипломатической миссии на Октябрьской площади. Изучал особенности пропускного режима, наблюдал за действиями охраны, вычленяя и запоминая приметы сотрудников посольства, к которым можно потом обратиться где-то в городе.

И все же он очень опасался неожиданной встречи с сослуживцами и нашей охраны посольства, которая моментально дала бы ориентировку на него «наружке», а та бы мгновенно вышла на него. А потом попробуй отмойся!

Решил действовать по-другому. Зная, что его подразделение отправляет диппочту почти каждую неделю, он подготовил в Париж два письма. Первое написал другу-дипломату Стасу Росточкому, с которым осушил не одну бутылку коньяка, дружили семьями, бывали друг у друга в гостях. Другое же письмо с рождественским поздравлением адресовал Бонэ. В нём говорилось: «Здравствуй, уважаемый Марсель! Высылаю вместе с поздравлением мою убедительную просьбу. Дело в том, что к вам готовится прибыть на мою предыдущую должность помощника военного атташе майор Быков Игорь Васильевич, человек опытный и знающий, способный активно вести работу против вашей

страны. Сделайте всё возможное, чтобы он не получил агремана. В таком случае есть возможность приехать мне снова в вашу прекрасную страну. Обязуюсь за эту услугу тебе и Франции помочь. Обнимаю. С уважением Бушин». ,

Записку он вложил между плотных корочек двойной открытки, а её — в конверт, заклеенный скотчем. Оба письма упаковал в ещё один конверт большего размера, на котором написал печатными буквами красным фломастером: «Станиславу Ростоцкому. Посольство СССР в Париже». В письме к Станиславу просил передать конверт с поздравлениями французу, которого он тоже знал.

Пакет передал через офицера Петрова, с которым поддерживал дружеские отношения. Кстати, в нарушение порядка отправки материалов из ГРУ, таким способом передавались не только письма, но и вещи. Последний заверил, что через несколько минут упакует почту и законным порядком отправит диппочту по назначению.

Время шло, а ответа от Станислава всё не было. Петров клялся и божился, что конверт отправил. Вскоре пришел агреман на Быкова, и тот уехал за границу. Вот тут-то и начал волноваться Бушин.

«Неужели прокол? Не мог Петров меня продать, как и Стае... А может, письмо не дошло до адресата, — беспокоился майор. — Тогда это опасно. Что же делать? Явиться с повинной на Лубянку? Всё равно меня выпрут из ГРУ, если история станет известна начальству. Всё же не надо спешить, нужно подождать и посмотреть, как будут разворачиваться события. Сам рапорт на увольнение писать не буду».

Однако события разворачивались стремительно и не в его пользу. Руководство ГРУ дало команду срочно уволить молодого старшего офицера. Когда начался тихий «бракоразводный» процесс Бушина с ГРУ, офицер никаких претензий кадровикам не предъявлял, прекрасно понимая, что командованию стало известно о его письме с фактическим предложением услуг французской разведке. Руководство ГРУ боялось огласки, а поэтому торопилось сделать Бушина гражданским лицом. Мотивировка приказа — уволен по сокращению штатов — его вполне устраивала.

Но не успели высохнуть чернила на подписи приказа, как компроматериялы на «вольноопределяющего» были пе-

реданы в 3-е Главное управление КГБ военным контрразведчикам, — разбирайтесь, мол, сами, он теперь не офицер, а «цивильник».

Военной прокуратурой была сразу же дана правовая оценка деяния Бушина: покушение на измену Родине. Следствие вел Следственный отдел КГБ СССР, сотрудники которого доказали наличие состава преступления...

Стороженко на совещании с оперсоставом на примере противоправных действий Бушина заметил, что ещё чуть-чуть — и мы бы проглядели будущего шпиона. Досталось по справедливости и капитану Щеглову, на объекте которого служил инициативник. Он пытался оправдываться, по факты «прокола» в работе были налицо, с чем, к его чести, он всё же согласился.

Долго ещё оперативники С. Бсзрученков, Н. Стороженко, В. Перец деловито обсуждали этот сбой на оперативных совещаниях, что явилось дополнительным, конкретным учебным материалом для молодых сотрудников. Погрешности чекисты старались не прятать, «не загонять болезнь вглубь» неуклюжими оправданиями, а врачевать критикой и деловой помощью.

Потом был суд. Судила Бушина Военная коллегия Верховного Суда СССР. Он являл то саму невинность, то показывал судебному присутствию серьёзную и глубокую переоценку того, что совершил.

— Да, я очень хотел снова попасть в Париж, даже ценой готовящегося предательства, — заявил он председателствующему на суде.

По завершению процесса один из ветеранов ГРУ скажет:

— После войны и даже в 50-х годах, когда авторитет страны был велик и работать военным разведчикам стало легче в силу притягательности народов к стране-победительнице, у офицеров не было такого стремления попасть за границу. Сейчас же молодежь рвётся туда, хотя знает, что там россиянам не очень-то дают развернуться. Их провоцируют, задерживают, бьют, вербуют... Не парадокс ли? Одним патриотизмом такое явление не объяснить. Стало престижно не уходить в «поле» для вербовки иностранцев,

а работая «ножницами» по газетам и журналам, спокойно жить. Вот ответ на вопрос, почему офицеры рвутся за рубеж. Получают все одинаково, хотя работают по-разному. Такого явления раньше не было.

На вопрос обвинителя, как подсудимый планировал построить жизнь в случае отъезда во вторую командировку, Бушин без обиняков ответил:

— Если откровенно, то, конечно же, поработал бы на французов, потому что они в любое время могли меня шантажировать запиской полковнику Бонэ. Несомненно, они помогли бы мне материалами для демонстрации активной работы. На Родину вернулся бы, по всей вероятности, шпионом.

Откровенные признания поразили судью и народных заседателей: во-первых, неприкрытой циничностью, а во-вторых, сермяжной правдой, на которую способны только раскаявшиеся натуры.

Сидя в зале судебного заседания и наблюдая за поведением Бушина, Стороженко всё чаще ловил себя на мысли, что часть офицерского корпуса, выведенного из равновесия падением престижа воинской службы, низкими окладами и бытовой неустроенностью, деградировала, что свидетельствовало об ошибочности проводимой военной политики государства. По вине партийных вождей последствия такого «рачительного хозяйствования» начали сказываться даже на военнотружущих стратегической разведки.

После суда Бушин терзался, желая поскорее покинуть тюрьму и в лагере отдаться любой работе. Он сознавал, что в работе быстрее бежит время. Вспомнились слова жены, сказанные ею однажды, когда разговор крутился вокруг денег. Она тогда сказала, что простейший способ не нуждаться в деньгах — не получать больше, чем нужно, а проживать меньше, чем можно.

«Я же нарушил сей закон, — подумал Петр. — И вот как результат — камера. Сделаю всё возможное, чтобы поскорее освободиться. Буду землю зубами рыть, только бы поскорее выйти и зажить по-новому. А пять лет, данные по суду, я укорочу досрочным освобождением. На-

дежда — она похожа на ночное небо: нет такого уголка, где бы глаз, упорно ищущий, не открыл бы в конце концов какую-нибудь звездочку. Моя звездочка — вернуться к семье».

Бушину ещё несколько месяцев пришлось отбывать в Лефортово. Были и другие камеры, и другие люди в них. Оставался только он со своими мыслями, будоражившими его самолюбивую натуру.

Стороженко, получая информацию из различных источников об откровениях осужденного в камере, ещё раз убеждался в том, что поступки и преступления лепятся обстоятельствами и характерами, стержнем которых бывают деньги, а не убеждения.

«Разве с такими здоровыми мыслями о судьбе Родины, о болячках страны, — размышлял Николай, — могут вырасти закоренелые упыри государства? В тяжелую годину для Руси они сразу же встанут в строй ратников, как это было в минувшее лихолетье, когда героями в борьбе с фашистами становились обиженные советской властью. А какая власть не обижает? С другой стороны, за воровство себе лучшей доли надо платить ценою неволи, хотя каждый, преступивший закон, надеется уйти от возмездия. Люди, считающие деньги «вездеходом» по замкам счастья, постепенно превращаются в одержимых этой идеей».

Прошло еще несколько недель, и Бушин ехал в арестантском вагоне. Впервые через зарешеченное окно прощался с просторами Подмосковья. Прощался, чтобы где-то в Мордовии отработать за свою роковую «оплошность», которая привела к леденящему душу приговору суда: «Покушение на измену Родине».

ЗАПОЗДАВШЕЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Нет негодяя, который был бы настолько глуп, чтобы не нашел бы ни одного довода для оправдания своей подлости.

К. Кернер

В мае 1991 года в Англии была издана книга «Беспощадный воитель», написанная корреспондентом Британской радиовещательной корпорации Томом Мэйгоулдом, в которой говорится об агенте спецслужб США под псевдонимом «Топ Хэт», являвшегося советским генерал-майором Дмитрием Федоровичем Поляковым. Но к тому времени агент уже был обезврежен. Он был самым высокопоставленным «кротом», которого когда-либо имели американцы внутри ГРУ Генштаба ВС СССР.

Упомянутая книга посвящена главному охотнику за шпионами, начальнику контрразведки ЦРУ Д. Энглtonу, по вине которого, как считает автор, произошел провал этого ценного американского источника.

Дело в том, что Энглтон был страстным поборником «холодной войны» и ярким противником работы с инициативниками, предлагавшими добровольно свои услуги ФБР или ЦРУ. Он считал их подосланными агентами КГБ или ГРУ и утверждал, что Запад стоит перед неминуемым массовым наступлением органов госбезопасности СССР. Необходимо отметить, что недоверие к перебежчикам у Энглтона возникло в самые критические и взрывоопасные годы противостояния двух великих держав после Второй мировой войны. Запад с большим трудом сдерживал разведывательность советских спецслужб.

Инцидент с самолетом У-2, берлинский кризис 1961 года, карибский — годом позже, отставание США от СССР в ракетостроении и освоении космоса, активизация деятельности коммунистических и рабочих партий, усиление Группы советских войск в Германии и др., — создавали бла-

гоприятный фон для подобных утверждений, тем более среди лиц, специализирующихся по Советскому Союзу.

Это было время, когда две сверхдержавы вцепились друг в друга и поставили будущее всей Земли на карту. Жупел всесильного КГБ витал над США и Западной Европой. Однако наши трезвые политики и представители спецслужб понимали, что такое славословие советским органам безопасности нужно в первую очередь противной стороне для искусственной подпитки антисоветизма и выколачивания всё новых и новых ассигнований на борьбу с вражескими акциями — реальными и мнимыми.

Родившееся не без помощи Энглтона всеобщее недоверие к перебежчикам-инициативникам нанесло определенный вред ЦРУ. В 1976 году он был уволен из разведки США, озлобился, стал злоупотреблять спиртным, а вскоре превратился в законченного алкоголика. Ни годы, ни опыт не ослабили его убеждений в неизбежной «победе коварного и хитроумного КГБ».

В книге Мэнголда речь идет об агенте американских спецслужб, тайно сотрудничавшем с ними более двадцати лет. По учетам ФБР он проходил под псевдонимом «Топ Хэт», а работая в дальнейшем на ЦРУ, агент стал «Бурбоном». Еще ранее — 27 февраля 1978 года — в журнале «Нью-Йорк мэгэзин» появилась статья Эдварда Эпштейна «Легенда», в которой автор делает тонкий намёк на «Бурбона» — советского разведчика-предателя.

Основываясь на некоторых собственных данных и учитывая эти публикации за рубежом о существовании агента (лишнее доказательство, как наделе янки заботятся о безопасности своих помощников), советская военная контрразведка приступила к розыску «крота».

Для того чтобы вычислить предателя, чекистам понадобился скрупулезный анализ материалов на каналах вероятной утечки секретных данных к американцам. Круг лиц, имевших отношение к «убежавшей» информации, постепенно сужался, и настало 7 июля 1986 года, когда генерал-майор Поляков был задержан по подозрению в принадлежности к агентуре спецслужб противника.

Следует отметить, что весь комплекс агентурно-оперативных мероприятий проходил в русле активного взаимодей-

ствия различных подразделений КГБ СССР, в особенности территориальных органов, оперативно-технических подразделений, наружной разведки и ряда самостоятельных служб.

Несмотря на отсутствие прямых данных о подозрительных моментах в действиях Полякова во время его нахождения в загранкомандировках, из информации, переданной внешней контрразведкой КГБ, можно было сделать определенные выводы. Суть их заключалась в том, что объект искусно маскировал «официальные» контакты с американскими разведчиками, работавшими под «крышами» военных атташе.

Впервые Поляков попал в поле зрения американцев, когда в качестве сотрудника ГРУ Генштаба в 1951 — 1956 годах работал в Военно-штабном комитете ООН в Нью-Йорке. Затем на молодого и энергичного майора в конце 50-х годов в Берлине обратили внимание бывшие сотрудники ЦРУ Дик Кович и Джорж Кайзволтер. Советский офицер в Германии выполнял специальные задания Центра. Американцы начали изучать его в качестве кандидата на вербовку.

В октябре 1959 года Поляков уже в звании полковника был вновь назначен в Нью-Йорк для проведения разведывательной работы под прикрытием секретаря советской делегации в ООН.

Узнав о появлении кандидата на вербовку, ФБР стало готовить оперативные условия под необходимую ситуацию. Однако к осени 1961 года Поляков сам стал изыскивать возможности предложить услуги ФБР. Вскоре он установил личный контакт с представителем американской контрразведки. Они приняли его предложение о негласном сотрудничестве безо всяких колебаний.

Билл Брэгиган, длительное время возглавлявший секцию ФБР по контрразведывательной деятельности против СССР, вспоминает, что Поляков был недоволен низкой заработной платой в ООН и пошел на сотрудничество с американской спецслужбой скорее из корыстных соображений, нежели идеологических.

Том Мэнгоулд в книге «Беспощадный воитель» приводит слова Брэгигана о том, что Поляков был настырный в получении дорогих подарков и сувениров за свою предательскую деятельность. Автор отмечает такой эпизод: он

Д. Поляков — самый высокопоставленный «оборотень» советской разведки

ников штабов Министерства обороны США. Он передал представителям советской военной разведки большое количество секретных документов по ядерному оружию США, перемещению войск, военно-стратегическим планам и оценкам, возможностям спутниковых систем, а также системам управления и связи. Его информацию докладывали высшему военному и политическому руководству СССР. Уильям Волен являлся самым высокопоставленным офицером американской армии, который когда-либо был осужден за сотрудничество с советской разведывательной службой.

16 ноября 1961 года Поляков, находясь под прикрытием начальника секретариата Представительства СССР в Военно-штабном комитете (ВШК) ООН, обратился к руководству американской военной миссии при ВШК генералу О'Нейли с просьбой организовать ему встречу с кем-либо из высокопоставленных лиц американской разведки для передачи важных сведений.

Дней через двадцать на имя нашего военного атташе и Полякова пришли приглашения на приём, который

«...хотел получить от ФБР два дорогих охотничьих ружья, чтобы увезти в Москву. Мы сказали ему, что этого делать нельзя, потому что это может вызвать подозрение и он не сможет объяснить их появление у него. Но он настоял на своём, и в конце концов мы передали ему ружья».

В первый же год работы на американцев Поляков выдал ФБР четырех советских агентов, действовавших в вооруженных силах США в начале 60-х годов. Одним из них был подполковник Уильям Х. Волен — советник по вопросам разведки в Комитете началь-

устроивался на квартире американского генерала. По окончании приёма при выходе на улицу Поляков был остановлен одним из присутствовавших, назвавшимся Джоном, который предложил ему встретиться через полтора часа в городе на пересечении 6-й авеню и 60-й стрит.

Встреча состоялась. Беседовали минут тридцать. Джои в разговоре заявил инициативнику, что считает его подставой, и предложил тут же пофамильно назвать шифровальщиков, работающих «под крышей» Представительства СССР. Поляков, не колеблясь, выполнил это требование.

23 и 24 ноября состоялись ещё две конспиративные встречи с Джоном, а через десять дней — ещё одна. Она запомнилась Полякову надолго, так как проходила в гостинице под интригующим названием «Троцкий» в номере на девятом этаже — конспиративной квартире ФБР. На ней всесторонне обсуждались мотивы сотрудничества Полякова, его гарантии и надёжность. В конце беседы произошло практическое закрепление вербовки. По требованию американца Поляков назвал известных ему сотрудников советской военной разведки, работающих в Нью-Йорке.

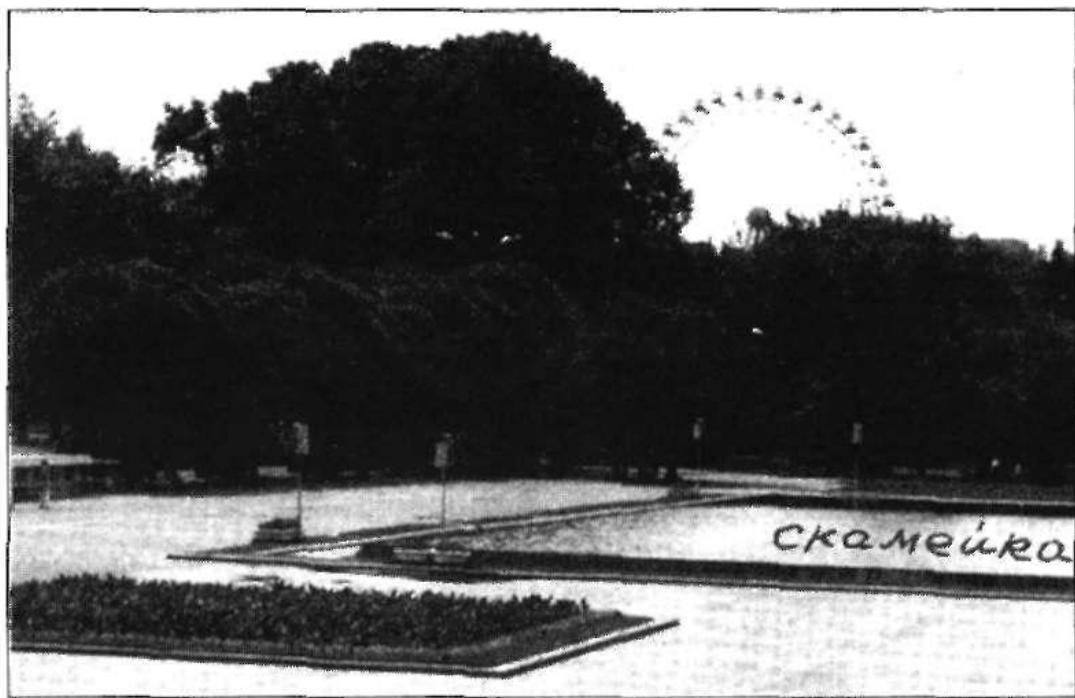
Новые встречи завербованного агента, получившего псевдоним «Топ Хэт», проходили на конспиративной квартире в обеденные перерывы.

После того как Поляков в 1962 году был отозван в Москву, ФБР и вездесущее ЦРУ стали с нетерпением ждать его нового появления за границей, с тем чтобы возобновить прерванное на некоторое время сотрудничество. Предполагая, что агента ещё раз уже не направят в США, ФБР было предложено передать его на связь представителям ЦРУ. С этого периода «Топ Хэт» исчезает, Поляков становится агентом ЦРУ под кличкой «Бурбон».

Не без помощи новых хозяев, как будет рассказано дальше, он дослужился до высокого звания генерал-майор.

Провал четырех ценных агентов ГРУ в США не остался незамеченным для чекистов. Военные контрразведчики тех лет активно включились в поиск «крота». Работали энергично и всеохватно. Однако, к великому сожалению, по непонятным причинам Поляков в список подозреваемых почему-то не попал, продолжая жить и работать под личиной двуликого Януса.

Место закладки тайника «Гор» при входе в парк им. Горького

Инструктируя Полякова перед отъездом из США, американцы советовали сразу же после прибытия на новое место службы вручить дорогостоящие подарки руководителям. Цээрушники специально закупили агенту «сувениры его роста». Они настоятельно рекомендовали ему принять все меры, чтобы попасть на выборную партийно-политическую должность, стать активным пропагандистом марксистско-ленинской идеологии, осесть в подразделении стратегической агентурной разведки с целью повышения гарантий будущих выездов за границу и получения «живой» информации.

Итак, американский агент заработал в ГРУ Генерального штаба. Его готовили за океаном именно для «большой и перспективной работы» в «десятке мишенной системы». Заиметь такого «оборотня» в стане противника для любой разведки — огромный успех. Тем более в годы, когда авторитет нашей страны ещё сверкал в лучах недавней победы, когда высокий патриотизм кадров существенно ограничивал возможности вербовочной работы ЦРУ среди офицерского корпуса. Органы военной контрразведки, хотя и были подточены очередным шельмованием хрущевского об-

разца, работали, используя ещё не забытый опыт противодействия гитлеровской разведке.

Подарки, шпионская экипировка, деньги — всё было приготовлено для организации и проведения враждебной деятельности. Личные встречи и тайниковые операции, быстродействующая двусторонняя радиосвязь с применением приёмно-передающего устройства и сигнализатора, приём шифрованных донесений, «письма-прикрытия» и тайнопись, — вот неполный перечень средств и методов из арсенала действий изощренного шпиона на протяжении многолетней работы на американцев.

О мотивах сотрудничества, после разоблачения, на судебном разбирательстве он скажет: «Моя вера в справедливость и демократизм социалистического общества пошатнулась. Я понимаю, что это стало возможным в результате определенного влияния буржуазной пропаганды... Мне противны были хрущевские бредни, его выходки, его бескультурье... Я решил принять личное участие в противодействии предпринимаемым советским руководством акциям на международной арене и, как следствие, решил обратиться к американцам с предложением своих услуг... Я при этом отчетливо понимал, что моё сотрудничество с американцами нанесёт... ущерб государственной безопасности и обороноспособности страны в целом...»

Однако анализ материалов следствия, показаний свидетелей и самого обвиняемого свидетельствовал, что материальная сторона предательства стояла на первом месте. Он буквально кланчил у хозяев дорогие сувениры: ювелирные изделия, охотничье оружие, рыболовные снасти, фотоаппаратуру, радиотехнику, инструменты для домашнего хозяйства. В то же время строго из принципа самосохранения придерживался правила, чтобы общая сумма, получаемая от спецслужб противника, не превышала половины его месячного оклада.

После возвращения из США Поляков в сентябре 1962 года в парке им. Горького заложил первый тайник — не проявленную пленку в кассете, предварительно облепив её пластилином и обваляв в кирпичной крошке. Это был тайник «Гор». При входе на территорию парка он стал проверяться, внимательно всматриваясь в действия отдыхаю-

The New York Times.

Зашифрованные объявления в газете «Нью-Йорк тайме» для шпиона Полякова

щих. Затем подошел к означенной в плане связи скамейке, сел на неё, развернул газету и в удобный момент положил контейнер со шпионской информацией за задней левой ножкой. Почитав немного газету, он встал и медленно двинулся к выходу. На одном из столбов ограждения парка поставил сигнал закладки тайника в виде полосы чернильных брызг из авторучки.

На следующий день, однако, Поляков не нашел в обусловленном месте сигнал американцев об изъятии тайника и очень напугался. Страх за безопасность своей шкуры подогревало известие о разоблачении агента ЦРУ — бывшего полковника ГРУ Олега Пеньковского. Но вскоре он успокоился — в газете «Нью-Йорк тайме» от 20 сентября 1962 года появилось зашифрованное сообщение в разделе объявлений, которое свидетельствовало о получении американцами информации из тайника под названием «Гор».

В августе 1963 года «Бурбон» проводит вторую тайниковую операцию, заложив магнитный контейнер с секретной информацией за телефонной будкой по улице Листьева, 12.

До своего очередного отъезда в командировку в 1965 году в Бирму он передает заокеанским хозяевам ещё две шпионских закладки через тайники «Молоко» и «Баня». Об

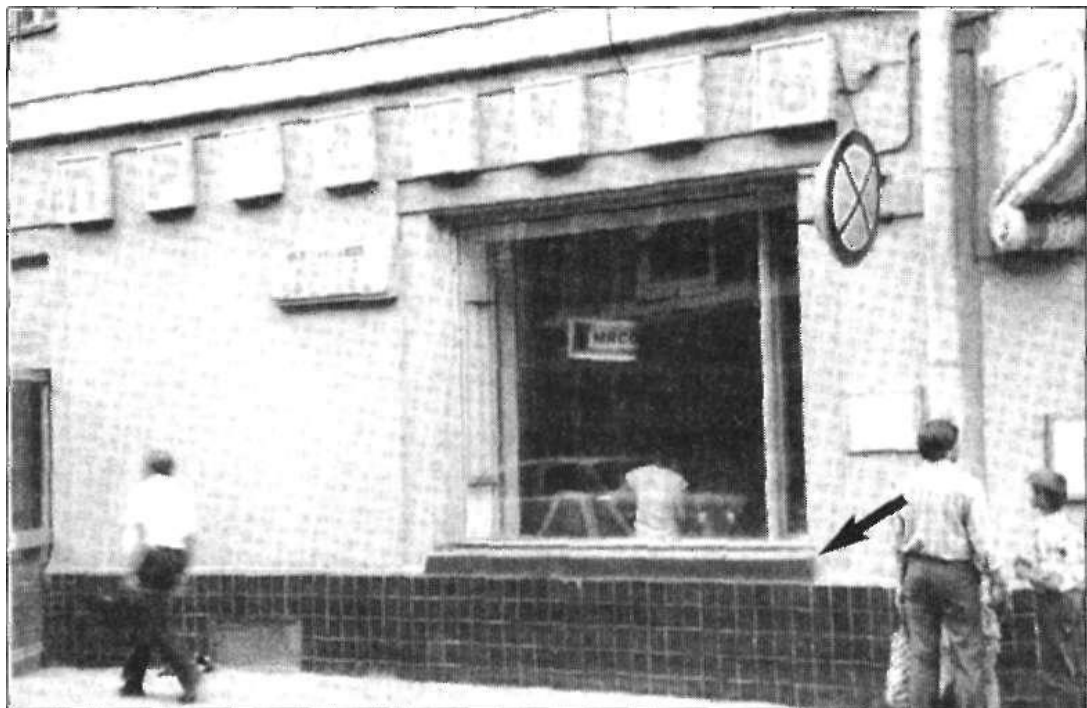
изъятии американцами двух последних тайниковых вложений Поляков был поставлен в известность радиосигнализатором, оборудованном в настольных электронных часах. Приёмник работал так: тайник изъят — загорается чуть видимая зеленоватая лампочка-индикатор. Такой сигнал был безопасен и успокоительно действовал на шпиона. Кроме того, он обрабатывает еще два тайника — «Рыба» и «Береза».

Желание попасть за границу ни на минуту не покидало Полякова, считавшего, что наиболее «плодотворные» и безопасные действия могут быть за пределами страны. Мечта сбылась 3 ноября 1965 года. В этот день он вылетает в Бирму в качестве военного атташе при посольстве СССР. Вскоре от резидента ЦРУ в Рангуне полетела шифротелеграмма начальнику отдела по СССР Дэвиду Мерфи о том, что прибывший полковник Поляков проявляет необычно дружественное расположение к американским сотрудникам, занимающимся разведывательной работой. Взглянув на присланную фотографию советского офицера, Мерфи чуть было не вскрикнул — «Эврика!» Он понял, что нашёлся наконец-то агент после почти годичного молчания.

Следует заметить, что Мерфи являлся одним из тех сотрудников отдела, кому были известны установочные данные на Полякова, когда тот работал ещё на ФБР в Нью-Йорке. Для организации предметной работы с агентом в Рангун вылетели два опытных сотрудника ЦРУ — Джим Флинт и Пол Диллон. Первый из них, понимая, что работа с «Бурбоном» может принести ему служебные дивиденды, добивается назначения на должность второго секретаря посольства США в Бирме.

По договорённости с американцами Поляков отправляет в ГРУ шифровку, в которой сообщает о Флинте, как о «вероятном кандидате на вербовку», и испрашивает разрешения на его «изучение». Таким образом, открывалась возможность почти легальных контактов «Бурбона» со своим хозяином. ГРУ не замедлило с ответом. В шифротелеграмме давался «зелёный свет» для общения, хотя и с небольшими оговорками о бдительности.

Поляков после этого стал частенько бывать у Джима, приурочивая время «деловых контактов» к началу вечерних киносеансов. В таком режиме американский разведчик

Тайник «Молоко» на Малой Бронной

провел тридцать встреч со своим агентом, по одной — две встречи в месяц.

В 1968 году Флинт был неожиданно отозван в США. Не рассеялось недоверие, и янки, с одной стороны, боялись перевербовки, а с другой, — всё тяжелее было готовить дезинформацию для «Бурбона», которой он систематически кормил руководство ГРУ.

Вскоре предателя принял на связь прибывший из Штатов новый сотрудник ЦРУ Алвин Капуста, прошедший с ним всего шесть конспиративных встреч. Как правило, выезжая на машине, он подбирал агента в центре Рангуна...

После отъезда Полякова из Бирмы Капуста тоже вскоре покинул страну. А «Бурбон», прибыв в Москву, решил «отдохнуть». Надо отметить, что в последующем, вплоть до ареста, активности в работе с американцами на территории Советского Союза он не проявлял, так как боялся быть «засвеченным» военной контрразведкой. Перед его глазами всё время стояла история с Пеньковским, его провал, а затем и суд, фрагменты которого демонстрировались по телевидению.

И всё же «отдыхать» долго американцы ему не дали. В июне 1972 года Полякова пригласил в кабинет началь-

ник управления ГРУ и вручил ему приглашение на приём в американское посольство, в связи с приездом в Москву высокопоставленного военного чиновника, полковника Меррита.

Поляков из-за соображений личной безопасности попытался отказаться от визита, однако начальник настоял на своём, и пришлось пойти на эту встречу. Довод стандартный, «всепогодный» — интересы службы! К тому же Поляков уже знал, что он может скоро уехать военным атташе в Индию.

Эту информацию он сообщил Мерриту и во время приёма заранее пригласил его на охоту в окрестности Дели.

— Непременно приеду. Слышал, слышал о вас как об опытном рыболове и охотнике. С таким профессионалом не страшно и на тигра идти, — лукавил американец.

— Вы останетесь довольны, уверяю вас. А приехать в такую живописную страну, как Индия, сам Бог велел.

— Бог, может, и разрешит, да работа не всегда отпустит.

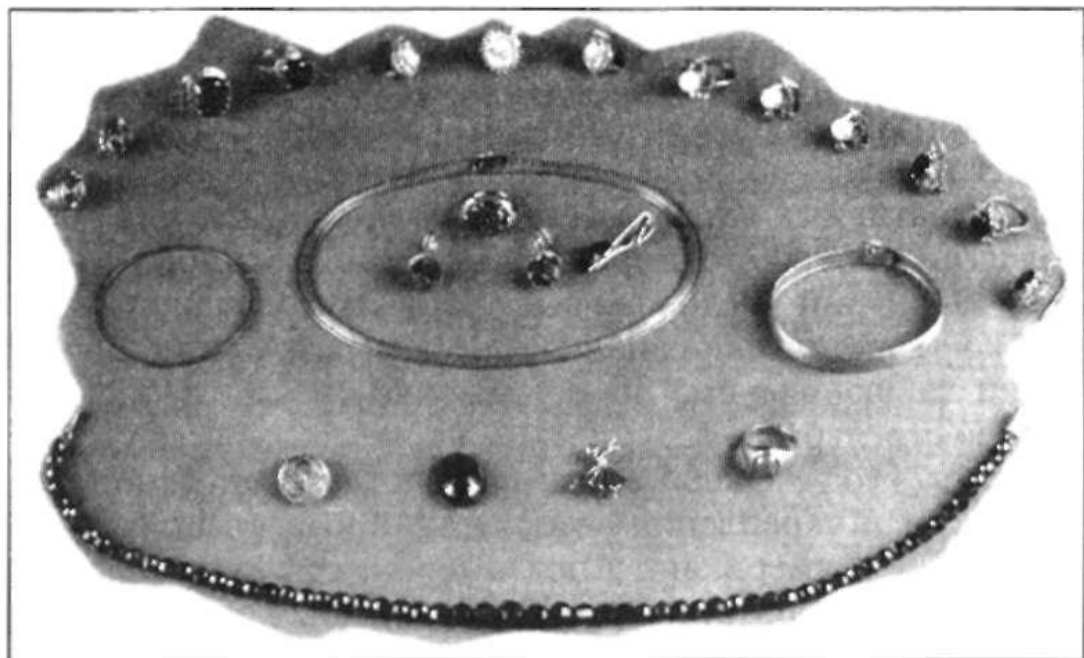
— Это верно, у нас то же самое. Военные привязаны к рабочему месту крепчайшим канатом под названием служба.

Приём закончился. Гости стали расходиться. Вдруг неожиданно к Полякову подошел сотрудник посольства и через словесный пароль — «607 Мэдисон-авеню» — вложил при рукопожатии небольшой предмет. Поляков быстро его спрятал в карман.

Дома «Бурбон» тщательно рассмотрел передачу. Это был аппарат величиною с пятикопеечную монету, предназначенный для постановки и читки микроточек. К нему прилагалась инструкция с подробным описанием правил пользования, способов маскировки микроточек и перечень конспиративных адресов за границей.

Микроточки представляли собой пленки величиной в маковое зернышко, на которых могли уместиться сфотографированные листы чертежей и других документов секретного характера. Их прятали под марки, в бумажные карманы, в расслоение открыток и т.д. Считывался текст с них при помощи спецтехники.

В начале 1973 года Поляков с семьей вылетел в Индию. В марте того же года на одном из представительских приёмов в разговоре с военным атташе посольства

Плату за секретные сведения Д. Поляков предпочитал брать золотыми украшениями

США полковником Кингом Поляков без стеснения спросил:

— Господин Кинг, скажите, когда представители ЦРУ восстановят со мной оперативную связь? Нсть интересные материалы военно-стратегического характера. Я же ведь недавно из Москвы.

— Думаю, специалисты вас не забудут. Срочную информацию можете передать мне.

— Лучше подожду специалистов, — довольный Поляков широко улыбнулся.

Ждать долго не пришлось. В июле 1973 года в Дели прибыл первый секретарь посольства США — сотрудник ЦРУ Пауль Лео Диллон. Произошло так называемое «знакомство на людях». О новом знакомом Поляков рассказал сотрудникам, жене, сообщил в Центр и попросил санкции на изучение американца.

Добро вскоре было получено с припиской: «Изучение Диллона санкционирую с целью выхода через него на других сотрудников посольства США». В отчётах Диллон проходил под псевдонимом «Плед».

Первый рабочий контакт агента с разведчиком прошёл на рыбалке, где «Бурбон» передал собранные ещё в Москве

сведения по центральному аппарату ГРУ и Министерства обороны СССР. Затем серия встреч состоялась в делийских гостиницах «Оберой» и «Ашока».

И всё же наиболее интенсивно использовались для конспиративных встреч выезды на природу, где член редколлегии советского журнала «Охота и охотничье хозяйство» Дмитрий Федорович Поляков демонстрировал не только теоретические знания, рассказывал увлекательные байки за шашлыком, но и показывал реальные навыки меткой стрельбы.

В 1974 году, в целях создания видимости активной деятельности и укрепления авторитета агента в глазах руководства ГРУ, американцы подготовили ему «кандидата на вербовку» — сержанта Роберта Марциновского, работающего в аппарате военного атташе посольства США.

Центр с удовольствием проглотил очередную подслащенную пилюлю. Авторитет Полякова стал стремительно расти. Изучаемого янки вскоре зарегистрировали в ГРУ под кличкой «Ринос». Роберта как подставу использовали «втёмную». Он не знал сути отношений между советским полковником и коллегами. С их стороны ему была дана установка, чтобы он «не отказывался» от просьб иностранного дипломата. Только поэтому Марциновский искренне полагал, что выполняет важную задачу и участвует в хитрой игре своей разведки, затеянной с русскими.

«Бурбон» провёл с «Риносом» четыре встречи, получив от него незначительную информацию. Отправленная же в Москву, она получила, неожиданно для Полякова, высокую оценку. Центр посчитал «Риноса» перспективным агентом и рекомендовал продолжить «разработку» американца.

Долго, однако, работать с «Риносом» не пришлось. То ли цээрушников испугала возможность провала своего ценного «крота» из-за грубо сварганенной подставы, то ли иссякла фантазия лепить каждый раз новые «дезинформационные пироги», — во всяком случае, Марциновского быстренько переправили на родной материк.

В 1976 году и Поляков покинул Индию. Возвратившись из загранкомандировки, он ожидал очередного назначения. Волновался из-за затяжки с трудоустройством. Интересовался судьбой материалов «Риноса». Присматривался к пе-

Генеральское звание Д. Поляков получил на должности начальника факультета ВДА

Линию поведения, рекомендованную ему спецслужбами США, он неукоснительно претворял в жизнь. Все политические мероприятия активно поддерживал, на партийных собраниях гневно клеймил американский империализм, нередко отчитывая отдельных коммунистов за политическую слепоту и идеологический нигилизм.

Деловая активность новоиспеченного генерала скоро была замечена начальником политотдела. Полякову предлагают перейти на партийную работу. Он отказывается, благодарит за доверие, обещает и дальше на службе руководствоваться партийными установками, говорит, что в «шкуре секретаря парторганизации» он уже побывал.

И фая сразу две роли в опасном спектакле, Поляков не заметил, как накопилась стрессовая усталость. Её видели, или догадывались, родственники и близкие, сослуживцы, — по натянутым нервам, быстрой утомляемости, набухшим мешкам под глазами. Освоившись с должностью

ременам в центральном аппарате ГРУ, новым людям, рядовым и руководителям. Его грудь в очередной раз украсила правительственная награда — орден Красной Звезды за «заслуги» перед Родиной.

Став начальником факультета Военно-дипломатической академии и получив звание генерал-майора, несколько успокоился. Понимал, что «вторая работа» в Союзе намного труднее и опаснее заграничной. Там он сам себе устанавливал порядок рабочего дня, здесь же приходилось тща-

тельно планировать любую операцию по связи, ловчить и обманывать родственников и сослуживцев.

начальника факультета, он понял, что может до самой пенсии передавать опыт молодежи, делиться воспоминаниями о былом — и таким образом избежать возмездия.

«Нет, — однажды осенило его, — надо тряхнуть старинной. У меня же имеется прекрасная возможность показать хозяевам, что «Бурбон» ещё чего-то стоит...»

В течение недели он выжидал удобное время для фотографирования списка личного состава факультета. И вот этот час наступил. Закрывшись в кабинете, он положил листы на стол. Штору окна задернул, словно прячась от солнца. Защелкал фотоаппарат...

Таких рабочих циклов было несколько. Судьба будущих военных разведчиков нескольких курсов его факультета отдавалась в руки противника. Она если не ломалась, то существенно сжималась тисками осведомленности американских спецслужб. А они ведь подобной информацией делились со своими союзниками.

В июне 1978 года «Бурбон» передал очередную информацию через тайник. Камуфляжем служил кирпич, имеющий полую сердцевину, разделенную переборками. Он вырубил зубилом эти перегородки, вложил 5 катушек экспонированных фотопленок и забрызгал кирпич цементным раствором, придав ему вид бывшего в употреблении. Этот контейнер положил, согласно плану связи, у основания столба № 81 на одной из магистралей столицы...

Ждать долго не пришлось. Утром, войдя на кухню, Поляков увидел загоревшуюся лампочку сигнализатора на часах и порадовался, что все сработало чисто. Сам он следов не оставлял, работал без помарок. Опыт военного разведчика-агента пригодился «Бурбону». Да и экипировка соответствовала, вооружен был по последнему слову шпионской техники. В любой современной спецслужбе позавидуют. Чего стоит одна аппаратура быстродействующей двусторонней радиосвязи с применением приёмно-передающего устройства! Нажималась соответствующая кнопка — и определенный сигнал в считанные секунды запрограммированного времени фиксировался в одной из комнат посольства США в Москве, принадлежащей резидентуре ЦРУ.

Патологически боясь пеленгации, «Бурбон» практиковал довольно часто такую форму связи — «выстреливать» в

С этой автобусной остановки агент Д. Поляков «выстреливал» радиосообщения резиденту С Ш А

течение секунды информацию непосредственно в автомобиле или на автобусной остановке, находясь напротив американского представительства. Он провёл в столице 25 сеансов двусторонней радиосвязи. Принималась информация так же, только нажималась другая кнопка миниатюрного приемно-передающего устройства. Манипуляция проходила в кармане верхней одежды.

Время, когда приходится чего-то или кого-то ждать, уже давно замечено, тянется бесконечно. В ожидании команды выехать в очередную заграничную командировку Поляков находился каждый день. Надежда таяла: руководство молчало, не было никаких намеков. Вспомнились слова Ницше о том, что верное средство рассердить людей и внушить им злые мысли — заставить их долго ждать. На долгое ожидание он ответил несколькими «радиовыстрелами» по посольству С Ш А.

С присущей ему энергией начал перестраивать дачу. Мастерить он любил. Знал толк в работе с деревом. Инструмент, в основном подаренный на деньги ЦРУ, позволял работать качественно, быстро и с наслаждением. Поляков считал, что плотницкое и столярное дело особенно благотворно влияет на нервы и психику.

Заколачивая однажды бронзовые гвозди, подаренные ещё в Бирме американцами, в отшкуреную золотисто-со-

доменного цвета сосновую вагонку, он подумал: «А что, разве я стар? Попаду ежели за границу, есть смысл не возвращаться. Заслуги перед США у меня приличные — обязательно дадут гражданство. Проблема только с сыновьями. Как их вытащить?»

В начале 1979 года Поляков от друзей узнал, что его кандидатура, в числе других, рассматривается в качестве военного атташе в Индии.

Вскоре начальник управления кадров вызвал его в кабинет и, улыбаясь, поведал:

— Дмитрий Федорович, я предложил начальнику ГРУ генералу Ивашутину твою кандидатуру на должность военного атташе в Дели. Он согласился. Скоро пойдете на комиссию.

«Ишь как заливает, как поёт! Болеет, оказывается, за меня. А почему? Сколько подарков ты получил! Ни один отпуск, ни одна командировка не проходила, чтобы я не занёс тебе «сувенирчик» ценой этак за сотню долларов. Ты отнекивался, но брал, брал, брал... Не ты, а я тебя купил, а посему и заказываю музыку, — мысленно бросал Поляков реплики начальнику управления кадров. — А брал потому, что такая практика в нашем ведомстве процветает. И такие, как ты, бывшие работники ЦК повинны в насаждении подобных порочных традиций по всей стране».

— Коллектив в военном аппарате избалован, — продолжал кадровик. — Нетребовательность бывшего начальника очевидна. Вам придётся немало потрудиться, чтобы сколотить дружный, работоспособный коллектив, с помощью которого и должны будете решать многочисленные задачи в Индии. Справитесь? — И, словно уловив на лице Полякова ухмылку, добавил:

— Вы к моим словам, сударь, отнеситесь серьёзно. Только добра вам желаю.

«Твоё добро ясно, как день божий, — зачищаешь контакты, чтобы снова порадовал сувенирчиком. Не дождешься. У меня другие планы, — опять мысленно съязвил Поляков. — Остаток лет проведу в Америке. Я заслужил такой финал».

Не догадывался, какой финал ему уготовила Мойра — богиня судьбы, но должен был знать...

Выездной комиссии при начальнике ГРУ он дал принципиальное согласие поработать «на благо великой Роди-

ны» в Индии. Как поётся в песне — были сборы не долги. О задуманном побеге он не рассказывал пока ни жене, ни детям, понимая: чем сложнее и грандиознее план, тем больше шансов, что он провалится. Реализацию его наметил на третий, последний год службы за границей.

«Надо пожить три года за счет «родного государства», «подойти» его хорошо, а там уже переходить на соцобеспечение друзей» — так рассуждал «Бурбон», принимая решение о дальнейшем устройстве жизни.

В Индии американцы его уже ждали. Связь с агентом поддерживал кадровый разведчик Вольдемар Скатцко, работавший под посольской «крышей». С ним «Бурбону» было суждено провести только десять конспиративных встреч. Одиннадцатая не состоялась, так как в 1980 году Полякова под предлогом участия в важном совещании отозвали в Москву и он тут же был уволен.

Начальника 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ с материалами дела оперативной разработки на «Дипломата» — Полякова вызвал первый заместитель председателя Комитета госбезопасности генерал-полковник Г. Цинев — небольшого росточка человек с бритой круглой головой, вяло держащейся на узких плечах. Бывший профессиональный партчиновник был говорлив, достаточно образован, однако ему не хватало личного чекистского опыта.

Вскоре Цинев прервал доклад подчинённого и писклявым голосом произнёс:

— Вот что я вам скажу, товарищ полковник. Если мы начнём арестовывать генералов, кто будет воевать? Вы подумали об авторитете разведки Генерального штаба, кстати, и военной контрразведки тоже? У вас в материалах дела нет никаких серьёзных вещдоков.

— Есть, товарищ генерал, и ещё будут. Мы на пути к открытию истины. Результаты аналитической работы, проведенной оперативниками второго отделения, говорят не только о том, что перед нами матерый шпион, но и позволяют определить места вероятного хранения уликовых материалов.

— Ваш анализ следователям не нужен, дайте им вещественные доказательства — и дело закрутится, — проворчал генерал.

— Они будут, потому что есть. Разрешите только действовать согласно плану оперативных мероприятий.

— Действуйте, только без третьего и четвертого пунктов плана.

— Но ведь это же основные пункты, — еле успел проговорить оперативник.

— Вы свободны. Кстати, а то, что он тесно общался с военными атташе С Ш А в Бирме и Индии, ни о чем ещё не говорит...

Пять лет прошло в тяжелой тяжбе с начальством, пока оперативники наконец-то убедили все инстанции — от председателя КГБ и до военного прокурора — о наличии оснований для задержания Полякова, которому для конспирации дали оперативный псевдоним «Дипломат».

За это время оперсостав 2-го отделения основательно проработал материалы своих предшественников: поднимались архивные дела по расследованию фактов утечек секретных данных, проводился их дополнительный анализ, оценивались вновь поступавшие данные, выдвигались и перепроверялись очередные версии по вновь открытым обстоятельствам. Год за годом, месяц за месяцем сужался круг подозреваемых лиц в возможной причастности офицеров ГРУ Генштаба к агентуре противника. А круг был велик — более шестидесяти человек! Через год осталось 31, на следующий — 25, потом — 10. И наконец, пятеро...

Последний год был самый активный, самый нервный. Наконец-то вычислили кандидата на задержание и проведение с ним соответствующей работы. Им был генерал-майор Поляков, чья причастность к вражеской агентуре была оперативно доказана.

Наконец санкция на конспиративное задержание Полякова была получена, обставленная немалым количеством письменных предупреждений страховочного плана, в том числе о наступлении тяжелых административно-правовых последствий в случае провала операции.

Риск, конечно, был: шпионскую экипировку предатель мог уничтожить в любое время. Но сохранялась надежда, выстроенная на солидной практике работников второго отделения, что уликовые материалы никуда не денутся. «Дипломат» сохранил их для возобновления преступной деятельности.

			59715	42565	37494	39016	47300
23977	511	23025	36341	09219	00291	23651	
19519	60212	97358	53475	48432	81449	52955	09459
27113	27948	72833	33251	44578	57306	18862	67227
44174	53661	58725	11329	34726	49756	69802	56490
48709	29913	03471	55101	00059	19589	97591	30098
90956	84004	41772	92610	97210	76118	21361	61773
39507	70929	76118	89057	15828	37053	04979	87705
88617	66975	48903	64242	98406	97214	59079	09542
91286	04541	94618	58252	53038	44944	90327	27846
71941	74606	47669	02040	59707	75119	32539	18301
04958	85309	69760	95764	17399	35448	79765	19923
76382	44868	78419	18541	71969	25582	48423	28502
59996	09596	67760	44369	39767	31545	51316	70252
11628	48944	02900	08917	07327	99597	20785	89475
48120	65924	13262	58779	25121	20015	10445	84190
02685	19948	77591	66714	12498	72968	35867	04737
31521	74394	20761	26471	41453	48134	48062	32446
47361	74452	91176	72492	26797	77960	82926	91152
59987	99185	37075	86975	92009	42144	92802	92208
37704	62725	27444	42896	24785	28944	63200	53338
13695	06633	56143	42603	65911	65335	81088	24652
87768	57612	90647	02578	66549	44767	30653	91655

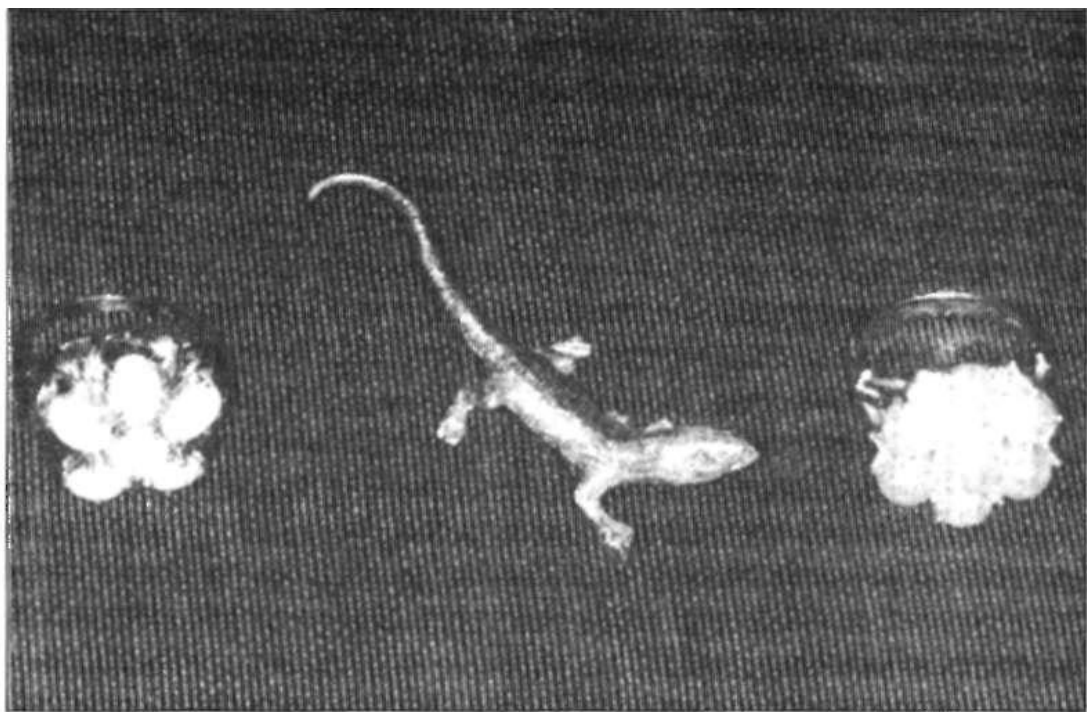
Листок из шифрблокнота «Бурбона»

Такую уверенность могут испытывать только профессионалы высокого класса. Серия проведенных оперативно-технических мероприятий подтвердила правильность разработки в направлении легализации уликовых материалов. Оперативным путем они были обнаружены. Теперь у чекистов были все основания заявить: перед нами — шпион.

7 июля 1986 года Поляков был задержан по поводу хранения незарегистрированного огнестрельного оружия и препровожден в Лефортово. Как и ожидалось, на поставленные вопросы контрразведывательного характера дал сразу же соответствующие пояснения.

— Я давно хотел вам всё рассказать, но времени свободного не было, хотя ждал, всегда ждал, что этот черный день для меня наступит, — проговорил агент и добровольно стал перечислять сохранившиеся аксессуары шпионской экипировки и указывать места их хранения.

Не надо забывать, что это был шпион с великим опытом, прекрасно понимающий, что после задержания начнутся обыски и непременно будут найдены улики, а поэтому

Золотая ящерица и перстни — часть «даров» ЦРУ
для жены своего агента

решил сыграть на получении смягчающих обстоятельств, — дескать, «чистосердечное» признание зачтётся. «Найдут ведь, всё равно найдут, а может, уже знают, где эти «игрушки» находятся, и водят меня за нос. Тут есть шанс, и им надо воспользоваться, — рассуждал Поляков, — но надо четко заявить, что работал на ЦРУ только за границей, и то из-за неприятия реформ Хрущева. Действовал как социал-демократ, чьи идеи мне всегда были ближе, чем коммунистические».

Об этом, об особой «любви» к социал-демократии, он скажет и на суде. Почувствовал горбачевскую эпоху, да не рассчитал. Но до суда было ещё далеко...

Оперсостав второго отделения был удовлетворен результатами своего труда — этого трудового чекистского марафона. Каждый оперативник подразделения внес свою конкретную лепту в разоблачение матерого шпиона, поставившего своеобразный рекорд преступного долголетия. Руководство военной контрразведки КГБ СССР особо отметило работу по этому делу таких опытных работников, как А. Моляков, С. Безрученков, Н. Михайлюков, И. Хорьков, А. Бганцов и ряда других сотрудников. Они были представлены к правительственным наградам. Н. Стороженко по-

Тайники шпион закладывал не только в городе,
но и в Подмосковье

лучил за участие в операциях по разоблачению Полякова знак «Почетного сотрудника госбезопасности». Это была высокая оценка труда военного контрразведчика.

Следствие неоспоримо доказало сотрудничество Полякова с американскими спецслужбами и представило вещественные улики. Среди них — инструкция «Бурбону» по связи с американскими разведцентрами как на территории США, так и западных стран, закамуфлированная в подложку брелка для ключей; двадцать листов тайнописной копирки, замаскированной в книге американского издания; два кадра микропленки с текстом инструкции по радиосвязи и схемой постановки графического сигнала в районе Воробьевского шоссе, находившиеся внутри дюралевой трубки; специальное устройство для подзарядки аккумуляторов быстродействующего приёмопередатчика, вмонтированного в бытовую радиотехнику; четыре контейнера для хранения и транспортировки шпионской экипировки, оборудованные в обложках книг и футляре для рыболовных принадлежностей; транзисторный приёмник иностранного производства, предназначенный для приёма односторонних радиопередач, и ряд других предметов.

Находясь в камере следственного изолятора КГБ, Поляков часто обращался к прошлому, анализируя свои действия. Сокамернику он говорил:

— О многом, что я делал, чекистам почему-то известно, словно из первых уст. Наверно, американцы меня заложили ради спасения более важной и молодой птицы. Где же верность долгу? Я же на них проработал столько лет, и вот такое свинское отношение. Никто из-за океана не поднял голос в мою защиту! Сволочи они все! Сколько из них на моей информации выросли, сделали себе карьеру?!

Здесь «Бурбон» был частично лишь прав. Карьеру они и ему делали за предательство. А что касается «забугорной» реакции, то она была. О нём всё-таки вспомнили, но не правительственные, тем более не цээршны чиновники. Для них он был уже отработанным материалом. О нём вспомнил член Европарламента консерватор лорд Беттелл, который неоднократно, но безуспешно поднимал вопрос о «Топ Хэте» в Комитете по правам человека этой международной организации.

13 сентября 1990 года лорд получил письмо от советского посла в Европейском сообществе Владимира Шемлатенкова, в котором говорилось: «Я хотел бы проинформировать Вас о том, что, согласно официальному ответу из Верховного Суда СССР, Поляков был приговорён к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже и нарушении таможенного законодательства.

4.3.1988 года его просьба о помиловании была отклонена Президиумом Верховного Совета СССР.

Приговор приведен в исполнение 15 марта 1988 года».

Но это к слову о защите провалившегося ценнейшего агента его хозяевами. А пока события разворачиваются так...

Он в камере болтает с сокамерником о жизни, пролетевшей, как один миг. Уставившись в зарешеченное окошко, он ощутил вдруг прилив воспоминаний, подобных сновидениям. Такие чувства, замешанные со сгустками галлюцинаций, появляются у человека, как читал он когда-то в одном из американских журналов, перед уходом из жизни. В красочном калейдоскопе прошедших событий вдруг возникали пронзительно четкие, живые картинки. В

На судебном процессе по делу шпиона Д. Полякова

голографическом, объёмном измерении проплывали суровые реалии фронтового ада, послевоенной службы, а затем годы учебы. Промелькнули счастливые будни заграничной сытой жизни, растянувшиеся на целых пятнадцать лет.

На процессе он попытался побороться за жизнь, смысл которой, по мере осознания содеянного, плавился, как воск на солнцепёке. На скамье подсудимых сидел постаревший сразу этак лет на десять и осунувшийся до неузнаваемости человек. Трудно было узнать в нём когда-то энергичного генерала, словоохотливого на охотничьи и рыбацкие побасенки.

На вопрос военного прокурора, что его толкнуло на предательство, Поляков, забыв о своих бессонных саморазоблачениях, заученно ответил, — неприязнь к социалистическому строю и социал-демократическая ориентация. Зная, что в это время Горбачев уже заявлял о своей приверженности социал-демократии, становится ясно, что предатель рассчитывал на снисхождение, — дескать, смотрите, товарищи судьи, я рассуждаю так же, как и генеральный секретарь.

Но материалы следственного дела высветили совершенно иную картину: Поляков пошел на предательство в основном из-за материальных, корыстных соображений. Принимая дорогостоящие подарки, он прекрасно понимал, что это плата за преданных коллег и проданные се-

креты страны. «Бурбон» передал заокеанским хозяевам всё, что знал и что мог узнать, используя своё высокое служебное положение. Вот лишь незначительная часть шпионского товара, полученного ЦРУ от своего агента: об организационной структуре Генштаба, ГРУ и других управлений ВС СССР; о личном составе разведывательных аппаратов ГРУ в США, в Бирме, в Индии; о наших разведчиках-нелегалах в США, методах их подготовки и способах поддержания с ними связи; о составе агентурных сетей разведаппаратов ГРУ в странах его пребывания; материалы оперативной переписки за период его пребывания в Бирме и Индии; учебники: «Стратегическая разведка», «Оперативная разведка» с грифом «Совершенно секретно особой важности» и многое другое.

Поляков выдал 19 нелегалов, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к советской военной и внешней разведке 1500 офицеров.

Не случайно бывший шеф ЦРУ Д. Вулси так отозвался о разоблаченном генерале: «Из всех секретных агентов США, завербованных в годы «холодной войны», Поляков был драгоценным камнем в короне».

Следует заметить, что в ходе следствия возникла одна интрига. Военные контрразведчики считали, что Поляков не всё выложил следователям и судьям, и он может ещё многое «вспомнить», что уберезет от провалов некоторых агентов военной разведки и даст возможность с учетом показаний разоблаченного предателя организовать более продуктивно работу на каналах вероятного проникновения вражеской агентуры в подразделения Генштаба.

Была подготовлена мотивированная записка на имя Генерального секретаря ЦК КПСС с просьбой не лишать Полякова жизни. Горбачев отказал в просьбе чекистов. Подобным образом поступил и Хрущев в отношении шпиона Пеньковского.

Суд воздал шпиону по заслугам. Хоть и с большим запозданием, но справедливое возмездие наступило.

«ЛИМОНКА» И СПИД ДЛЯ ВЕРБОВЩИКОВ

*Русский, у кого есть здравый смысл
и живое сердце, до сих пор не мог и не может
быть ничем иным, как патриотом.*

Н. Чернышевский

Югославия. Белград. Посольство СССР. Кабинет руководителя военной разведки полковника Кобзева Григория Петровича.* Хозяин любил комнатные цветы. На подоконниках, этажерках, полках, всевозможных выступах стояли причудливых форм горшочки, увенчанные сочной листвой и яркими соцветьями. Здесь нашлось место для фикуса и кактуса, азалии и драцены, араукарии и столетника и ещё каких-то цветов, приобретенных любознательным натуралистом и подаренных коллегами — подчиненными. Большинство делали это искренне, уважая слабость начальника к его, казалось бы, неестественному для суровой профессии разведчика хобби. Однако были и такие «дарилыцики», которые надеялись после этого на снисхождения в службе. Для такой породы блюдолизом разочарование наступало достаточно быстро.

На столе стопками лежали свежие газеты и журналы, которые постоянно, пусть по диагонали и быстро, он прочитывал все. Нужные сведения находил в публикациях по заголовкам и ни разу не ошибался. Кобзев умел вычленивать главное из потока газетно-журнальной информации, оценивал ее с позиций профессионала и смело отправлял материал в Центр. Его обобщенные справки и шифротелеграммы, сделанные на основе открытых источников, Москва читала с интересом. Это был специалист, которому периодика приносила информационные плоды.

Однако сейчас его мысли были заняты другим делом, более важным, чем чтение прессы. Предстояло организо-

* Фамилии советских офицеров заменены.

вать и провести ответственную операцию в одном из городов на побережье Адриатического моря. Готовилась встреча с ценным агентом, который прибывал на короткое время туда по коммерческим делам. Встал вопрос: кого послать? Кандидатов и много, и мало. Подумав, выбор остановил на майоре Ветрове. Он уже второй раз в командировке в Югославии. Опытный работник, часто бывал в том городе.

Именно в это время позвонил посол и пригласил к себе в кабинет. Своему заместителю полковнику Терехову Кобзев дал команду:

— Найдите Ветрова. Он мне будет нужен после беседы с «дедом».

Так вся советская колония величала ласково посла. Он знал это и никогда не обижался. По всей видимости, опытному дипломату нравился этот почетный титул.

Майор Ветров Николай Иванович ждал очередного звания. Работал в Торгпредстве. Дело своё и «чужое» по линии Министерства внешней торговли знал великолепно. К нему, как к опытному сотруднику, обращались и «чистые» — торгпредовцы, и те, кому по роду служебной деятельности предстояло сражаться на невидимом фронте под «крышей» этой организации.

Активной работы против Югославии ГРУ не вело, однако с учетом того, что она представляла один из стратегических перекрестков Европы, где почти все разведки мира чувствовали себя раскованней, чем в других странах, наша резидентура держала руку на пульсе событий.

Советское руководство прекрасно понимало, что эта страна была объектом раздоров и источником локальных войн, переходящих в мировые. Здесь находилась всемирная бродильня гражданских сшибок, готовых в любой момент выплеснуться из федеративной бочки, еле сдерживаемой государственными обручами. Нагло работали американцы, тонко — англичане, осторожно — немцы. Югославия 70—80-х годов напоминала по оперативной обстановке Швейцарию предвоенного и военного времени, кишашую резидентурами, конспиративными и явочными квартирами, почтовыми «ящиками», связниками, агентурой соперничающих между собой разведок.

Всё это старо, как мир. Так было, есть и будет, пока будут существовать границы, делящие планету Земля на державы, империи, республики, федерации и конфедерации.

У посла Кобзев задержался недолго, но характер беседы был не из приятных. Его подчиненный, подполковник Иваненко, попал в автоаварию. В этой истории была одна странность: советский военный дипломат якобы пытался незаметно до приезда стражей автомобильного движения скрыться с места происшествия.

— Что-то не похоже на Валентина, — сказал полковник. — Парень смелый, решительный, никогда не боялся говорить даже горькую правду. Ладно, разберёмся.

Подходя к кабинету, Кобзев увидел майора Ветрова, ожидавшего у двери его «зеленого» кабинета.

Обменялись приветствиями. Кобзев открыл дверь, пропустил вперед Ветрова и предложил стул за приставным столом. Затем он потянулся к радиоприёмнику «Филипс» и включил его. Сквозь густую черную сеточку динамика полилась веселая мелодия, не мешающая разговору, но создающая защитный фон от подслушивания.

— Ты извини, я позвоню.

Он набрал телефон полковника Терехова и дал команду разобраться в инциденте с Иваненко.

— Он у меня, — ответила трубка так громко, что Ветров успел расслышать эту фразу.

— Разберешься — доложи... Я буду в течение часа занят, так что не тревожь.

Хозяин кабинета повернулся к майору и сразу же начал с конкретного вопроса:

— Николай Иванович, вы бывали в Дубровнике?

— Да, был там во время первой командировки.

— Хорошо знаете город?

— Мне пришлось там поработать почти месяц. Многие улицы знакомы. В окрестностях тоже бывал.

— Я хочу вас туда направить. — После этих слов он начал четко ставить задачу: приметы иностранца, пароли, время и место встречи.

— Думаю, надо поехать туда с семьей, — продолжал полковник. — Двойная выгода: оперативная и бытовая. Покажите Ларисе и детишкам город, о котором Бернард

Шоу когда-то сказал, что «те, кто ищет рая на земле, должны приехать в Дубровник». Тем более, у вас там есть, как я знаю, и торгпредовские дела.

На следующий день майор Ветров с женой Ларисой, сыном Костей и дочуркой Катей выехали на автомашине в Дубровник. Белоснежный «Опель», выбравшийся из городской машинной сутолоки, полетел навстречу ветру. При нарастании скорости буквально прилипал к гладкому дорожному полотну автострады. Для семьи это был подарок судьбы: когда бы пришлось выбраться?!

Проплывали села и поселки, холмы и горы, шустрые речки и говорливые ручьи, несущие талую воду с вершин гор в низовье. Красные черепичные крыши весело смотрелись на зелено-голубом фоне щедрой растительности и безоблачного неба.

К Дубровнику подъезжали вечером. С высоты хорошо была видна его подковообразная панорама. Дети спали — разморила жара.

— Лариса, разбуди короедов, пусть посмотрят красоты. Кстати, ты знакома с историей появления этой жемчужины?

— Нет, не приходилось читать, — ответила супруга, не отрывая взгляда от раскрывшейся панорамы.

— Версий много, но мне кажется, есть одна правдоподобная. Дело в том, что, по словам одного местного священника — летописца Дуклянина, прототипа нашего Пимена, Дубровник был основан в седьмом веке славянским королём Павлимиром на довольно-таки узкой части берега, окруженной с трех сторон густым сосновым и дубовым лесом. Отсюда и возникло название — Дубровник. Происходит оно, очевидно, от славянского слова «дубрава».

Проснувшиеся дети тоже внимали отцовскому рассказу.

— Если посмотреть с моря на эту крепость, — продолжал Николай, — то она как бы вырастает из его глубин. Море с трех сторон то ласково плещется у стен, то обрушивает на них в непогоду огромные валы с бирюзовой пеной на гребнях. Горы охватывают город гигантским амфитеатром, в который вплетаются разноцветным ожерельем вишневые сады, рощи цитрусовых деревьев и виноградники.

Общий вид на залив города Дубровник

Он продолжал говорить и говорить, но Лариса уже не слушала его, она была поглощена окоёмом: белыми домами с красными чешуйками черепичных крыш, зелеными ставенками в виде жалюзи от солнца, небольшими огородами, скорее напоминающими декоративные клумбы, и небольшими садами на террасах. Видно было, как обняв полукругом старый город, лента белоснежных отелей и золоченых пляжей распласталась вдоль побережья Адриатического моря.

Остановились в отеле «Орландо», расположенном в окрестностях города. Это была бело-серая коробка с видом на море. Справа виднелись чётко прорисованные, из-за прозрачного воздуха, невысокие, старые горы, зелень которых в низине у подножья отличалась густотой и сочностью. Вокруг, как дозорные в зеленых маскхалатах, стояли кипарисы. Роскошные пальмы качались гордыми ветвями, как на рессорах причудливые дилижансы...

На следующий день, когда утро ворвалось яркими снопами южного солнца в номер отеля, всё семейство вышло на лоджию и искренне любовалось открывшимся видом с высоты многоэтажки. Казалось, небо было морем, и море было небом. Голубизна, а скорее ультрамарин, забивала все остальные краски.

Позавтракав и собрав вещи, семейство отправилось к автомашине. Доехали до кемпинга, потом поднялись по

улочке вверх и остановились у галантерейного магазинчика. Николай припарковал «Опель» рядом с небольшим уютным сквером. Усадив жену с детьми на лавочку под разноцветным тентом и угостив всех мороженым, он велел подождать его минут сорок и никуда не отлучаться. Вернулся он через час, бледный и уставший.

— Быстро в машину, — скомандовал не громко Николай, оглядываясь по сторонам.

Жена догадалась о том, что делал супруг, и поняла, что своё задание он выполнил успешно. Без лишних вопросов она заторопила детей:

— Хватит, погуляли, посмотрели, отдохнули, а теперь — по коням.

Автомобиль рванулся, как пришпоренный шенкелями рысак. Вот и центральная автострада. Ветров возвращался в Белград с удачей: у него за сиденьем лежали материалы агента.

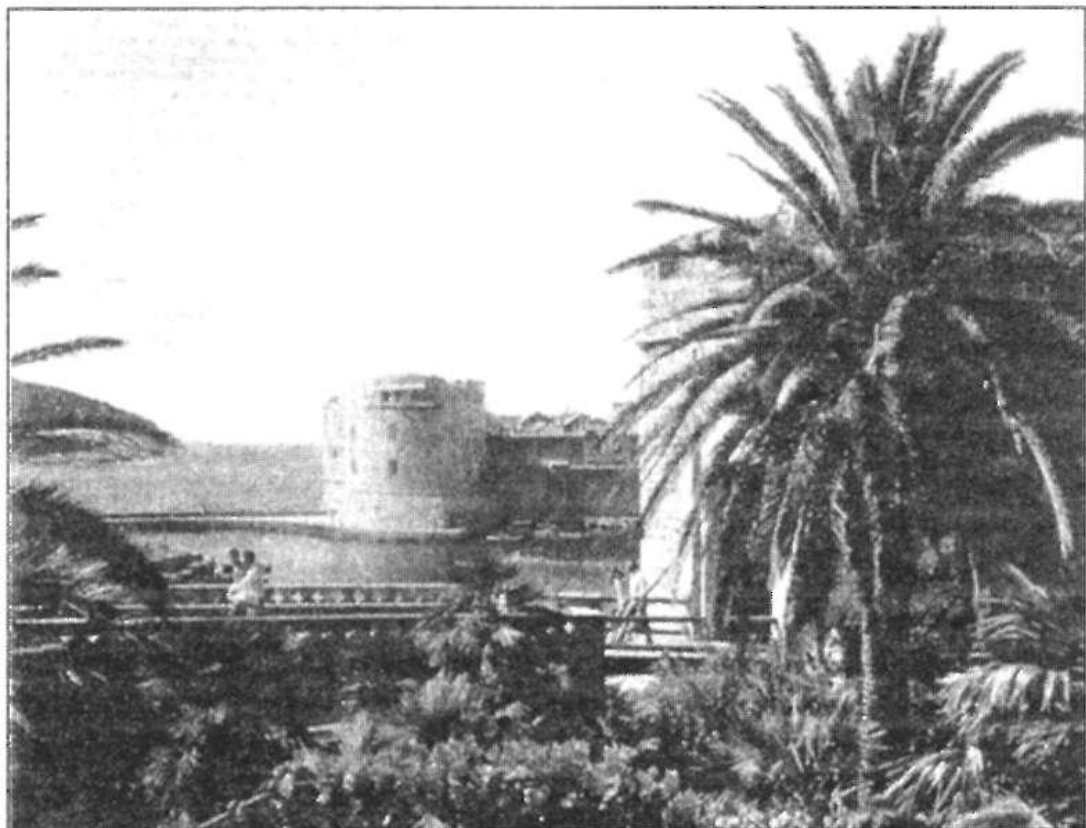
Передавая коробку с «шоколадом» руководителю резидентуры, Николай честно признался, что такого напряжения он ещё ни разу не испытывал. Активность Ветрова в работе нравилась Кобзеву. Майор располагал умением быстро завязывать контакты с незнакомыми, но нужными службе людьми. Обладал прекрасными аналитическими способностями. Опыт работы в информационных подразделениях ГРУ благотворно сказывался на организации подготовки документов в Центр.

Но к нему присматривались и американцы, прекрасно понимавшие, что именно в активности этого молодого и сильного «зубра» военной разведки, приехавшего в страну повторно, заключается опасность и для них.

Посольство США в Белграде. В кабинете резидента ЦРУ Давида Брокмана чуть слышно работал кондиционер. Включенный радиоприёмник передавал последние известия местного радиоцентра. Брокман никогда не выключал «Панасоник», — патологически боялся чекистского прослушивания. Ему мерещились козни КГБ и ГРУ чуть ли не каждый день. «Русским медведем» он постоянно пугал подчиненных.

Он нажал кнопку селекторной связи и хриловатым голосом отдал команду дежурному:

— Пригласите ко мне в кабинет Зенчука.

Крепость в городе Дубровник, где проходила операция по связи

— Слушаюсь, сэр, — ответил дежурный.

Майкл Зенчук — американец украинского происхождения. После окончания университета и непродолжительной работы в строительной фирме был приглашен на работу в спецслужбу. Вначале работал в ФБР, а затем оказался под крыльшком ЦРУ. Слыл специалистом по славянским делам, хорошо разбирался в процессах «балканизации» в Югославии. Но еще глубже он знал проблемы Советского Союза.

Служба в ФБР наложила отпечаток на личность Зенчука, сделала его крайне осторожным в делах столь ответственных, какими он считал вербовочные акции в разведке. Одно время он служил в Москве, но оттуда его скоро выпроводили, — попался на фотографировании режимного объекта. Объявленный персоной нон грата, он был рад вернуться в США, ибо советская контрразведка работать «плодотворно» ему не давала.

Дверь брокманского кабинета после звонка приоткрылась, и во входном проёме появилась огромная треугольная голова Зенчука.

— Добрый день, сэр! Вызывали?

— Добрый день, Майкл. Присаживайся... Так что у нас есть на Ветрова? — с ходу спросил резидент.

— Сэр, я уже вам докладывал, что мой человек из органов безопасности в Белграде собрал несколько досье на активно работающих против нас советских разведчиков. Среди них, наряду с чекистами, значится и «грушник» — майор Ветров Николай Иванович, работает под торгпредовской «крышей», — Майкл начал перечислять известные ему установочные данные. — Это его вторая командировка в Белград, Знающий дело, физически силен, смел, обладает тонким оперативным чутьем, темпераментен, напорист и коммуникабелен. Располагает широкими связями среди местных граждан, имеющих отношение к бизнесу и журналистике. Пользуется успехом у женщин. Недавно выезжал в Дубровник якобы по личным делам. К сожалению, мы поздно узнали о его планах, поэтому не смогли как следует проконтролировать поведение россиянина на курорте.

— Плохо, очень плохо, что не сумели, — раздраженно среагировал Брокман. — Его работу надо немедленно нейтрализовать. Продумайте план и доложите. Неделя вам срока.

— Есть, сэр!

В назначенное время Зенчук уже сидел в кабинете резидента. Он раскрыл красную папку и положил на стол шефу восемь листов плана получения компроматериалов на Ветрова с целью, если не выпроводить его за пределы Югославии, то хотя бы существенно сковать его работу.

— Особенностью оперативной обстановки является то, что жена Ветрова с детьми несколько дней назад выехала по семейным обстоятельствам в Союз. Он остался один, часто бывает в городе. Хобби — любит мастерить. Навещает строительный магазин «Блэк энд Деккер». И нередко покупает там инструменты. Как вы знаете, хозяйка магазина Сюзанна Брайкович — наш человек. Вы должны её помнить. Она участвовала в акции против поляка.

— Ну как же, помню, помню этого испуганного пшека. Кажется, его звали, если память мне не изменяет, Болеславом, — вставил Брокман. — Он до сих пор работает на нас,

боялся разоблачения его шашней с этой красавицей. Вот надо Ветрова и познакомить с нею. А затем уложить его в постель на квартире Сюзанны.

— Именно с этим планом я и пришел к вам. Вот его подробные пункты, — он протянул папку шефу.

Прочтя документ, он бросил взгляд на подчиненного, внимательно наблюдавшего за мимикой и жестами шефа.

— Вижу, все продумано. ПопадетсЯ донжуан в наши руки. Сюзанна его не выпустит чистым, — заулыбался хозяин кабинета.

Действительно, Ветров несколько раз бывал в уютном магазинчике инструментов. Недавно приобрел шлифовальную машинку. Не мог не купить у такой очаровательной хозяйки магазина, хотя, если по-серьёзному, он давно положил глаз на этот крайне необходимый инструмент при работе с деревом. О его золотых руках знали многие в посольстве. В московской квартире многие вещи были сделаны с фантазией руками мастера.

Еще Ветров давно хотел купить электрорубанок, — тоже давнишнюю мечту. Отсутствие жены ускорило решение. Получив первую зарплату, не подконтрольную «семейному главбуху», он после работы направляется в приглянувшийся магазин. Поинтересовавшись наличием нужного инструмента и получив отрицательный ответ, он задал естественный вопрос:

— А когда он будет?

Узнав Ветрова по предъявленной Зенчуком фотографии, Сюзанна любезно предупредила «нужного» покупателя, что ожидается завоз завтра.

На следующий день после напряженной работы Николай неожиданно вспомнил: он же договорился в магазине! Прихватив кожаную сумку с ремнем через плечо, он направился пешком, — машина не завелась. Благо он находился недалеко от советского посольства и успел войти перед самым закрытием.

— Меня зовут Сюзанна, — отрекомендовалась хозяйка, когда последний покупатель покинул магазин.

— Очень милое имя. Меня нарекли Николаем.

— Ну тогда, Николай, пойдите в подсобку. Сегодня много товара привезли. По вашей просьбе я заказала около

десятка моделей электрорубанков, — с этими словами она приоткрыла дверь в соседнюю комнату и стала показывать в красочных коробках инструмент. — Пожалуйста, выберите.

— Ну, Сюзанна, глаза разбегаются.

— Николай, я на минуту. Дверь закрою: рабочий день окончен. Надо и отдохнуть, настоялась за день у прилавка. Жара невероятная сегодня. «Кондишены» — и те задыхаются, а человек должен выдерживать.

Она выбежала в зал. Слышалось, как щелкнул замок-здвижка в двери, как заскрипели опускающиеся жалюзи на окнах. Вскоре она вернулась.

— Я уже выбрал. Даже не верится — 14500 оборотов в минуту! Вот он — марка ВД-750. Должен чисто обрабатывать доску.

— Вижу, вы специалист по деревяшкам...

— Люблю доски и бруски. Нравится текстура разных пород — это голоса деревьев. Закончил я когда-то строительный техникум, — поведал Николай.

Расплатившись за покупку, он хотел было уже покинуть магазин, как неожиданно хозяйка предложила:

— Николай, говорят, по русскому обычаю надо обмыть... иначе может сломаться или плохо работать. Что, я неправду говорю? Или такой традиции уже нет у россиян?

— Нет, всё верно, — ответил Ветров, понимая по-мужски, чем может кончиться такой обмыв.

Русским языком Сюзанна владела прекрасно. Она пояснила, что детство и юность вместе с родителями (мать — украинка, отец — югослав) провела в Штатах, окруженная выходцами из России. В Югославии она трудится по контракту. Муж работает в ФРГ на военном заводе. Сейчас уехал в длительную командировку в ЮАР.

«Зачем мне всё это она говорит? — обожгла мысль Ветрова. — В принципе для службы по прямому предназначению совершенно не интересная особа, хотя последний штрих интригует — муж оборонщик, да ещё в Германии. Если правду сказала о муже, можно поработать, а коль нет — это уже опасно. Надо проверить, но как?»

А в это время женщина уже хлопотала за импровизированным столиком, выставив бутылку виски и приготовив

несколько бутербродов. Сели на небольшой диванчик. Первый тост подняли за долговечность купленного инструмента. Второй — за знакомство, а третий — за славян, которым всю жизнь не везло с вождями, бездарно правящими государствами. Обсуждалась тема враждебности Запада к славянским народам.

— Заметь, Николай, все потоки европейско-азиатских столкновений проходили через славянские пространства. Войны закаляли наши народы и делали из них настоящих воинов. Югославия тому пример. Гитлеровцы никак не смогли справиться с балканскими партизанами, потому что у них существовал прочный фундамент высочайшего патриотизма, — философствовала явно захмелевшая дама.

Постепенно завязалась настоящая научная дискуссия. Закончилась она духовной солидарностью, взаимными объяснениями в симпатиях, поцелуями, сначала в щечку, а затем с более глубоким содержанием. Перед молодым симпатичным человеком сидела интересная захмелевшая женщина. Её покрасневшие щеки излучали такое тепло, что к ним хотелось прижаться хотя бы на мгновение. Глаза с поволокой, бросающие томные взгляды, звали к себе. Они всё сильнее будоражили Ветрова.

Неожиданно она обняла его за плечи, и они слились в едином поцелуе, нежно покусывая друг другу губы и теребя волосы.

Они лежали на диванчике в объятиях друг друга.

— Николай, как мне хорошо с тобой... я умираю. Что ты делаешь с моим сердцем? — шептала Сюзанна. — Я никогда не была так счастлива, как сегодня. Спасибо, мой дорогой рыцарь, нежданно опустившийся с небес. Я давно ждала такого.

Разошлись так же быстро, как и сошлись. Правда, Сюзанна, так успел наречь её Николай, пригласила его в гости домой в субботу. Он согласился, несмотря на появившуюся смутную настороженность. Однако чувства взяли верх. Он потянулся к этой миловидной женщине, сумевшей быстро завоевать его сердце.

Дни до субботы тянулись медленно, несмотря на служебную загруженность. Все мысли в минуты воспоминаний о «магазинной истории» концентрировались на объек-

те под именем Сюзи. Он порой терял голову. Вместе с тем, он прекрасно понимал, что это всего лишь мимолетное влечение, способное снять напряжение, накапливаемое за неделю.

Он оправдывал себя перед собой, считая, что действовал правильно, ибо жалость к разбуженной женщине — поступок благородный.

«С женой Ларисой — это уже не любовь, а привычка, семейная проза, — убеждал себя дамский воздыхатель. — С Сюзанной — это поэзия дней мимолетных».

Встретились у магазина после работы. Она заранее попросила не брать автомашину, так как ехала на своей и обещала угостить хорошим сухим вином, к которому Николай был неравнодушен. «Откуда она знает о моем пристрастии к сухому вину? — настойчиво стучал вопрос в голове. — Наверное, просто так. Хотя...»

— Здравствуй, хозяйка!

— Добрый вечер, столяр! — улыбнулась женщина.

— У тебя всё нормально, планы не меняются?

— Какие могут быть перемены, когда рядом такой представительный кавалер?!

Опытный взгляд Ветрова заметил в бегающих глазах и чуть уловимом дрожании в голосе женщины какие-то нотки беспокойства. Она улыбалась, шутила, строила глазки, но думала о чем-то другом, очень далеко от обстановки в салоне машины, которую вела уверенно.

«Что это с ней, — подумал Николай, — неужели готовится провокация? Зачем же я ищу на свою голову приключения? Но не в моем характере сходить с половины дистанции. Спокойнее, Коля, не пугай себя, а то так можно и беду накликасть. Если это подстава — отыграюсь!»

— У тебя какие-то неприятности? — спросил Николай, не узнав своего осевшего от волнения голоса.

— С чего ты это взял? Просто замоталась на работе. Ничего, снимем усталость. Надо быть оптимистом, иначе в этой жизни быстренько свернёшься, как подоженная береста. Хочется уже отдохнуть, — ответила женщина за рулём.

Они подъехали к небольшому отелю. Поднялись на второй этаж в номер люкс, представляющий собой двухкомнатную квартиру с большой кухней. В центре её стоял круглый

стол из мореного дуба с четырьмя табуретками, сделанными из этого же материала. Слева от стола на стене висели полки, выполненные под старину. На них стояли чашки, тарелочки, кувшинчики, бутылки и разные безделушки.

— Вот здесь я и живу, коротая в одиночестве пустые вечера, — произнесла нежным голосом хозяйка.

— Ну что ж, приличное жилище. В нем можно и нужно только отдыхать.

— Мы жить плохо просто не умеем, — засмеялась женщина.

— Лицо хозяйки показывает кухня. Порядок, уют, чистота, — заметил гость, нежно обняв подругу за талию.

— Я приготовлю что-нибудь, а ты иди в комнату. Посмотришь, пока буду готовить застолье, неплохой фильм. Я сейчас поставлю кассету.

Она проводила «любовника» в комнату и включила видеомэгнитофон. Начало фильма он пропустил за разговорами и разглядыванием интерьера комнаты. Взглянув на экран после её ухода, он увидел панораму какой-то драки гангстеров с итальянскими карабинерами.

За журнальным столиком стояло два кресла, обшитых кожей зеленого цвета. На стене висела репродукция картины Ж.-Б. Лепренса «Ярмарка». В темном углу стояли огромные напольные часы. Длинный маятник, раскачиваясь, издавал звуки, напоминающие удары небольшого колокола.

«Как же они должны бить, если так звонко ходят?» — подумал Николай и живо обернулся в сторону входящей Сюзанны с подносом, заставленным всякими яствами. Вторым заходом она принесла бутылку красного вина и два фужера, играющих точеными гранями дорогого хрусталя.

— Извини за задержку. А теперь можно и присесть. Может, тебе виски?

— Да нет, не стоит мешать с таким благородным напитком.

— Твоя воля. Тогда давай выпьем за надежду. Ни один врач не знает такого лекарства для усталого тела и измученной души, как надежда, — украсила тост словами Стефана Цвейга счастливая Сюзанна и внимательно посмотрела на гостя.

— За такой оптимизм грех не выпить. Полностью присоединяюсь к тосту. Только разреши, я добавлю: надежда сопровождает нас всю жизнь и не покидает даже на смертном одре, — поддержал Николай.

— Ты слишком приземлил это чувство. Надеяться — это верить, а вера всегда двигала человечество вперед. Так давай выпьем за локомотив прогресса...

Бутылка скоро стала пуста. Опорожнили и вторую. Потом попробовали виски. Они весело щебетали, обнимаясь, сидя в креслах, поставленных рядышком. Её льняные волосы, накрученные крупными локонами, источали тонкий запах французских духов «Клима», точно таких, какими пользовалась Лариса. От этого на душе сделалось не по себе, но хмель и близость женского тела вытеснили всякие сомнения.

Она то бросалась в объятия Николая, то, подобрав свои длинные ноги, садилась в кресло и мило смотрела на мужчину. Её круглые, крупные колени, выставленные вперед, слепили разум и возбуждали страсть.

— Ник, я твоя... пойдём, — стонала женщина, повиснув на кавалере. — Подожди...

Она последовала в ванную комнату и через несколько минут вышла в легком полупрозрачном халатике.

— Можешь охладиться и ты. Свежий халат и полотенце висят на крючке. Давай, милый, мы же без комплексов.

Розовая спальня, розовое постельное бельё на широкой венской кровати, торопливые шаги к ней, уже лежащей и протягивающей руки...

Поздно вечером он добрался домой. Успокоенность и одухотворенность, — с одной стороны, брезгливость и нарастающее осуждение собственного проступка, — с другой, слились в ощущаемый ком где-то за грудиной.

Он лежал на диване и смотрел в потолок темной комнаты, на котором изредка пробегали блики от фар проезжающих автомашин. Если на период близости с Сюзи в нем на время умолк разведчик, то сейчас он говорил языком трезвых доводов и требовал ответа на вопросы: что это — случайность или подстава?

«Вообще-то, похоже, но играть буду до конца. Надо выяснить поподробнее в отношении супруга», — решил Николай.

Зайдя как-то в магазин через неделю после той бурной вечеринки, он увидел Сюзю и поразился: она была ещё краше. Договорились встретиться у неё в пятницу.

— Я буду ждать, милый. Ты дорогу знаешь, — улыбнулась красавица и как-то особенно посмотрела на Николая.

Ровно в 18.00 Ветров нажал кнопку звонка квартиры американки. Дверь моментально открылась, и в проёме показался улыбающийся мужчина.

— Вы к Сюзанне?

- Да...

— Проходите. Я брат её... родной брат. Приехал по её просьбе. Она заболела. Часа два назад как отвезли в больницу. Она просила вас дождаться и предупредить, — на ломаном русском языке проговорил незнакомец.

Только сейчас Николай стал осязаемо понимать, что он стоит на пороге ЧП, что надвигается провокация, а он становится её жертвой. Он понял замысел режиссеров и решил свою роль в этом спектакле доиграть достойно и до победного конца. Как профессионал, он понимал, что трусость в создавшейся ситуации ему не советчица, приготовился принять удар спецслужбы и достойно ответить на него своеобразным волейбольным блоком, который он умел ставить и держать.

«Братец» предложил кресло, в котором ещё недавно сидел Николай, целуясь с Сюзю.

— Завать миня Борисом, — представился неизвестный, коверкая русские слова.

— Надеюсь, мне вам представляться не надо. «Сестричка» вам рассказала о Николае, — съязвил россиянин.

— Да, она вся во власти воспоминаний, — явно слукавил Борис.

В дверь коротко позвонили. Вошел головастый, рано начавший лысеть низкорослый мужчина. Создавалось такое впечатление, что ягодицы его из-за коротких ног доходили до уровня колен. Вспотевшее лицо незнакомца выдавало волнение или вчерашний перепой. Волосы от пота с боков слипались рыжей куделью.

— Майкл Зенчук... Посольство Соединенных Штатов Америки в Белграде, — отрекомендовался он, почти не глядя ни на того, кто представлялся «братом» Сюзанны, ни на Николая. Его взор, устремленный в простенок, поначалу

зародил у Ветрова мысль, что он косой.

— Николай Ветров, посольство Советского Союза, — с достоинством ответил майор.

— Будем знакомы... будем знакомиться поближе, — заволновался Борис, подобострастно глядя на Зенчука, очевидно, своего шефа. «Брат» как-то извинительно посмотрел на советского гостя.

Американцы не ожидали встретить такого спокойствия со стороны россиянина, и смелый его ответ серьёзно встревожил Майкла. Зенчук трясущимися руками полез в карман кожаной папки и бросил Ветрову конверт, из которого выпали цветные фотографии, веером разлетевшиеся по лаковой поверхности стола.

Николай спокойно стал рассматривать снимки, на которых он сгорал в пламени страстей. Как вспышка молнии мозг озарила когда-то выуженная и твёрдо запомнившаяся мысль: человек находит для оправдания своих действий любую причину, кроме одной; для своих преступлений — любое оправдание, кроме одного; для своей безопасности — любой повод, кроме одного; а этим одним является трусость.

«Ни в коем случае нельзя сломать себя, надо переиграть этих кретинов, и я это сделаю уже здесь», — успокаивал себя офицер.

— Ну, как качество: резкость, цветопередача, ракурсы? — съязвил Зенчук.

— Это что, Сюзанна передала мне на память?

— Что-о-о? Я вас не понял, — Майкл криво усмехнулся, — вы же у нас в кармане. Представьте такой момент: эти фото лягут на стол вашему начальству или они станут достоянием жены... Каково?

После этих жестких слов он уставился на россиянина, пытаясь понять по его лицу реакцию на главный козырь в начатой игре грубой компрометации.

— Так я и не понял: вы дарите мне эти доказательства красивого времени препровождения с вашим агентом или пытаетесь шантажировать ими?

— У нас не один экземпляр. Мы в случае надобности сможем их размножить.

— Ну тем более, подарите эти мне. Могу даже заплатить за сделанную работу и фотобумагу.

— Смел, смел, как я погляжу, — съязвил Зенчук.

— Да, я уже никого не боюсь. Ваши фотографии не компромат, а доказательство того, как американская разведка не жалеет своих дам, таких милых и нежных, толкая их в объятия инфицированных СПИДом «русских медведей», — сказал Ветров, надеясь на соответствующую реакцию, и она пошла — бурно и смешно.

— Сволочь, что-о-о? — опять Зенчук растянул это короткое местоимение.

— А ничего. Я обречен, поэтому никого и ничего не боюсь. А теперь жду, когда начнете вербовку. Хотя после такого вашего хамского вступления я ещё подумаю, как себя вести, — ответил Ветров.

После этого он взглянул сначала на «брата», а затем на ошалелого Зенчука, у которого постепенно стали краснеть щеки и почему-то побледнели уши. Как показалось Николаю, у Майкла мясистые уши даже несколько отвисли, как лопухи в знойный июльский полдень.

— Что с вами, господа хорошие? У мужчин все поступки должны быть исполнены мужества, как бы судьба их не трепала, — продолжал издеваться Николай.

— А ты знаешь, — Майкл разгорячился, — ты знаешь, что ты в капкане? Кто знает, где ты сейчас, с кем проводишь время? Ты сейчас живой, а через мгновение будешь мертвый. И никто не узнает, где могилка твоя... Так, кажется, поётся в одной из ваших песен?

— Так оно так, однако я помню и другие слова, слова из справедливой прозы: люди, желающие внушить ужас, тем самым показывают, что они трусы. Кое-что и у меня для вас есть, если пошла коса на камень, — и он быстрым движением достал зажигалку, по форме напоминающую фанату «лимонка». — Давайте-ка лучше мирно разойдемся, а то ваша требуха может оказаться на этой люстре. Думаю, сейчас наиболее подходящий момент для моей вербовки вас. Господин Брокман не одобрит вашу безголовую для разведки затею. Ваша сотрудница по вашей вине стала неизлечимо больна.

На Николая смотрели пустые выпученные глаза горевербовщиков. Оба впали в ступор после упоминания о чуме двадцатого века. Они сидели отрешенные, тупо глядя в пространство.

Зенчук вдруг словно очнулся и процедил сквозь зубы, перейдя на джентльменское «вы»:

— Николай, вы что, правда больны?

— Здесь у меня с вами полная откровенность.

— Чем вы можете доказать? — последовал дурацкий вопрос.

— Последствиями и результатами анализа крови у Сюзанны и, конечно, у тех, кто тоже баловался с нею. — Майкл бросил цепкий и презрительный взгляд сначала на Зенчука, а потом на обезумевшего «брата». Они находились в полной прострации.

Не знал точно Ветров, но по реакции янки мог догадываться, что у Сюзан — сотрудницы ЦРУ — в «гостях» поочередно после той памятной обмывки рубанка успели побывать и её «братик», и главный «вербовщик», не однажды попадавший, как потом выяснилось, в подобные скандальные истории. Именно поэтому знаток российских проблем стал заниматься югославскими делами. Руководители ЦРУ не рискнули вновь отправлять облезлого донжуанистого кота к московским мадоннам, предварительно запугав его большими СПИДом путанами, которых злые чекисты якобы специально подставляют американцам в стране «березового ситца».

«На сей раз я попал, как муха на липучку. Что я наделал?! Бедная наша Сюзанна», — досадовал про себя Майкл, бросая колючие взгляды на голубоглазого, рослого россиянина, спокойно собирающего фотокарточки и с брезгливым безразличием укладывающего их в конверт.

— Как я понял, вы их мне дарите на память о бурно проведенной ночи. Думаю, для Сюзан у вас найдется ещё одна копия — или нет?

— Не трогай фотографии, оставь нас в покое, — взвыл Зенчук.

— В таком случае — «Гуд бай, май диэ фрэндс». — Николай медленно поднялся с кресла и направился полубоком к выходу, держа в руке «гранату». Такая поза давала возможность боковым зрением наблюдать за действиями американцев. Поравнявшись с дверью, он бросил презрительно:

— Запомните, придурки, я уже никого не боюсь, бойтесь вы.

Он специально акцентировал внимание двух одуроченных вербовщиков на неизлечимой болезни. Хлопнула дверь. Оба янки вздрогнули, как от плетки, стегнувшей неожиданно и больно.

«Вот вляпались в историю! Начнется разбирательство, выгонят, как собаку бешеную. Я же только начал карьеру в разведке. Майкл уже сколотил капитал, что ему! Он жизнь сделал», — скулил про себя Борис.

Майкл тоже искал выход. Искал и не находил, потому что в таком идиотском положении его невозможно найти, — весь разговор записывался на магнитофон.

— Джек, неужели это правда? — обратился Майкл к напарнику, до недавнего называвшего себя Борисом.

— Я думаю, чистейшая... бедная Сюзанна.

— Сюзанна, Сюзанна, — ты думай о себе.

— А что думать? Дело сделано, — заметил Джек. — Я у неё тоже был.

Майкл приложил указательный палец к губам, а голову обожгла мысль: «У меня тоже могут быть проблемы со здоровьем».

— Сволочь, подонок, русская свинья! Где он подхватил эту обезьянью болезнь? — неслись проклятья в сторону двери. Майкл застыл и уставился на конверт с «компррой». Теперь фотографиями можно было скомпрометировать только бедную Сюзанну перед родственниками и друзьями...

Как проходила воспитательная беседа Брокмана с двумя несостоявшимися вербовщиками, неизвестно. Но дней через десять в местной прессе прошло сообщение об откомандировании двух американских дипломатов — Майкла Зенчука и Джека Краммера («брата» Бориса) в США. Исчезла из магазина и Сюзанна.

После совещания Кобзев задержал Ветрова и сообщил ему о необходимости срочно выехать в Москву по делам службы.

— Это тот случай, когда сочетается полезное с приятным, служебное — с личным. Решите вопросы в Центре и повидаетесь с семейством. Пора их уже возвращать сюда, — посоветовал резидент.

«Неужели догадался, а может, ему сообщили коллеги из резидентуры КГБ? Не должны знать, всё было на уровне

профессиональной конспирации. А там черт его знает, — подумал Николай. — А может, всё же стоит раскрыться перед начальником?»

Нет, ничего не сказал он Кобзеву, хотя уважал и доверял ему. А на следующий день он уже шагал по родной Москве.

«Идиоты, — размышлял он, — неужели они думали меня сломить открыточками? Свобода оплачивается очень дорого, но что поделаешь. Будут ещё переживания, но я свободен от казни себя за малодушие, за предательство. Провинился — да, бес попутал, но чист перед Родиной, коллегами. Эта стерва получила удовольствие, я тоже. Ох, долго они ещё будут проверяться, не доверяя анализам и диагнозам».

Единственное, что его угнетало, — это вина перед женой, но он успокаивал себя тем, что повел не так, как предатель и шпион Филатов, поднявший когда-то руки вверх перед аналогичными материалами.

«Каждому мужчине, в конце концов, должна встретиться помимо брака женщина, которая успокоит ноющую плоть. У женщины тоже может быть подобное. Весь смысл в тайности содеянного, — убаюкивал себя Николай не только им придуманной теорией. — Хоть она и подстава, однако женщина высшего класса по многим параметрам».

И всё же он решил себя в некоторой степени обезопасить. «Свяжусь-ка я с Николаем Семёновичем. Посоветуюсь, как вести себя дальше». Ветров позвонил Стороженко на квартиру. Договорились встретиться в одном из кабинетов главка.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Здравствуй, здравствуй, тезка!

Он стал рассказывать подробности... Расхохотались, когда речь пошла о немой сцене янки на инсценировку со СПИДом.

— Ну, что я могу сказать? Правильно сделал, что пришел. Скрытность — прибежище слабых. Проступка твоего не одобряю, хотя по-мужски понимаю. Можно было уловить признаки «медовой ловушки», разгадать почерк цэрзушников, — он в последнее время стал стереотипным.

Наверное, не хотят думать. А Кобзеву надо было *сказать*. Передай ему привет от меня. Я напишу Григорию Петровичу письмецо. Хорошо, что командировка у тебя заканчивается. Всё равно в Белграде веди себя осторожно. Американцы могут мстить. Будь бдителен вдвойне, — высказывался Стороженко. Затем он стал подробно инструктировать, как себя вести в случае нового подхода со стороны американцев.

— Спасибо за совет и поддержку, Николай Семёнович, — в эти слова Ветров вложил искренность, потому что помнил, как перед отъездом еще в первую командировку в Венгрию беседовали с ним оперработник и Стороженко.

Именно тогда к чекистам в ГРУ у него появилось доверие. Это были совсем другие люди по сравнению с теми, которые Николаю встречались в войсках. К счастью, такими были единицы, но именно они ему и попадались, компрометируя деловых *военных* контрразведчиков. «За плечами этих работяг, — подумал Ветров, — полдесятка вскрытых за последние четыре года агентов иностранных разведок среди нашего брата. Не дай Бог, узнал бы мой особист в полку, — донёс бы командиру и замполиту».

Через неделю Ветров с семьёй улетел в Белград. Последние полгода прошли спокойно. Получил очередное звание — подполковник. Ветров все же доложил о «грехе» начальнику.

Кобзев пожурил подчиненного, однако информации наверх не направил, а если бы случилась «угечка», не видать бы Ветрову службы в центральном аппарате ГРУ, откомандировали бы в глухомань. Кобзев и Ветров закончили службу в генеральском чине. До сих пор, наверное, помнит свой «грех» Николай Иванович и улыбается, когда вспоминает пресные рожи американских вербовщиков, напуганных не столько «лимонкой», сколько чумой века.

Самое главное в этой истории то, что люди остались людьми и не навредили стране с перепуга. И такие люди служили в ГРУ.

ПРЕДАТЕЛЬ ПОМИЛОВАН ЕЛЬЦИНЫМ

Жадность до денег, если она ненасытна, гораздо тягостней нужды, ибо чем больше растут желания, тем большие потребности они порождают.

Демокрит

Свою судьбу человек выбирает сам, как бы не утверждали оракулы, что от судьбы не уйти. Мы делаем судьбу (она называется — жизнь) сами: чистыми или грязными руками. Все зависит от поступков...

Почти тридцать лет он ждал ареста, потому что совершил предательство и чувствовал себя виновным в содеянном. Провалы зарубежной агентуры ГРУ в середине 60-х годов говорили о том, что открылся канал утечки важнейшей информации из Центра. Военная контрразведка стала настойчиво искать «крота», явно имеющего доступ к обобщенным данным. Поиск шел долго и упорно. В списках подозреваемых тот, о ком пойдёт речь в этом повествовании, значился, но всякий раз удачливо выпадал, как мелкий песок через сито...

В 1960 году на должность оперативного техника советской военной резидентуры в Нью-Йорк прибыл ничем не приметный служащий — Николай Дмитриевич Чернов.

Теперь уже не один десяток лет отделяет его от того рокового часа, когда он из рядового сотрудника советской колонии посольства в США превратился в платного агента американских спецслужб под псевдонимом «Ник Найк».

Могли Чернов предполагать, что роковым событием в его судьбе станет признание арестованного за шпионаж в пользу Штатов бывшего генерал-майора Д.Ф. Полякова, послужившее основанием дополнительного интереса военных контрразведчиков к персоне Чернова.

В результате его предательства на длительное время открылся канал утечки информации как по резидентуре ГРУ в Нью-Йорке, так и по материалам Центра.

1963 год. В один из летних дней Чернов с сослуживцем приехал на оптовую базу для покупки стройматериалов для ремонта помещений, занимаемых резидентурой военной разведки. Отобрав нужные материалы и уговорив хозяина торговой точки, они получили липовые документы без отражения в них торговой скидки за оптовую покупку. Прикарманенные 200 долларов поделили между собой. На следующий день, когда Чернов явился за товаром, его ждали два джентльмена — сотрудники ФБР.

Они заявили сразу же, что знают о его причастности к военной разведке СССР. В ответ на якобы возникшее возмущение советского гражданина янки показали фотокопии платежных документов, изобличающих его в присвоении долларов.

Правда, эту версию рассказал следствию сам Чернов, разоблаченный чекистами. На самом деле все было иначе. В упоминаемой уже книге «Беспощадный воитель» её автор Том Мэнгоудд пишет, что после ухода на пенсию начальника контрразведывательной службы ЦРУ Энглтона, не доверявшего перебежчикам, его преемники Каларис и Маккой «...среди ненужных бумаг в одном из сейфов обнаружили старый и неприметный документ. В нем содержались наводки на двадцать агентов ГРУ, действовавших в различных странах мира. Источником этих сведений был работавший на ФБР агент «Ник Найк»...

...Из двадцати наводок «Ник Найка» американской контрразведкой были реализованы все двадцать. В конце концов, шпион стал наиболее ценным источником развединформации по ГРУ, который когда-либо был у американцев».

Другим подтверждением инициативного обращения Чернова к американцам послужили показания шпиона Полякова. Осознав вину и желая помочь следствию, бывший генерал-майор поведал, что в беседе с ним в 1980 году в Индии американский разведчик Вальдемар Скатцко назвал ему Чернова как одного из завербованных агентов в Нью-Йорке.

Вот как Поляков говорил об этом эпизоде на следствии: «Американский разведчик с виноватым видом рассказал о том, что в США вышла книга бывшего сотрудни-

ка, в которой раскрывается один крайне важный эпизод из деятельности спецслужб США. В ней говорится, что в 1962 году в ФБР инициативно с предложением услуг обратился один сотрудник ГРУ и один офицер КГБ.

Прочитав строки из книги, он тут же бросился за- верить меня, что в ней речь идёт не обо мне, а о совершенно другом сотруднике нашей нью-йоркской резиденту- ры, — Чернове, являвшимся наркоманом и обратившимся к ним для получения наркотиков в обмен на информацию. Чернов передавал американцам средства тайнописи и дру- гие материалы и сведения, к которым имел доступ по роду службы...»

Так ли это было? Вероятно, так, ибо следствие не могло упрекнуть Полякова в перекалывании своей вины на пле- чи Чернова. У каждого из них была своя конкретная вина. Что же касается американцев, то, видимо, им тоже не име- ло смысла чернить одного агента в глазах другого и приду- мывать небылицы о мотивах, в силу которых Чернов пошел на сотрудничество с ними. Однако последний мог посчи- тать ниже своего достоинства иметь «славу» продажного наркомана и на следствии по своему делу расписал этот факт как коварство и изощренность американцев, не особо заботящихся об отыгравшихся игроках, — именно так.

Где истина? Сегодня уже трудно разобраться. Ясно од- но — вербовка была, она состоялась, агент начал действо- вать. А вербовали или принимали инициативное предло- жение Чернова сотрудники ФБР Мак Дугал и его босс Боб Стрейнджер. С октября 1962 по май 1963 года шпион про- вел с ними восемь конспиративных встреч.

Чем же заинтересовал их клерк военной разведки? В функции оперативного техника входило: обработка вхо- дящей и исходящей почты, фотографирование докумен- тов, добываемых нашими разведчиками, проявление тай- нописи, использовавшейся военной разведкой для связи с агентурой. Кроме того, он имел доступ к документам, про- ходящим через резидентуру, причем ко всем, за исключе- нием шифрпереписки. Лучшего места для шпиона и при- думать трудно!

Через две недели после вербовки Чернов в надежде на вознаграждение передал американцам специальное

вещество, применявшееся резидентурой ГРУ для тайнописи.

Чернов на следствии показал: «Американец был очень доволен полученными образцами спецвещества и спросил, сколько мне нужно денег за эти таблетки. Я ответил, что мне ничего не надо, просто я был вынужден выполнить его требование о передаче средств тайнописи для ФБР и таким образом мы квиты: он скрыл от моего руководства факт хищения 200 долларов, а я в свою очередь вынужден таким образом произвести с ним расчет». Но опять-таки это версия Чернова.

За таблетки ему всё же вручают деньги — 10000 советских рублей. По тем временам можно было купить на эту сумму две машины «Жигули». Начало предательства, таким образом, было щедро оплачено. Дальше встречи пошлы по накатанной дорожке. Он стал подписывать свои шпионские сообщения псевдонимом «Ник Найк». На одной из встреч перед отъездом Чернова в Союз Боб Стрейнджер рассказал о его обязанностях при негласной работе в Москве. Он инструктировал, какую информацию для американцев «Ник Найк» должен собирать, как её зашифровывать и передавать в США, как подбирать места закладки тайников и даже как себя вести в случае разоблачения органами КГБ.

Из показаний Чернова на следствии: «Шеф мне заявил, что в том случае, если я буду разоблачен, то в КГБ должен сказать, что я передавал американцам сведения в обмен на информацию об их агентах в СССР, — мол, в порядке компенсации за свою деятельность против своей страны.

В разговоре он мне показал листок бумаги, на котором были напечатаны фамилии, имена, отчества и места жительства на нескольких своих агентов в разных городах Советского Союза. Этот листок он мне, конечно, не дал, но сказал, что такой же имеется в двойном дне приготовленного для меня футляра фотоаппарата. Дома я обнаружил этот список и переписал его в записную книжку...»

Возможно, и задумывался Чернов тогда над тем, что не делает чести американской разведке такое варварское обращение со своей агентурой, но разве мог он допустить, что

через несколько лет данные на него самого американцы так же передадут другому своему работающему агенту! В этом, наверное, и заключается хваленая американская практичность, — жертвовать отработанными клиентами или не захотевшими продолжать сотрудничество ради спасения более ценного агента. Оно и правильно с позиций логики «богоизбранных» заморцев: выработался — на свалку, под пресс забвения, а то и отправка прямым ходом к праотцам в результате «автокатастрофы» или «сердечной недостаточности».

Николай Дмитриевич хорошо усвоил замашки бесцеремонных хозяев и работал осторожно, продумывая каждый шаг на тропе предательства.

Из показаний на суде: «Приступив работать фотографом в ГРУ после возвращения из США в 1963 году, я стал постепенно накапливать на фотопленках собранные сведения для последующей их передачи американским спецслужбам...

Я решил отправить кассету «Кодак» с микрокадрами, в которых, как было заранее обговорено с сотрудниками ФБР, сообщалось им шифром о том, что благополучно прибыл в Москву и продолжаю работу на старом месте...

Согласно инструкции, полученной от сотрудников ФБР, я копировал титульные и первые листы документов, отснятых за границей агентами ГРУ или оперативными офицерами. По их атрибутам, как говорили мне в Нью-Йорке, они смогут определить места хранения этих документов и вычислить источник утечки информации.

Бывало, что в день я приносил домой пару кусков скопированной плёнки... По моим подсчетам мне удалось передать американцам свыше трёх тысяч кадров с информацией разведывательного характера.

В 1972 году, когда узнал о предстоящей командировке, во время которой посетил США, я упаковал фотопленки, вывез из СССР и передал их сотруднику ФБР в вагоне поезда Нью-Йорк — Вашингтон. В апреле 1972 года я от американцев вместе с тремя пачками фотобумаги получил закамуфлированные в такую же пачку 30000 рублей и фотоаппарат «Минокс», а также 200 долларов... (Чернов с 1968 г. работал в ЦК КПСС на должности младшего референта международного отдела — *авт.*)

Американцы тогда дали мне задание собирать в СССР любые сведения о Главном разведывательном управлении Генштаба».

Именно в эту поездку шпион передал более 3000 кадров, вместивших огромный объём различных секретных документов о деятельности ГРУ. Следует заметить, что в этот момент он уже не работал в разведке. Уволился в 1968 году, однако накопленные ранее шпионские материалы аккуратно хранил «до лучших времен». Дождался!

В то же время в Москве с представителями иностранных спецслужб он не встречался, — боялся разоблачения. При перефотографировании на суть или содержание документов не обращал внимания. Главным критерием отбора было то, чтобы документ имел гриф «совершенно секретно», а ещё лучше — «особой важности».

Были мысли прийти с повинной. Обуревали сомнения, колебания, но страх за свою шкуру все же преобладал. Мысли о разоблачении, не проходившую тревогу, постоянный страх он заливал водкой. Пил каждый день дома и на работе. На почве хронического алкоголизма в 1974 году он попал даже на излечение в психоневрологическое отделение одной из престижных московских больниц. После выписки из медучреждения он потерял место младшего референта международного отдела ЦК КПСС, где контрразведчикам было категорически запрещено работать. А ведь к тому времени в «поисковом кругу» у чекистов значилась и фамилия Чернов.

Затем он часто менял места работы. За несколько лет до ареста ушел на пенсию. Думал встретить спокойную старость, пожить на даче.

Однако вернемся опять к «заслугам» шпиона перед американцами.

Военная контрразведка в 70-х годах активно работала в направлении выявления подозрительных лиц на реальных каналах утечки важнейшей оперативной информации. Дело в том, что в 1978 году в Париже было арестовано пять глубоко законспирированных и продуктивно работавших агентов военной разведки СССР. ГРУ их потеряло неожиданно всех сразу за одну ночь. Провал был страшен и трудно восполним. Чувствовалось большое предательство. Уже тогда в

аналитических справках и обзорах замелькала фамилия Чернова.

Французов судили. После процесса один из руководителей французских спецслужб Деспирэ Парэн скажет: «Впервые после окончания Второй мировой войны мы раскрыли агентурную сеть ГРУ, цель деятельности которой заключалась в систематическом добывании пашей технологической информации. Мы никогда ранее не вскрывали агентурной сети, подобной этой».

В фотокадрах наворованной в «альма матер» информации были данные и на двух помощников ГРУ в Швейцарии. Один из них — крупный предприниматель, другой — бригадный генерал Жан-Луи Жанмэр, бывший командующий ПВО Швейцарии. Чтобы склонить чашу весов, в общем-то, обеспеченных людей на нашу сторону, нужны были решительность, такт и убедительная логика. И это сделали профессионалы ГРУ. Кроме вышеупомянутых, по наводке шпиона были арестованы негласные помощники ГРУ также в Греции, Индонезии и Японии.

По оценке американцев «постэнглтонской эпохи», Чернов мог стать агентом века, если бы Энглтон серьезно, без предубеждений отнёсся к нему. «Ник Найк» перещеголял бы двух «П» — Пеньковского и Полякова вместе взятых. А он подошел к нему с рулеткой своего измерения подобных людей: «Чем выше информация поступает от агента-перебежчика, тем меньше вам следует верить ему и тем больше подозревать, что он что-то скрывает».

Что ж, предателям нигде нет веры! Во все времена и у всех народов к ним относились с неприязнью. Не случайно наказание за подобные злодеяния везде, от племени и до государства, самые суровые: от оставления одного в джунглях на съедение диким зверям и до электрического стула или повешения.

В поле подозрения Энглтона попадали не только перебежчики, но и свои сотрудники. В число подозреваемых угодили более сорока высокопоставленных чиновников, и практически никому не удалось выйти целым и невредимым из этого костедробильного круга без ущерба для собственной карьеры. Авторитет Энглтона в ЦРУ позволял заводить всё новые и новые дела на подозреваемых в принад-

лежности к агентуре КГБ и ГРУ. В ходе кропотливых поисков агентуру не находили, однако весь советский отдел ЦРУ был надолго парализован.

Чернов этого, естественно, не знал. Он искренне верил только в деньги, продавая секреты Америке. Он понимал, что его готовят для большой работы на территории СССР. Как уже говорилось, за товар — таблетки для тайнописи — Чернов получил 10000 рублей. Кроме того, на этой встрече янки вручили ему для «плодотворной работы на родине» фотоаппарат «Тессина» и русско-английский словарь с тайнописью.

Шпион Чернов сразу же после ареста стал открещиваться от того колоссального ущерба, который он нанес ГРУ. Отвечал односложно: забыл, не помню, документы фотографировал, не вникая в их суть, в обычной библиотеке, в документах нет ничего ценного...

Факты же говорили о другом. Вот несколько выдержек из судебного дела. В 1962 году Чернов непосредственно занимался обработкой секретного «Альбома управляемых снарядов ВМС США», полученного от ценного источника «Дрона». Вскоре, уже в июне того же года, американцы начали проводить розыскные мероприятия по установлению лица, передавшего этот документ советской разведке, а в сентябре «Дрон» был арестован и осужден к пожизненному тюремному заключению.

В марте 1964 года в Лондоне не без помощи Чернова англичане арестовали опытного агента ГРУ «Барда», которого на 21 год упрятали в тюрьму.

В 1977 году к 18 годам лишения свободы за шпионаж в пользу СССР был осужден командующий войсками ПВО Швейцарии бригадный генерал Жан-Луи Жанмэр. Он вместе с женой с 1962 года поддерживали тесную связь с советской военной разведкой. «Мур» и «Мэри» — их оперативные псевдонимы — были выявлены, как сообщила зарубежная пресса, «на основании информации, поступившей от агента из числа советских граждан».

Во время работы Чернова в 1963—1968 годах в фотолаборатории обрабатывались документы со сведениями на агентуру, работающую за рубежом. Сколько поломанных судеб на совести предателя Чернова! Много, очень много.

Разоблаченный агент признал только то, что неопровержимо было доказано. На совести у него осталось много других страшных фактов предательства. Но презумпция невиновности — основа судопроизводства. За рамками недоказанного — лишь подозрения, только доказанные факты — вина.

11 сентября 1991 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Николая Чернова к лишению свободы на восемь лет за измену Родине в форме шпионажа. При назначении наказания суд руководствовался смягчающими вину обстоятельствами: состояние здоровья, возраст (64 года) и «чистосердечное» раскаяние. В результате Чернов получил срок ниже низшего предела, предусмотренного законом. Не была применена к нему и такая мера, как конфискация имущества.

«Да, всего восемь лет за предательство, — рассуждал Стороженко, присутствовавший на суде, — за продажу секретов, за гибель людей. В Штатах за это преступление его бы ждал электрический стул, в других цивилизованных странах — был бы повешен или расстрелян. Предателей везде судят сурово».

Но каково было его изумление, когда получил известие, что через пять месяцев «отсидки» шпион был помилован Б. Ельциным!

Воодушевленный своим нелепо-досрочным освобождением Чернов решил, что уже отмылся от грязи предательства, и начал давать интервью газетчикам, представляясь чуть не «борцом с тоталитарным режимом». В интервью газете «Известия» от 6 марта 1992 года этот дилетант рассуждает о разведке: «Это очень грязное и немножечко тонкое дело. Основной её принцип: человеку добровольно предлагают сделаться подлецом». Выходит, он подлец в квадрате! Бывший «политзэк» — так он себя назвал — сидел развалившись в кресле с трубкой во рту, как описывал его корреспондент Николай Бурбыга. На глазах — черные очки. Очевидно, он прятал глаза от стыда. Услышав фамилию Полякова, оживился:

— О, Поляков — это звезда. А Пеньковский — так себе... Полякова я знал хорошо: вместе работали в Нью-Йорке. Он был заместителем резидента. Свыше двадцати лет

работал на американцев. Много наших нелегалов заложил. Знал, кто и куда едет... Отправлял и тут же звонил. Их встречали — и под белые ручки: или работай на нас, или садись пожизненно... Да, нелегкая у этих ребят работа. А те, кто имеет на руках дипломатический паспорт, умеют только водку пить. В этом вся их разведработа.

Говоря о переданных американцам таблетках для тайнописи, Чернов нагло уточняет, ёрничая и обеляя себя:

— Они не представляют никакой ценности... Вообще у нас в стране всё засекречено, а в ГРУ — даже туалетная бумага. Технику, что у них есть, можно ещё использовать против зэков, но против американских спецслужб — извините.

На вопрос, на чем обычно «проваливаются» наши разведчики, последовал издевательский ответ:

— Наши — кустари, а не профессионалы... Россияне берут не умением, а числом... Все пили под одеялом. Благо, по дипломатической скидке бутылка водки стоила всего 90 центов. Выписывали ящиками и везли домой...

В конце беседы с журналистами «Известий» относительно переданных 3000 фотодокументов на пленках, он замечает:

— Ничего ценного там не было. Документы были сняты в обычной библиотеке. И вообще, если бы я захотел, то развалил бы ГРУ, но я этого не сделал...

Чего тут больше — саморекламы, цинизма или издевательства над памятью сданных им противнику профессионалов, окончивших военные училища и по две-три академии, рискующих постоянно нервами, а иногда и жизнями?! Тот, кто хорошо осведомлен о специфике работы разведки, в этих ответах усмотрит сплошную ложь и ничтожество их автора, расхрабрившегося после помилования другим разрушителем страны — беспринципным Б. Ельциным.

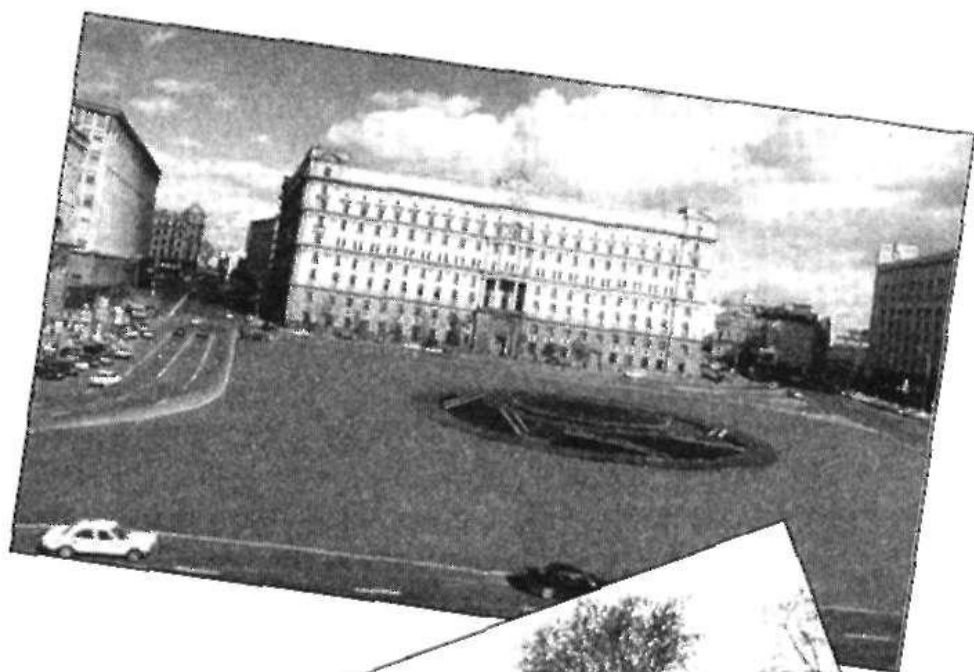
«Любую гуманность надо приветствовать, — рассуждал Стороженко, — но от правды не уйдешь. Помилование не означает, что его простили сослуживцы. Нет прощения хотя бы раз предавшему. Его должна жечь, мучить совесть всю оставшуюся жизнь. А тут ничего подобного, — лезет в герои, в страдальцы за идею, подбадриваемый, фактически, президентом. Жалость убаюкивает рассудок, дефор-

мирует процесс мышления. Человек и Родина, лист и дерево — как много между ними общего! Сплошные ассоциации по сходству. Пока лист на ветке дерева — он зелен. Стоит прекратить связь со стволом и корнями — и он, пожелтевший и сморщенный, полетит вниз. Так и человек — оторвётся от корней, от Родины и полетит прочь. Возвратиться на ветку здоровым листком, прирасти к ней он уже никогда не сможет. Потерянная совесть не восстанавливается — идут необратимые процессы».

Сразу после помилования Чернов скончался.

Часть III
НОВАЯ СТРАНА

РАЗВАЛ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Это саман большая потеря русского народа за всю историю. Потеря трагическая, катастрофическая.
А.А. Зиновьев

Заканчивался 1990 год. Стороженко отметил 50-летний юбилей дома с родственниками и коллегами по службе. На сердце у Николая было неспокойно, и не только потому, что скоро надо будет прощаться с погонами и чекистским ремеслом, но и потому, что со страной творится что-то неладное.

Умом аналитика он понимал, что его Родину загоняют в тупик две дьявольские силы: политики США и М. Горбачев. В «холодной» войне американцы сделали упор на гонку вооружений. Президент США Р. Рейган принял директиву национальной безопасности, которая была направлена на подрыв советской экономики. Объявление доктрины «звездных войн», — так называемой «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ), — вынуждало руководство СССР «поспевать» за главным противником. Эксперт по советской промышленности Г. Роуэн говорил, что «...мы должны просто держать высокий уровень вооружения, чтобы Москва постаралась догнать нас, а также прекратить поставки западных средств, необходимых им для выживания. И мы ещё в этом десятилетии увидим, как развалится советская система».

На самом деле СОИ — величайший блеф в современной истории. Американцам, по оценкам тогдашних специалистов, для того чтобы осуществить программу «звездных войн», нужно было пойти на космические затраты, исчисляемые в районе половины триллиона долларов. Такой возможности у них тогда не было. Но наши доморощенные пораженцы так запугали Кремль, что его обитатели поверили в правдоподобность затеи янки, и начали потихоньку затягивать пояс стране. В средствах массовой ин-

формации рисовались страшные картины: наши ракеты легко перехватываются боевыми спутниками США, сбиваются электромагнитными пушками и лазерными установками. Советский обыватель глядел на эту мрачную картину «национальной отсталости» в обороне и ему делалось страшно за будущее.

Стороженко не раз смотрел в ГРУ эти фильмы, привезенные из-за границы для «расширения кругозора» офицеров военной разведки и генералов Генштаба, о состоянии «нового» вооружения США, которое якобы вот-вот у них появится. Многие опытные разведчики, имеющие солидную техническую подготовку, прямо заявляли, что это туфта, что разрекламированная Рейганом программа «звездных воинов», или «высокой границы», с треском провалится. Основная причина фиаско — чудовищная дороговизна проекта и технологическая несостоятельность США осуществить подобное.

В беседе с Николаем начальник одного из информационных управлений генерал-лейтенант В. Диденко пояснил, что для того, чтобы сбить только одну советскую боеголовку (а в «пенале» — головной части ракеты — их было десять), нужна установка, способная послать лазерный импульс мощностью в один мегаджоуль. В середине 80-х годов в США создали силовую установку для «лазерной пушки» мощностью в 100 килоджоулей — в десять раз меньше. Включили... и посадили всю энергосистему штата. А луч рассеялся и только осветил борт низкоорбитального космического корабля. У нас же было много такого, что можно было противопоставить американской противоракетной обороне (ПРО), но возможности советского вооружения того времени — за пределами этого повествования.

Другим проблемным узлом в стране была личность президента СССР М. Горбачева, не без помощи и советов Запада провозгласившего «перестройку», сутью которой якобы явилось построение «социализма с человеческим лицом». «Но то, что стало происходить в России начиная с 1985 года, — скажет А.А. Зиновьев, выдающийся философ современности, — есть растянувшаяся во времени гибель России как целостного социального организма и гибель русского народа»...

Стороженко понимал, что появление на политической арене нового генсека с его прожектерскими идеями может обернуться трагедией для страны. Беды начались сразу: уродливая борьба с алкоголизмом, жестокость в отношении несогласных с его курсом, разоружение армии, кровавые разборки в отдельных регионах, развал Варшавского договора, сдача ГДР и вчерашних партийных друзей, открытие доступа американцам на секретные объекты военно-промышленного комплекса и прочее.

За все пять лет пребывания Горбачева у власти у людей накопилась усталость от его «речевой диареи», которая несколько не спланировала народ, а только разобщала его. Чувствовалось, что его политический капитал истрачен, что он выпустил из рук рычаги управления страной. Жизнь при брежневском застое теперь людям казалась раем. Пустые прилавки, очереди за получением гуманитарной помощи, 5 %-ный президентский налог и другие «прелести перестройки» быстро формировали центр оппозиционных сил. Возглавил его Б. Ельцин, который 12 июня 1991 года был избран президентом РСФСР.

Критиканство советского строя приобретало тотальный характер, в то же время никакой конкретной созидательной программы у оппозиции не было. Почувствовав «раздрай» в Центре, подняли голоса руководители республик, заявляя, что Москва их всё время грабила. Обозначились центробежные процессы. Возникла проблема создания нового государственного образования вместо СССР. Начался так называемый Ново-Огарёвский процесс — разработка нового Союзного договора. Но он не вошел в итоги Всесоюзного референдума от 17 марта 1991 года, где 72 % голосующего населения высказалось за сохранение СССР. Тогда стали говорить о создании Федерации суверенных государств. Работа шла ни шатко ни валко...

Страна продолжала бурлить, и в этот ответственный момент глава нестабильного государства улетает отдыхать с семьей на виллу в Форос, хотя на 20 августа намечалось подписание нового договора.

Партийно-политическая элита во главе с вице-президентом страны Г. Янаевым келейно, дабы спасти СССР от

развала, вынашивает идею введения в стране чрезвычайного положения. Решили по этому вопросу посоветоваться с Горбачевым, для чего 18 августа в Форос отправились О. Бакланов, В. Болдин, В. Варенников и О. Шенин.

Перепуганный президент их целый час не принимал. Потом он напишет в своей 72-страничной книжице, что первая мысль у него была такова: приехали его арестовать. А было за что! Вначале он не соглашался на введение чрезвычайного положения, но когда коллеги растолковали ему ситуацию, махнул рукой и заметил, мол, делайте, что хотите. Расчет простой — погляжу со стороны. Победят товарищи — вернусь в столицу для расправы с антиподом Б. Ельциным, победит оппозиция — сделаюсь жертвой плена. Так оно и вышло.

19 августа в Москву вводятся войска Таманской мотострелковой и Кантемировской танковой дивизий. Горбачев отдыхает, смотрит видеофильмы, купается и не помышляет вырваться из «плена».

Так называемый спонтанно возникший «путч» ГКЧП также быстро затух. Ельцин торжествовал победу. Начались аресты и «охота на ведьм». Главными жертвами стали коммунисты и сотрудники КГБ.

Стороженко в это время находится в своем рабочем кабинете № 639 на Лубянке в доме № 2. Была дана команда все личные дела агентуры в связи с непредсказуемостью событий конспиративно перевезти в одно из помещений ГРУ Генштаба.

Замелькали белые наволочки и серые мешки по коридорам 3-го Главного управления КГБ — центрального аппарата военной контрразведки. Волоком подтаскивали их к лифтам, опускали вниз и загружали в машины. Внутренний дворик Лубянки кипел, как развороченный муравейник...

Скоро по коридорам стали уже ходить «демократические комиссары» — соглядатаи. На выходе через подъезд № 4 Николая остановили четверо молодых людей.

— Прошу открыть папку, — заявил один из них — бородатый.

— Ваш мандат на проверку? — со сталью в голосе потребовал Николай.

Памятник Ф.Э. Дзержинскому на Лубянке. 1987 г.

— Мы из группы поддержки президента Ельцина, — нагло ответил другой, видно, старший.

— Товарищ полковник, надо подчиниться, — спокойно сказал вахтер-прапорщик.

Стороженко приоткрыл папку. Там, естественно, не было ни оружия, ни секретных документов.

После завершения эпопеи с отправкой секретной документации в Генштаб, Николая пригласил в партком главка его секретарь капитан 1-го ранга В. Медведев — добрейшей души человек. Из окна его кабинета хорошо просматривалась площадь Дзержинского, где у памятника «железному Феликсу» собралась орущая толпа. Среди них было немало пьяных типов. Молодые люди карабкались на постамент памятника и пытались «заарканить» тросом голову «грозы революции». Но он стоял незыблем. Подогнали грузовик в надежде завалить скульптуру, сдернув её тросами. Горели шины буксовавшего «ЗИЛа», но памятник не поддавался вандалам. Толпа на площади разрасталась. Тогда начальник военной контрразведки вице-адмирал А. Жардецкий попросил Стороженко спуститься и послушать ораторов:

— Николай Семенович, вы в гражданском платье, смотрите вниз к памятнику, чтоб уж формой не провоцировать *пьяных идиотов*, и выясните, чего они хотят?

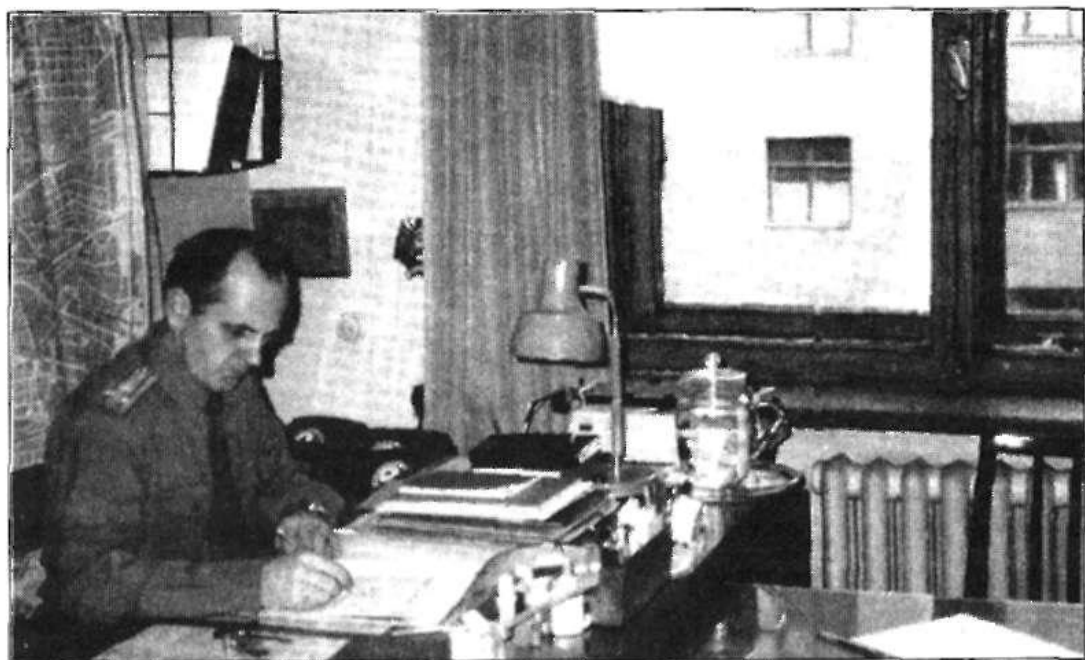

Изъятые у шпионов средства связи и тайнописи

Выступали сначала какие-то помятые типы, но что поразило — среди этого пьяного быдла стоял телекомментатор В. Познер и рассказывал толпе какие-то страшилки о коварстве КГБ, слал проклятия в адрес Дзержинского, чекистов, советской власти, СССР и прочую чушь; ему подпевали другие вожди площади...

Надо заметить, что многие крупные начальники в это время попрятались в кабинетах и не отвечали даже на звонки. Они боялись вопросов подчиненных: «Что делать дальше? Как быть со службой? Чем заниматься?» Таким образом они обезопасили себя и затем даже выросли в должности и званиях.

А тем временем скороспелыми указами редко трезвого в то время Б. Ельцина руководство КГБ было дезорганизовано. За три дня сменились три руководителя. Вначале Комитет подчинили В. Иваненко — председателю КГБ России. Затем на сутки был назначен Л. Шебаршин — начальник ПГУ (разведки КГБ), а 22 августа на Лубянку прибыл энергичный и всезнающий бывший секретарь Кемеровского обкома, бывший министр внутренних дел В. Бакатин. За ним по чекистским коридорам брела свора «чистильщиков», задающих строго один и тот же вопрос: «Как ты вел себя при ГКЧП?» Одним из таких ревизоров, ельцинских

Автор в кабинете на Лубянке перед увольнением. 1992 г.

комиссаров был и питерский пожарник С. Степашин. Он вскоре возглавил комиссию по проверке лояльности оперативников-профессионалов к родившемуся режиму.

А в это время государственный секретарь США Бейкер мотался по республикам, уговаривая их руководителей как можно скорее «выходить из состава Союза». Время для страны было тревожное, но, несмотря на это, М. Горбачев ездит по «заграницам», участвует в диспутах, пресс-конференциях, приемах, словно не замечая агонии государства...

8 начале декабря тройка заговорщиков — Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич — вместе с подельщиками отправились в леса Беловежской Пущи, где на государственной вилле не без страха, заливаемого спиртным, подписали незаконное ни с юридической, ни с политической стороны Соглашение об упразднении СССР и создании СНГ.

9 декабря 1991 года о развале Советского Союза узнала вся страна. Вот тут-то Горбачеву, даже как мужчине с достоинством, и надо было показать власть — арестовать заговорщиков-смутьянов. Но, как говорится, если вы что-то не сделали, значит, не пытались. Трус есть трус. Президент занимался уже решением личных вопросов...

Вскоре Верховные Советы России, Украины и Белоруссии ратифицировали документы беловежского сговора. 25 декабря Горбачев в последний раз обратился к народу. Он объявил, что снимает с себя полномочия президента СССР по «принципиальным соображениям». В тот же день над Кремлем был спущен Государственный флаг Советского Союза.

Ельцин ходил гоголем. Его распирало от власти. Он все чаще позволял себе находиться в нетрезвом состоянии. Окружение этой «болячки» старалось не замечать.

Стороженко понимал, что верхами совершенно страшное, особо опасное преступление, что трещина раздроба страны пройдет по каждому гражданину недавно единой страны, коснется болями каждой семьи. Болтовню удельных князьков и самого Ельцина о «прозрачности границ» считал за лукавство. Появятся скоро КПП с таможенниками и пограничниками. Но как быть с производственными завязками, оружием и боевой техникой Советской Армии? В европейской части находились самые боеспособные части, оснащенные новейшим вооружением. Россия в таком случае многого может лишиться. Ельцину было наплевать на эти «мелочи». Он праздновал победу.

Иногда Николаю казалось, что происходящее не связано с ним, что оно существует в иной жизни, в каком-то фантастическом Зазеркалье. Но, к сожалению, это была реальность с полным игнорированием всякой законности. Не мог он, воспитанный на порядочности в трудовой семье и на службе с профессионалами высочайшего класса, согласиться прислуживать тем, кто развалил и разорил страну. Служба в таком случае превращалась в видимость. Недаром же говорится, что для того, чтобы уничтожить человека, наказать его самым ужасным образом, достаточно придать работе характер совершенной бесполезности и бессмысленности.

Нагрудный знак почетного чекиста

— Америка теперь каш друг, — говорил один из пере-
красившихся начальников. — Пора ловли шпионов кончи-
лась. Занимайтесь охраной завоеваний демократии.

От этих слов тогда Николая передернуло. Последний удар по планам Стороженко в отношении службы нанес В. Бакатин. Будучи председателем КГБ, он выдал, дабы «прогнуться» перед новыми друзьями, святая святых любой спецслужбы — схему закладок оперативной техники слухового контроля в новом посольстве США в Москве. Посол был не столько рад «подарку» главного гэбэшника, сколько поражен масштабом предательства. Со временем янки отблагодарят благодетеля, — его сыну дадут возможность заниматься бизнесом в Штатах.

Полковник Стороженко написал рапорт на увольнение. Приказом № 1 по личному составу КГБ 2 февраля 1992 года Николай был уволен в запас.

Наступил новый этап жизни. Траектория службы в органах госбезопасности закончилась, но жизнь-то продолжалась. Николай был доволен чекистской тропой, по которой он прошел с гордо поднятой головой, не замарав ни рук, ни души. Он был чист и честен перед главным судьей — своей совестью.

ОКТЯБРЬСКОЕ БЕЗУМИЕ

Есть дьяволу где порезвиться на русском просторе...

В. Никитин

Стороженко ужинал на кухне. Было 21 сентября 1993 года. Когда часы пробили ровно 20.00, он включил телевизор и с экрана на него *взглянуло* недовольное лицо президента. Он зачитал свой очередной указ за № 1400 о ликвидации парламента и разгоне избранных пародом депутатов Верховного Совета.

Внезапное решение Б. Ельцина ликвидировать во многом оппозиционно настроенный к нему парламент, сразу же накалило обстановку в Москве. Провинция не почувствовала запаха крови. Трезвомыслящие уловили в глазах кремлёвского Нерона отблески будущего большого побоища и пожара. Сразу же здание парламента опутали по периметру «колючкой» — спиралью Бруно. Кстати, применение этой колючей проволоки в подобных ситуациях запрещено одной из Женевских конвенций.

Омоновские орды все прибывали и прибывали из других регионов страны. Скоро парламент был полностью в кольце. На такую дикость мог пойти только человек с больной фантазией, боявшийся ответственности за содеянное предательство в Беловежье.

Итак, в роли оскорблённых оказались *народные* депутаты. На Руси издавна общественное мнение на стороне битого властью. Сразу же стихийно возникло движение защитников парламента и Конституции. Не прекращались митинги у Белого дома. В ответ власти Москвы ввели дополнительные отряды омоновцев. Пространство в районе станций метро «Баррикадная» и «Краснопресненская» покрылось, словно рыбьей чешуей, металлическими щитами стражей порядка. Кольцо окружения парламента теперь не сужалось, а расширялось. Скоро образовалось уже два

кольца — внутреннее и внешнее. Граждан не стали подпускать близко к стенам Белого дома, но их не пугали дожди, холода, резиновые дубинки и автоматы.

Митинговые очаги тлели практически по всему периметру осажденного Белого дома. Стержневым требованием депутатов было: предоставить народным депутатам информационное окно на радио и телевидении. Власти его не давали. Продажные теле- и радиорепортёры словно не замечали другого мнения. Околопрезидентские шептуны постепенно усиливали давление на своего кумира, требуя скорейшего разгона парламента.

Отключение света, воды, телефонной связи и других коммунальных услуг ещё больше накалило обстановку, создавало взрывоопасную ситуацию внутри осажденной территории, где круглосуточно находились депутаты и защитники парламента — студенты, школьники, рабочие, офицеры, казаки, религиозные деятели, ветераны, москвичи и приезжие.

Митинги электризовали толпы. То, что придумали власти, являло верх вандализма и правового кощунства. Даже неудачники «гекачеписты» не додумались до такого варварства, — лишить людей тепла и света, воды и связи, тем более вчерашних соратников президента по развалу Союза.

Факт остаётся фактом: власти унизили себя очередной глупостью. Кто подсказал «всенародно избранному гаранту» такой сценарий с кровавым исходом? На этот вопрос ответит история.

Здание Белого дома охранялось департаментом охраны. Все они были сотрудниками МВД, однако в отличие от *коллег*, стоящих по ту сторону баррикад, выказывали лояльность парламента. Разве этого не знала исполнительная власть? Знала! А если знала, то почему вела общество к нагнетанию обстановки, провоцированию беспорядков и кровавой конфронтации?

А теперь о самом главном — мятеже, путче, восстании — называют по-всякому. Лжедемократы назвали происшедшее мятежом. Стороженко же назвал это событие восстанием против ельцинского агрессивного режима. Он считал, что в аванюре, происшедшей 3 и 4 октября, повинны обе ветви власти. А в первую очередь пострадали оболваненные москвичи.

Слушая передачи телевидения и радио, читая официальную периодику, Николай приходил к мысли о полной схожести их содержания с вещанием доперестроечного периода, когда хвалебные оды вождям и их политическому курсу являлись обязательной. Власть платит тем, кто крутит ей музыку. Оппозицию же к голубому экрану правители не подпускали. В ответ на политическое хамство последняя вынуждена была создавать свои органы информации, которые, естественно, противостояли проправительственным «говорящим и пишущим головам».

У обывателя всегда существует недоверие к официальным источникам: слишком профессионально они вращались, что вызывало у людей протест против неприкрытой лжи. Экономические промахи, астрономические займы и кредиты, популистские обещания, постоянно снижающийся уровень жизни, опротивевшее всем противоборство ветвей власти, опасная суверенизация по рецептам президента, — всё это заставляло задавать себе и близким вопрос: куда мы идём?

Средства политического оболванивания людей успокаивали общество скорыми подвижками. Президент к месту и не к месту хвастался всенародной поддержкой. Какой? В референдуме принимала участие одна треть населения, а если учесть подтасовки тех, кто считал голоса, то картина «всенародной избранности» сомнительна.

3 октября зажатые омоновцами с 21 сентября люди решили прорвать кольцо щитов и бронешлемов. Что же детонировало автоматически-пушечный огонь, большую кровь и сотни смертей ни в чем не повинных граждан?

Во-первых, многотысячный марш демонстрантов, прорвавших милицейский кордон на Крымском мосту. Во-вторых, провокационная стрельба еринских снайперов из мэрии по парламенту — искра обернулась пламенем. Москвичи бросились на цепи омоновцев, блокирующих здания гостиницы «Мир» и мэрии. Началась сшибка. Не надо быть опытным следователем, чтобы по следам пуль на стволах деревьев понять, кто и откуда стрелял по людям. Шквал стихии разрастался, превращаясь в вал мести и жестокости. Вот он, Пушкинский бунт!

Сначала пала мэрия на Калининском проспекте, потом двинули на телецентр «Останкино», не дающий руководству

парламента сказать слово от демократической оппозиции. У телестудии собралось много митингующих, просто зевак и любопытных хроникёров «эпохальных» событий. Среди моря негодующих граждан находились и сторонники президента. Толпа всё настойчивее и злее требовала допустить представителей инакомыслия в телестудию. Вскоре прибыли на грузовиках оборонцы Белого дома во главе с генералом А. Макашовым. В момент народного напора на двери «Останкино» «сторожа» телецентра ударили со страха из автоматов и пулемётов. Охранников неожиданно огнём поддержали БТРы.

Стремительно летящие трассеры, горящие легковые машины и душераздирающие крики раненых слились в какую-то дикую картину столичной бойни. Стоны, проклятия и зовы о помощи были слышны везде. Люди — одни прятались за деревьями и бордюрными камнями, другие — ползли, третьи — бежали, падая, сраженные пулями. Потом все рассредоточились, оставив на асфальте не один десяток убитых и раненых, просящих пощады у добывающих их омовцев. Прибывшие на БТРах дополнительные силы Ельцина довершали расстрел граждан...

А наутро начался варварский расстрел парламента. Из танков! Все эти картины своими глазами видел Николай Стороженко. Правду нельзя скрыть! Тем более телевизионщики из побоища устроили кровавое шоу. По людям, в центре столицы России, стреляли из орудий. Свои по своим.

Николай стоял рядом с кинорежиссером С. Говорухиным, который катал желваки и кричал:

— Мерзавцы, что же вы делаете?

Потом Говорухин напишет: «4 октября в 10 утра я наблюдал, как расстреливали парламент. Теперь мы знаем — в здании было много женщин и детей. Мы, зеваки, стояли на мосту, видно было, как на ладони. Свидетельствую: ни один защитник Белого дома не мог стрелять в нападавших — прямо за цепью солдат, вплотную к ним, стояли толпы зевак, поэтому и не разгоняли их. А танки, бывшие прямой наводкой, стояли за нашими спинами».

Ударил танковая пушка. Снаряд разорвался внутри здания. Толпа на мосту возбуждённо закричала. Стороженко подошел к двум старикам, разговорился с ними. Оказалось, фронтовики-ветераны. Один из них сказал:

— Расстреляли Россию! Можно идти домой. В России начались окаянные дни.

К вечеру Белый дом сделался черным от копоти пожаров. Выгорело полностью несколько верхних этажей. Сгорела большая библиотека, вся правительственная документация, направляемая на рассмотрение в законодательный орган. Дом стоял мёртвый, глядя пустыми глазницами окон на кровавый закат. Президент гордился вместе с силовыми министрами П. Грачевым и В. Ериным стратегическим успехом предпринятого безумия. В газетах запестрели заголовки-плагиаты: «Демократия должна быть надёжно защищена!» Эти слова говорил когда-то В. Ленин о пролетарской революции. Новый вождь не только повторил их, но и защитил свой трон таким образом от народа.

Говорят, Нерон от вида подожженного им Рима испытывал сладострастие. А что чувствовали парламентско-президентские нероны, поджигавшие Москву и направлявшие ОМОН латников то к «Останкино», то к Белому дому? Явно они думали не о людях, не о перемирии, не о компромиссах, а о своих интересах. Не волновал их вопрос, что Россия недосчитается многих прекрасных парней и девушек, так нужных для будущего строительства страны, и что пострадает демократия.

Глава государства, не обеспечивший личной безопасности подданных, способствующий расколу общества, а тем более санкционировавший орудийный расстрел граждан, должен предстать перед народным судом.

Американская телекомпания Си-эн-эн загодя удобно расположила телекамеры в ожидании большой крови. Ночью они уже знали о предстоящем штурме, поэтому с разрешения городских властей заняли крыши нескольких высоких зданий напротив Белого дома...

Точно передал атмосферу тех смутных часов по свежей памяти их свидетель, известный русский поэт Георгий Зайцев в стихотворении «Я это видел...», написанном 5 октября 1993 года.

Над Белым домом черные дымы,
И Си-эн-эн показывает миру,
Как танки бьют, как беззащитны мы...
И вся Москва уже — подобна тиру.

Чернеет обожженная душа,
Когда снаряды русского замеса
Взрываются, обыденность круша,
И защищают чьи-то интересы.

Душа черна (расстрелян русский Съезд!),
Как Белый дом, черна и молчалива.
И зреет, зреет яростный протест
Неслыханного русского мотива.

После побоища на следующее утро Стороженко побрел, как побитый, к расстрелянному зданию. Белый дом стоял закопченный и безглазый. Дымились кое-где оконные проёмы. Около стадиона лежали неубранные трупы молодых людей. Пройдя метров пятнадцать, Николай наткнулся на тело паренька лет восемнадцати в клетчатой рубашке и синей джинсовой куртке. Он лежал на боку. Два входных пулевых отверстия были чуть видны на спине. На вылете пули разворотили брюшину и часть бедра. «Изверги, против своих применяли пули со смещенным центром, или, как их называют в народе, «кувыркающие», — подумал Стороженко.

На углу дома покоился ещё один мужчина лет тридцати. В левой стороне груди на сером свитере виднелось пятно запекшейся крови. Правый глаз был закрыт, а левый почему-то безразлично смотрел на стоящее рядом дерево. У книжного киоска лежало пятеро убиенных, полуприкрытых невесть откуда взятыми белыми рушниками. На груди одного стояла иконка св. Николая. В окоченевшую руку другого старушка вставляла свечку, как в подсвечник...

Николай завернул за угол дома и в сквере наткнулся на девушку с простреленной головой. На спине тоже были видны следы от пуль. В кисти судорожно сжатой правой руки комья коричневой земли и скомканные осенние листья. Огромное бурое пятно под ней и вокруг. «На такую бойню мог пойти только двуногий упырь, а не президент — вождь нации, каким выставляет себя вчерашний секретарь самого большого обкома партии, как он всегда подчеркивал», — подумал Стороженко.

Кругом — очевидцы апокалипсического действия и волнующие рассказы, рассказы, рассказы, слезы, слезы, слезы.

— Власть, допустившая такую кровь, — преступница по всем статьям, — говорила молодая женщина. — Некоторые победители призывают к мщению. Но кому мстить? Ещё не похороненным, лежащим в скверах у Белого дома, гробам, обугленным трупам на этажах парламента, оставшимся сиротам? Кому? Общество расколото. Создаётся впечатление, что власть не знает, как вывести страну из тупика.

И словно уловив всю глубину мыслей последних слов женщины, Николай продолжил про себя её развитие: «Не знают правители выхода, — это так, поэтому, нервничая, делают ошибки и преступления. Они генераторы всяких бед. Я не доверяю президенту, ищущему везде врагов. Ему всегда кто-то мешал. Вчера мешала Компартия, Советы, а сегодня помешал парламент. Что дальше, вновь поиски скрытых врагов? Избави Бог нас от таких поводырей. Сегодня нам нужно спокойствие и взвешенность, а не преследование инакомыслящих и азартная мстительность. В доме, который нам строят нынешние либералы, неуютно и страшно будет жить.

Все политики выступают от имени народа, но перед тем же народом никогда не отчитывались, — ни цари, ни генсеки, ни президенты — и так вниз по вертикали.

То, что произошло — преступление! Общество потеряло Конституцию. Её просто растоптали и расстреляли. Мы стали жить вне поля Закона, не по праву Закона, а по закону права сильного...»

За всё время октябрьского безумия Стороженко спал мало, осунулся из-за переживаний и странствий по взбурдаженной Москве. Он словно растворился в событиях. Вечерами, когда становилось не по себе от лжи «говорящих голов» с телеэкрана по поводу недавних событий, Николай включал диктофон, с которым он ходил к Белому дому, и слушал записи исповедей простых граждан. Они, только они, отражали правду происшедшего.

В разное время двухнедельного спора блики законности и юридической правоты отсвечивались на лицах той и другой стороны, но дальнейшие действия ветвей власти

грешили то большей гордыней, то великим испугом. Стороны искали своих врагов среди своих, сначала по принципу «кто не с нами, тот против нас», а затем — «если враг не сдаётся, его уничтожают». В общем, Россия стояла на пороге гражданской войны.

В черные дни октября 1993 года правители были слепы и глухи, они стояли по разные стороны баррикад на своей родной земле. Поэтому в тот миг Стороженко отчетливо вспомнил слова:

Что там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас!
Нет безразличных: правда — с нами!
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Так мог сказать только Максимилиан Волошин.

Мы все обманулись, нас всех обманули. Конституции нет. Парламент разгромлен. Оппозиция притихла. Демократы хотят сильной руки. Нет, такая рука сейчас не поможет обществу. Нынче нужна — умная голова!»

ВОЙНА И БОЙНЯ

Война есть процесс, который разоряет тех, кто выигрывает его.

П. Буаст

Начало грозненской трагедии в Чечне Стороженко воспринял как конец ельцинизма, считая бесшабашность решения «всенародно избранного» президента миной замедленного действия, заложенной под основы российской государственности.

«Режим, — рассуждал Николай, — обожжется на этой аванюре. Власть и бизнес сошлись в одном — война выгодна для собственных карманов. Эта война планировалась. Недаром Кремль дал добро на оставление в Чечне 50 % оружия гарнизонов бывшей Советской Армии. А в республике его было много, очень много. Не парадокс ли?!»

Стороженко рассуждал часто абстрактно, однако конкретность и эмоциональный окрас раздумий появились лишь тогда, когда его сын — солдат-«срочник» был направлен в Чечню. У отца была возможность оставить его в Москве, пристроить в какой-нибудь местный гарнизон, вплоть до Кремлевского полка, но сын сразу же отверг малейшую возможность осуществления подобного.

— Я хочу служить и жить так, как все простые парни, — сказал он отцу.

Спустя только несколько месяцев после призыва Николай узнал, что сын воюет в Чечне. Защемило на душе, заняло под грудиной. Пропал сон, всё чаще «ночи мучительная повесть» диктовалась бессонницей. Появились черные раздумья и понимание того, что пуля-дура в любую минуту может оборвать жизнь сыну. Он гордился поведением всегда немногословного парня, заявившего командиру перед отправкой в Чечню, что если его оставят в гарнизоне мести плац, то он перестанет уважать себя. А когда решился во-

прос отправки, то попросил офицера не сообщать об этом отцу.

Первую весточку от сына Стороженко получил спустя два месяца после ввода федеральных войск в дудаевскую Ичкерия. В письме он извинялся за столь длительное молчание и обещал писать в будущем почаще.

«Нет, не на месяц эта бойня, — нередко говорил сам себе Николай. — Чепуху городит Грачев, что десантным полком может взять Грозный за несколько часов. Забыл министр обороны ермоловские слова о том, что Кавказ — крепость, которую невозможно взять штурмом, её можно одолеть только осадой. Совсем вылетели из головы «октябрьского полководца» 1993 года знания истории. В Академии Генерального штаба, которую он окончил, наверное, изучали опыт уличных боёв в годы минувшей войны.

Легче, конечно, приказывать стрелять по парламенту, который не мог ответить тем же. Политики не смогли договориться мирно и заварили кавказскую кашу, которую наверняка придётся расхлебывать не один год простым солдатам, офицерам и генералам. На Кавказе скоротечных войн не бывало. А тем более нельзя победить до зубов вооруженный народ. В горах развернётся такая партизанская война, которая будет стоять жизни не одной тысячи наших сынов и с той, и с другой стороны».

Мысли о Чечне теперь часто посещали полковника запаса. Опыт оперативной работы позволял ему делать прогнозы, которыми он делился с товарищами.

Однажды, сидя за столом, он с упоением читал книгу своего земляка Н.В. Гоголя «Духовная проза». Художник представлял себя не той фигурой писателя-сатирика, обличителя пороков человеческих, а мыслителем совершенно другого типа — аскета и острого публициста, великого патриота своей страны. Николай был сражен некоторыми откровениями. В книге давалась духовная проза писателя без купюр, которые практиковались в отношении мастера до и после 1917 года. Он был поглощен чтением, наслаждаясь правдой жизни. Вдруг зазвонил телефон. Николай нехотя подошёл к аппарату.

— Привет, Семёныч! Узнаёшь?

— Ну как не узнать тебя, Андрюха!

— Чем занят?

— Пишу в стол, читаю то, что не дочитал во время службы, — образно говоря, ремонтируюсь духом, — ответил Стороженко.

— А как с финансами?

— Живу на пенсию.

— Хватает?

— Всех денег не заработаешь. Да и у гроба карманов нет...

— А не хотел бы поработать в Думе?

— Нет, не хочу. Служить бы мог, а прислуживаться не смогу, тем более разрушителям Отечества.

— Подумай, деньги, как говорится, не пахнут.

— Нет, Андрей, именно сейчас они пахнут дерьмом и кровью.

Участие сына в боевых операциях раздражало Николая и беспокоило ночными раздумьями всё чаще и глубже. Он считал, что исполнительная власть вкупе с «арбатским» генералитетом повинна в вооружении ичкерских бандитов, в непродуманности военных операций и безразличии к судьбам отвоевавших. Он был уверен, что отдельные чиновники кровно заинтересованы в войне, пахнувшей нефте-долларами и огромными барышами.

С другой стороны, было видно, что президент вместо того, чтобы цементировать монолитность народов России общенациональной идеей, стал заигрывать с региональными элитами, раздаривая суверенитеты в таких объёмах, сколько кто может «переварить или проглотить». Так началась цепная реакция насаждения президентских постов от глав республик до руководителей всевозможных объединений. Замаячили везде президенты, как недавно секретари.

Назначение Д. Дудаева, боевого генерала-авиатора, на пост президента Чечни санкционировал сам Ельцин с целью разгрома местного «прокоммунистического» парламента. Получив карт-бланш из Москвы, Дудаев стал грабить (другого слова не подберёшь) сначала имущество и вооружение выводимых частей, а затем и эшелоны с народно-хозяйственными грузами. Поощрял с молчаливого согласия Кремля процесс выдавливания казаков, христиан и всего русскоязычного населения. Отказался платить нало-

ги в казну России. Стал с лихорадочной быстротой создавать национальную армию.

Вот когда надо было вводить чрезвычайное положение и вмешиваться в ситуацию российскому президенту, тем более Дудаев был готов вести переговоры. Но для этого Ельцину надо было освободиться от болезненных амбиций, дурных обкомовских замашек, завышенной самооценки, иметь гибкий ум и добросовестных советников. Ничего подобного в арсенале президента не оказалось.

Опасность «дудаевщины», замеченной, мягко говоря, поздно, заключалась ещё в том, что через Чечню вооружался мусульманский Кавказ. И не только — оружие расползлось по России. Оружие продавалось любому горцу, как правило, за бесценок. Ополченцу вручалось бесплатно. А у казаков, колхозников и рабочих милиция отбирала даже охотничьи ружья.

Да, именно прогнившая советская партноменклатура, вкуче с перекрасившимися в спешке новыми руководителями, завела страну в тупик, порушив главное в любом государстве — спокойствие и труд.

Говорят, «демократы» развалили экономику, науку, культуру, армию и органы госбезопасности. Это всё страшно и больно, но главное — они уничтожили идею национального единения. Вот что опасно для народов России. Они поссорили людей Советского Союза, украли результаты мартовского референдума 1991 года, а теперь разворачивают россиян друг к другу спинами по идеологическим соображениям.

«Пуля-дура пока меня обходит, — писал сын отцу. — Кто-то стережет меня. Может, мать с того света? Один раз пулька по касательной обожгла правое надбровье. Я ощутил её горячее дыхание. Значит, батя, не судьба была мне тогда превращаться в «груз-200». А вообще, как мне кажется, мы завязли тут надолго. Не за горами партизанская война. Абреки к ней готовятся...»

Стороженко дочитал письмо сына и был приятно удивлён его политическим чутьем и четким прогнозам. Он и сам понимал, что никакими «точечными» ударами мобильные отряды «российских моджахедов» не изведёшь. Мир-

ные переговоры начинаются там и тогда, где и когда стороны обоюдно желают окончания войны. В чеченском шабаше и та и другая стороны реализуют диаметрально противоположные намерения: ичкерцы — завоевать независимость, федералы — сохранить целостность страны.

Николай много читал, разрабатывая тему чеченского вопроса, специальной литературы. Он перелопатил книгу Берже «Чечня и чеченцы», изданную в Тифлисе в 1859 году. Нашёл интересные материалы в статье на эту тему в «Большой энциклопедии» 1903 года под редакцией С. Н. Южакова, где давался глубокий анализ борьбы русского самодержавия против горцев.

Он видел в ельцинской авантюре на Кавказе вторую Прибалтику, которая предстала отваливающимся карнизом после горбачевско-яковлевского вмешательства. Это они заколотили окно в Европу, открытое Петром Великим. То же делает Ельцин с Кавказом.

«Нет, не собиратели они Отечества, а разрушители», — часто в сердцах сокрушался Николай.

Бойня в Чечне не консолидирует общество, а разъедает его. Начало положили некоторые вожди Страны Советов, искусственно нарезав границы там, где их никогда не было. Однако после открытия «зеленого света» стрелочником-строителем Ельциным поезд под названием «Россия» покатился неуправляемым в сторону дурацкой суверенизации. Это не ошибка политика, а его преступление. Уже сейчас появляются признаки маленьких госграниц меж областями, не говоря уже об автономных республиках, объявивших суверенитет. Регионы уходят от налогов. Легче стало воровать местечковым князькам.

Понятие «россиянин» в царское время и при существовании СССР имело право на жизнь, потому что оно цементировало общество великих держав — Российской империи и Советского Союза. Теперешняя Россия, как и другие государства СНГ, — это выломанные с остатком штукатурки искошенные кирпичи из стены державности.

Нынешние же политики и военные никогда не читали гоголевскую «Духовную прозу». Если бы ознакомились с этим шедевром, то позора чеченского никогда бы не обрели. В главе под названием «Занимающему важное место»

Николай Васильевич писал: «Поедете вы на Кавказ — вы прежде всего пристально осмотритесь... Вы, как ученик, сначала будете узнавать. Вы не пропустите ни одного старого офицера, не расспросив о его собственноручных схватках с неприятелем, зная, что только из знания подробностей выводится знание целого. Вы заставите всех рассказать себе порознь все подвиги бранной и бивачной жизни; расспросите и цициановцев, и ермоловцев, и офицеров нынешней эпохи и, когда заберете все, что нужно, обнимете все частности, соедините все отдельные цифры и подведете им итог — выйдет в итоге сам собою план полководцу: не нужно будет и головы ломать, ясно будет как день все, что вам нужно делать. И когда весь план будет уже в голове вашей, вы и тогда не будете торопиться; христианское смирение вас к тому не допустит.

Не объявляя его никому, вы расспросите всякого замечательного офицера, как бы он поступил на вашем месте; вы не оставите неуслышанным ни одного мнения, ни даже совета от кого бы то ни было, хотя бы от стоящего на низком месте, зная, что иногда Бог может внушить и простому человеку умное мнение.

Для этого вы не станете собирать военных советов, зная, что не в преньях и спорах дело, но поодиночке выслушаете каждого, кто бы ни захотел с вами поговорить. Словом, вы всех выслушаете, но сделаете так, как повелит вам ваша собственная голова; а ваша собственная голова повелит вам разумно, потому что всех выслушает...»

Не хочет нынешняя власть прислушаться к разуму и правде простых людей, в друзья и поводыри она взяла глупость и ложь.

Как-то к Стороженко зашел друг по службе, ставший генералом, часто вылетающий в Чечню в служебные командировки.

— Знаешь, Николай, — заметил он, — я понял одно в этой авантюре: крупное чиновничество в Москве заинтересовано поддерживать войну, потому что оно делит навар с нефтяными королями. Заметь, бомбили практически всю республику, а завод по переработке тюменской нефти и другие промыслы ни федералы, ни абреки не тронули. А вот другой парадокс этой войны: идет сеча, а деньги, боль-

шие деньги, направляются на какое-то строительство. Какого черта восстановление при бойне? Вот где взрывами списываются деньги налогоплательщиков и расползаются по грязным карманам.

— Ты прав, Володя, но я вижу ещё один феномен. Это первая война, которая в печати, на радио и телевидении показывается соотечественникам глазами и голосами врага — вооруженных и воюющих сепаратистов. Солдаты и офицеры — сыновья рабочих и крестьян — изображаются уродами, вампирами, рохлями. С М И их просто размазывают, тогда как об истинных инспираторах войны молчат.

— Кто платит, тот и заказывает музыку, — вставил генерал.

— Я думаю, это не просто солидарность неких изданий и телестудий из-за финансовой зависимости их от «денежных мешков», в том числе и противной стороны. Это показатель также дикого кризиса нашего общества...

Сын Николая вернулся с войны живым и без ранений, чего не скажешь о психике. Он больше молчал, жаловался на цветные сны, в большинстве случаев с кроваво-красным фоном. О его поведении больше рассказывали сослуживцы, считая, что с ним в разведку можно было идти в любую минуту.

Такая оценка сына — высшая награда для отца.

ТЕНЬ АБВЕРА

*Смирясь в покаянии, душа получает
свою высоту.*

А. Августин

Несколько лет назад Николаю довелось пройти речным круизом на теплоходе «Молдавия» по голубой дороге Европы — Дунаю — от Будапешта (Венгрия) до Пассау (Германия) и обратно.

Для Стороженко Венгрия осталась в памяти страной лейтенантской юности, где в гарнизонах он нарабатывал опыт живого контрразведывательного ремесла. Венгерскую столицу он любил и знал хорошо, поэтому прилёт в Будапешт освежил приятные воспоминания тридцатилетней давности.

Аэропорт, автобус, размещение на теплоходе, обзорная экскурсия по городу — и «Молдавия» тронулась в путь в сторону Австрии. Прошли Словакию и, наконец, оказались в Германии, в городе Пассау. Кстати, в этом городке работал таможенником отец бесноватого фюрера, а сам юный Адольф здесь же чуть не закончил свое земное пребывание. Он тонул на реке Инн, и его спас сверстник, которого Гитлер потом, со слов гида, сгноил в концлагере как оппозиционера.

Стороженко знал, что недалеко от Пассау расположена столица Баварии Мюнхен, где зарождалось нацистское движение и где будущими фашистами в ноябре 1923 года был организован «пивной путч» с целью сбросить баварское правительство, а затем пойти на Берлин и ликвидировать ненавистную им Веймарскую республику. Тогда у них ничего не получилось, а самого фюрера власти упекли в темницу, сделав его узником камеры № 7 Ландсбергской тюрьмы. Николаю хотелось побывать в этом городе и взглянуть на приснопамятный пивной подвал, откуда капитан Эрнст Рэм призывал к действиям.

Экскурсия в Мюнхен состоялась... Подвал предстал во всем великолепии: играл небольшой духовой оркестр, заводилой, конечно же, был трубач-виртуоз. За дубовыми длинными столами сидели с литровыми кружками пива краснощекие баварцы в традиционных костюмах — кожаных бриджах и зеленых жилетках под тёмно-зелёным сукном курток. Они гоготали с неподдельной искренностью, живо обсуждая какие-то, вероятно все, смешные истории. Сновали молчаливые официанты. Николай с женой тоже присели за столик.

Автор у входа в пивной подвал в Мюнхене

Заказали по кружке знатного золотистого местного напитка.

Вдруг к ним подошел старик-незнакомец и на ломаном, но достаточно понятном русском языке спросил:

— Вы ест рузкий?

— Да! — ответил Николай.

— Я немец. Звать миня Курт. Услышаль рузскую речь — захотель говорить с вам. Меня восемьдесят пять. Я старый человек... Я биль в Россия...

Выглядел он гораздо моложе своих лет, — румянец на щеках, прямая походка, моложавое лицо, густая копна белых с ржавыми прядями волос, какие бывают у некоторых людей в глубокой старости. Курт рассказал, что воевал в России, был пленён и возвратился в Германию только в 1953 году.

— Когда и где вам пришлось воевать? — поинтересовался Николай, готовый услышать банальную историю о насильно мобилизованном на фронт рабочем.

— Много воевать. Тяжело было везде — Орша... под Москвой — Крюково, Сталинград... Я биль в абвере, это, нет, нет, не гестапо... разведка Канарис. Понималь? Биль офицер — капитан.

В этом зале абверовец Курт просил прощения
у автора за грехи в России

И вот здесь Николаю вспомнился майор Деев, воевавший с абвером. Может, они и сходились где-то в незримом клинче? Вот как жизнь устроена: советский контрразведчик и абверовец разговаривают в пивной, где Гитлер и Гимлер раздражались азартными пропагандистскими речами, создавая Третий рейх.

Николай заинтересовался подробностями его участия в битве под Москвой, так как готовил статью на эту тему для газеты. И вот что он рассказал.

— Зимой мы ворвались в Крюково, что на севере Москвы. Посёлок запомнился лютым холодом, пронизывающим ветром и... моим дурным поступком. Я отобрал у девочки шерстяное одеяло и снял с ног валенки — большие не по росту. Она так перепугалась, что даже не заплакала. В одеяле я тут же вырезал посередине отверстие, — получилось своеобразное «пончо». А девочка мышонком шмыгнула в подворотню. Бежала в одних носках. О, как мне помогли эти вещи, они мне спасли жизнь! Я с ними не расставался до самого Сталинграда, где и попал в плен...

Времени оставалось мало, ждал автобус, чтобы ехать дальше по Мюнхену, поэтому Николай взял инициативу в свои руки. Его, естественно, интересовали впечатления бывшего врага о боях на подступах к столице.

— Сколько вы были в Крюкове?

— Неделю, а может, дней десять, не больше. Нас выбили ваши катюши.

— Ваши газеты пишут — русским помогал «генерал мороз».

— О да, да, так пишут. Но мы жили в доме сбежавших хозяев. Обогревались печкой, — топили дровами, углём и мебелью. Спали на полу возле очага. В Крюково был комфорт по сравнению с другими местами.

— Сожалеете, что раздели девочку?

— Да, потому и подошел к вам. Сейчас под конец жизни я стал чаще вспоминать свои грехи, чаще каяться, исповедуясь у священника. Честное слово, сегодня я бы встал на колени перед тем обиженным существом. Теперь, если не погибла, — мы перед уходом поставили столько мин, что страшно даже подумать, — если жива, то это уже, наверное, пожилая дама... Русоволосая крюковская девочка в последнее время стала часто приходить ко мне во снах. Я испугался и потому через вас прошу прощения у неё...

После этих слов он как-то скукожился, сделался меньше и старше. По его морщинистым щекам покатались крупные горошины слез. Он повернулся и пошел в глубину прокуренного подвала.

Ах, как Николаю хотелось договорить с ним на эту тему, но времени было в обрез, — сигналил автобус. Стороженко на выходе повернулся в сторону Курта. Тот смотрел на него, протирая платком мокрые глаза.

Мог ли Николай предполагать, что закончив службу в контрразведке, он встретится уже на гражданке с бывшим офицером абвера? И ещё не предполагал, что эта встреча свяжет его с событиями рокового 1941 года... и второй интересной встречей в Крюково.

Позвал Николая в дорогу из Москвы в Крюково телефонный звонок давней знакомой — жены покойного командира полка по службе в Венгрии В. Ванюшкина. Она поведала, что сестра мужа Анна Викторовна нашла часть военного дневника и готова поделиться воспоминаниями о периоде гитлеровской оккупации посёлка Крюково.

И вот Николай сидит в уютной комнате бывшей учительницы. Бросилось в глаза обилие книг. Основу личной би-

блиотеки составляла классика. И немудрено — она была преподавателем русского языка и литературы. В самодельной рамочке в простенке между окон висел портрет Сергея Есенина, по всей вероятности, вырезанный из журнала. На трельяже стоял подсвечник, в котором покоилась витая свеча, похожая на рог горного козла. Ее, видно, никогда не зажигали — так, для красоты стояла, а может, и с практической целью, на всякий «пожарный случай» — веерного отключения боялась и она.

— Чайку я согрею. А то с дороги, небось, промёрзли. Вон какой морозище, — сердечно сказала хозяйка.

Николай удивился её не по возрасту энергичной походке, рациональным движениям и красивому лицу славянской лепки с живыми карими глазами. В них не проглядывала возрастная усталость.

После чая Анна Викторовна рассказала, что во время оккупации немцами Крюково ей было 15 лет и она вела дневник. Потом его потеряла, а вот когда родительский дом стали ломать, он нашелся на чердаке. Она достала старые ученические тетрадки с объединенными, очевидно мышами, уголками...

На обложке было выведено крупными печатными буквами — «Дневник Ани Рудиной».

Она разрешила перелистать его, а потом так увлекла разговором, что уже было не до дневника. Он включил с её разрешения диктофон, записывая по ходу беседы интересные места. Женщина говорила четко, ладно строя предложения, украшенные удачными образами и сравнениями, поясняя отдельные короткие записи.

«22.6.41 г. Сегодня в 11.00 утром по радио было объявлено о начале войны...»

— Чем были отмечены первые месяцы войны в посёлке? — спросил Николай.

— О, это целая эпопея. В Крюково сразу же стали создавать народное ополчение и команды местной ПВО. Дежурили на крышах домов, так как налёты на Москву были практически ежедневными. Помогали взрослым строить оборонительные сооружения на Ленинградском шоссе: рыли противотанковые рвы, ставили проволочные заграждения, металлические ежи.

«3.7.41 г. Нас, учащихся с 7 по 9 класс, пригласили на Крюковский спортивный аэродром помочь в эвакуации самолётов...»

— Как же вы их демонтировали?

— Самолёты разбирали специалисты, а мы помогали авиатехникам грузить части летательных аппаратов на военные грузовики. Работали быстро, слажено и с задачей управились в три дня.

«26.8.41 г. Целыми днями роем окопы и противотанковые рвы на Ленинградском шоссе...»

— Не по руке, наверное, лопата была?

— Тяжел труд, земля была плотно спрессована, высушенная за лето. Лопаты с трудом врезались в сухой глинозём. Да, нелегко было девочкам, но помогало чувство осознанности того, что мы роёмся в земле для нашей же безопасности.

«10.9.41 г. Ученики двух местных школ работали на Жилинской фабрике ёлочных игрушек...»

— ? ? ?

— Дело в том, что с первых дней войны на фабрике развернули производство легковоспламеняющейся горючей смеси. Жидкость эту заливали в бутылки, закупоривали и отправляли на фронт и в партизанские отряды. Работа была вредной для здоровья. Если капелька смеси попадала на одежду, то мгновенно прожигала ткань, а на теле появлялся ожог. Одежда тлела и становилась ветхой даже от паров. За работу нам давали обед, а после обеда — чай, чему мы были очень рады.

«15.10.41 г. Сталин отдал приказ об эвакуации фабрик и заводов, а также населения на восток страны...»

— Как она проходила?

— В Москве началась паника. Поездов для эвакуации не доставало. Ехали люди с детьми даже в товарных вагонах. Некоторые шли пешком, оставляя квартиры и имущество в столице. Рабочим и служащим выдали двухнедельное пособие и по пуду муки, так как пекарни и магазины не работали.

«17.10.41 г. Мы стояли за хлебом в очереди с 4-х утра, а отпустили только на следующий день в 11.00...»

— Вдруг услышали сигнал воздушной тревоги. В небе появилось два немецких самолёта. Они сбросили бомбы на

стоящий товарный состав. Паровоз окутало клубами дыма и пара. Осколками пробило котёл. Мы побежали к месту взрывов. Из паровозной будки вынесли и положили на землю машиниста лет пятидесяти, у которого лицо и руки были ошпарены.

«2.11.41 г. По радио сообщили о прекращении эвакуации из-за частых бомбёжек железнодорожных составов. Чувствовалось, немец приближается. Занятия прекратились. В школу привезли первых раненых. Жители посёлка стали строить из подсобных средств укрытия в земле на случай бомбежки...»

— Мы каждую ночь уходили из дома в землянку-яму, выкопанную во дворе на глубину полтора метра. Сверху положили доски, жёсть и фанеру, и все это присыпали землёй. На дне такого схрона стояла вода. Воздушные тревоги участились: по 4—5 раз днём и 3—4 ночью.

«24.11.41 г. Вчера немцы заняли Солнечногорск, а сегодня фашисты обстреляли поезд, шедший в Москву...»

— Состав остановился на станции Крюково и тут же был подвергнут авиационному налёту. Сгорел полностью детский вагон. Пахло жженой костью и палёным мясом. Обгоревший состав долго стоял на станции. Он напоминал скелет какого-то чудовища.

«28.11.41 г. Продолжается активное отступление наших войск к Москве...»

— Солдаты шли по улице Ленина, по шоссе, по тротуарам. Многие советовали жителям покинуть посёлок и идти в сторону столицы. Мы с мамой вырыли под террасой яму и спрятали некоторые вещи. Сверху положили клеёнку и засыпали землёй. Спрятанное имущество замаскировали дровами, а сами ушли к соседям. У них была довольно просторная землянка.

Наши воины получили приказ: отступая, уничтожить всё, что могло быть использовано немцами. В течение дня взорвали вокзал, железнодорожный мост, два кирпичных завода, сожгли школу, многие магазины, пекарню и другие объекты. Кругом всё горело и гремело. Вечером взорвали часть полотна на перегоне Крюково — Сходня.

«L 12. 4 1 г. В ночь с 30 ноября на 1 декабря немцы ворвались в Крюково. По посёлку грохочут танки, сшибая деревья, заборы, строения и подминая декоративный кустарник...»

— После танков в поселок въехал большой отряд мотоциклистов. Они начали сразу же выгонять мирных жителей из домов и обжитых землянок — и занимали их. Мы сидели в яме-подвале без воды и еды и ждали смерти. Жажду утоляли снегом. Крюково несколько раз переходило из рук в руки. Слышалась то родная русская речь, то вражий немецкий лай.

«2.12.41 г. Со вчерашнего дня началась оккупация. Сегодня расстреляли учительницу русского языка Полякову и ученика 9 класса Диму Ярцева. Моя подружка Лидя Теньковская была тяжело ранена. Ей оторвало снарядом обе ноги...»

— Немцы свирепствовали. Расстреливали за малейшую провинность... Из-за мокрого пола в яме и обездвижения мы перемерзли. Вечером по крыше нашей ямы прошел немец и развалил её. Приходилось на плечах держать потолок, пока другие искали подпорки.

«3.12.41 г. Я вышла из ямы, чтобы набрать чистого снега. Стала сгребать его в ведёрко. Вдруг на меня сзади кто-то набросился. Я обернулась и увидела рыжего немца. Он снял с меня одеяло и отцовские валенки. Тут же в центре одеяла прорезал ножом отверстие и просунул туда голову. Валенки взял под мышку и пошел в сторону дома...»

И вот тут Николая словно током ударило. Он вспомнил беседу с Куртом в Мюнхене несколько месяцев назад.

— Извините, как он выглядел?

— Для меня тогда — зрелым мужиком, долговязым, рыжим... Другие подробности не могу вспомнить — вон сколько времени прошло! Да и с перепугу я его не очень-то запомнила.

У Николая учащенно забилося сердце. «Мистика, и только, — подумал он. — Надо же завязаться такому кольцу!»

— А вы знаете, Анна Викторовна, мне довелось случайно встретиться с вашим обидчиком, вернее, грабителем.

— Неужели? Ведь прошло столько лет...

— Да, да, не удивляйтесь. Он жив и выглядит довольно бодро...

Выслушав рассказ о беседе с бывшим абверцем, собеседница задумалась под впечатлением услышанного. Чувствовалось, что ее взволновало покаяние боварца. Она молчала, глядя отрешенно куда-то в угол.

— А вы бы простили ему тот поступок? — спросил Николай, понимая, что в этом вопросе есть что-то бестактное и преждевременное.

— Дело в том, что кающиеся иногда бывают довольно-таки забавными субъектами. А отдельные типы готовы даже себя высечь, если бы это не было больно. Но, судя по слезам, — хотя, как говорится, не только Москва, но и Крюково им не верит из-за обилия зла, которое они принесли на нашу землю, — я склонна поверить в искренность поступка моего злодея. Очищение души — великое дело. Он обрёл покаяние в разговоре с вами.

— Выходит, я тогда посредник между Куртом и Аней по 1941 году? — заметил Николай.

— Я так и воспринимаю. Дай Бог, чтобы в будущем за подобные грехи не приходилось каяться. Вот и зло Курта начало беспокоить его. Получается почти по Толстому — лучше терпеть зло, чем причинять его. Я уже забыла тот грабёж, а он, видите, вспомнил,— Анна Викторовна тяжело вздохнула и виновато смахнула слезу.

Видно, память вернула её в то время, когда она бежала в испуге без одеяла, служившего платком, и валенок в одних носочках по колкому, горячему снегу к сырой яме, где прятались её мама с соседями от оккупантов.

Николай все же продолжил читать дневник, в котором дальше говорилось, что в ночь с 6 на 7 декабря разразился ожесточенный бой. Ударили катюши, загудели самолеты. Под утро наступило затишье. Через некоторое время появились красноармейцы-саперы. Они обезвредили неразорвавшийся снаряд, лежавший у входа в яму, в которой пряталась семья Ани.

Последняя запись об оккупации датирована 8 декабря 1941 года.

«8.12.41 г. Немцы выбиты из посёлка. Мы выйти из ямы. Наш дом был разграблен за неделю — немцы похозяйничали крепко... Мебель всю сожгли. Привезли на грузовике хлеб. Мама отправила меня за пайком. Выдавали бесплатно по 300 граммов ржаного хлеба, 25 граммов подсолнечного масла и 25 граммов конфет-леденцов «Рябинка». По всему поселку валяются трупы...»

— Мы чудом выжили. Бог, наверное, помог. Дело в том, что в нашей яме-землянке сидела монахиня Андреевской церкви Анна Максимовна Галахова. Она все время читала молитвы и просила Бога и ангелов о спасении наших душ.

— Большие потери были наших солдат в боях за освобождение Крюково?

— Очень много погибло красноармейцев, молодых и старых. Хоронили солдат и офицеров в общей могиле. Клали сначала еловый лапник на дно, а потом штабелями укладывали павших воинов. От крови, трупов, стонов раненых не могла неделю уснуть. Запомнился случай: на лошади мимо нашего дома проехал красивый, молодой солдат на белом коне. Я его проводила взглядом и вдруг... взрыв. Побежала вместе с другими к месту происшествия. На снегу — кровь, куски мяса, шкуры и кожи. На минах подрывалось много и жителей.

Оккупация закончилась. Впереди были тяжелые бои для наших солдат и такие же будни для мирных граждан на пути к далекой победе.

Дневник дочитан. Гость тепло раскланялся с хозяйкой. По дороге в Москву, в полупустой электричке, мысли Николая вернулись к дневнику и незримой ниточке Аня — Курт. Их отношение к событиям прошлого ему показалось знаковым. Немецкий народ осудил фашизм и покаялся перед всем миром за беды, причиненные в годы Второй мировой войны. Не эта ли сопричастность к покаянию толкнула боварца подойти к русскому туристу? А может, религиозность и старческая сентиментальность? Кто знает... Во всяком случае Николай почувствовал удовлетворение от того, что выполнил случайно просьбу бывшего абверовца, а русская женщина великодушно простила, как она сказала, «своего злодея».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Есть преступления, которые не искупаются, —
это измена родине.*

П. Буаст

Родину, как и мать, не выбирают. Она дается с рождения. *Большая* Родина начинается с *малой*. С той, где родился, где прошло твое детство, где живут или покоятся в земле предки.

Нам дороги родители, дороги дети и внуки, родственники и друзья, но все представления о любви к ним соединены в одном слове — Отчизна. «Какой честный человек, — говорил Цицерон, — станет колебаться умереть за неё, если он может принести этим пользу». Такие подвиги знает многострадальная Россия входе великих битв в далекой и недавней истории, а также на полях незримых сражений разведчиков, где слово *патриотизм* означало дело, означало подвиг.

Для военных людей основой, соединяющей слово и дело в единый узел, является защита государства от внешних посягательств. Для военных же контрразведчиков это, прежде всего, обеспечение безопасности мозговых центров — штабов всех степеней — и борьба с вражескими акциями иностранных разведок по внедрению своей агентуры.

Рассказывая об оперативниках КГБ, коллегах высокого профессионального уровня, оболганных ныне «четвертой властью», хотелось не *только* показать их самоотверженный труд, но и напомнить о том, что пока существуют государства, независимо от их отношений между собой, будут активно действовать разведки, использующие в ходе противоборства самые передовые технологии и достижения человеческого разума. Тешить себя иллюзиями о паритетном сокращении усилий «больше знать о партнере» — величайшее заблуждение. Помешать же противной стороне добывать государственные секреты — важнейшая задача контрразведывательных органов.

Проходили века, сменялись политические режимы, распадались государства, однако во все времена предательство Родины, где родился и вырос человек, считалось тяжким преступлением. Совершивший его может быть прощен каким-нибудь временным режимом (постоянных не бывает), однако родимой землей — никогда! А разве потомки прощают предательства предков?! Нет и нет. Они судятся историей!

Самые страшные предательства — это предательства военных, давших присягу на верность Родине, а среди них самые подлые — это предатели на поле боя или в разведке. Эти преступления совершают только законченные подлецы, о которых когда-то говорил Ф.М. Достоевский: «Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убежденные, что их подлость есть высочайшее благородство, подлецы, стыдящиеся собственной подлости при непременном намерении все-таки ее докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы».

В данном повествовании раскрыта третья категория подлецов, которых величают «кротами» или «оборотнями» в армейской среде. Именно с ними вели бои военные чекисты, обслуживавшие ГРУ. Это именно они разоблачали и обезвреживали настоящих врагов Отчизны. В то же время намеренно не показана «технология» выхода на шпионов, поскольку опыт, наработанный поколением советских чекистов, ещё пригодится сотрудникам ФСБ России, которая, я больше чем уверен, ещё возродится и возвратит себе былую славу и мощь.

Верю, что новое поколение профессионалов контршпионажа преумножит лучшие традиции офицеров госбезопасности и им будет сопутствовать чекистское счастье.

Верю в Великую Россию!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово об авторе</i>	5
------------------------------	---

Часть I

СТУПЕНИ МАСТЕРСТВА

Путь в чекисты.....	9
Место службы — Лубянка.....	32

Часть II

ЛИЧИНЫ ПРЕДАТЕЛЕЙ

«Янг» под колпаком контрразведки.....	49
«Тигр» ломает когти.....	67
Провал агента «Алекса».....	79
«Виктор Суворов» и наука предавать.....	110
Двойная игра «Каина».....	134
Тяжелый урок.....	165
Сколько стоит счастье «Коммерсанта».....	177
Крушение планов «Сома».....	203
Черная зависть инициативника.....	225
Запоздавшее возмездие.....	234
«Лимонка» и СПИД для вербовщиков.....	259
Предатель помилован Ельциным.....	280

Часть III

НОВАЯ СТРАНА

Развал великой державы.....	293
Октябрьское безумие.....	302
Война и бойня.....	310
Тень абвера.....	317
<i>Заключение</i>	327

Терещенко Анатолий Степанович
«ОБОРОТНИ» ИЗ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ
Девять предательств сотрудников ГРУ

Редактор
Г. П. Солоницын

Макет и оформление
Е.Г. Кондратенко

Дизайн переплета
О. В. Корытов

Компьютерная верстка
О.Н. Панненко

Корректор
Т. В. Редькина

ИД № 02635.

Подписано в печать 25.06.2004. Бумага офсетная.
Формат 84x108¹/₃₂- Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 17,64. Тираж 5000 экз. Заказ № 3752.

Издательский дом «Звонница-МГ».
127055, Москва, ул. Сущевская, 21.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.